

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2017 – 12 (306)

Научно-информационный бюллетень

Издаётся с 1992 года

**Москва
2017**

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Редакционная коллегия:

И.В. Зайцев – д-р ист. наук, доцент, шеф-редактор.

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, профессор, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *В.К. Белозёров* – д-р полит. наук, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Ш.Р. Ка shaft*, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченнович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2017. – № 12 (306). – 126 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>P. Мухаметзянова-Дуггал.</i> Религия и власть в России в XX–XXI вв.: Три модели государственно- конфессиональных отношений	5
<i>M. Решетников.</i> Что привлекает молодежь в террористические организации и группы?	11

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>M. Батчаева.</i> Мусульманские молодежные субкультуры в КЧР: Структура и функции	29
<i>E. Алексеенкова.</i> Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС)	36

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>E. Бирюков.</i> Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности	60
<i>B. Долгов.</i> Социально-политическое развитие Туниса и стратегия «Движения Нахда»	85

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>П. Поломоинов, А. Поломоинов.</i> Исламская и христианская антропология как альтернативные версии религиозного гуманизма	102
Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2017 г.	119

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Р. Мухаметзянова-Дуггал,

доктор политических наук,
главный научный сотрудник

отдела религиоведения Института этнологических
исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра РАН

РЕЛИГИЯ И ВЛАСТЬ В РОССИИ В XX–XXI вв.: ТРИ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается последовательная смена трех моделей государственной конфессиональной политики в России в XX–XXI вв. Отмечено, что для монархической России было характерно клерикальное (конфессиональное) государство, для буржуазного периода российской истории – проведение реформ, обеспечивающих религиозную свободу, для советской эпохи – строительство атеистического государства. Особое внимание уделяется современному периоду – процессу становления новой (отделительной, а затем кооперационной) модели государственно-конфессиональных отношений.

Ключевые слова: модель государственно-конфессиональных отношений, светское государство, Россия.

Сегодня мир является свидетелем исключительной роли религиозного фактора в мире. Одна из причин этого видится в объективных процессах складывания нового миропорядка, последствия которого вынуждают ученых исследовать вопросы политизации религии, использования ее ценностей, атрибутов и символов в чисто политических целях. Трагические события последних лет, происходящие в удаленных друг от друга уголках земного шара, но связанные использованием религии в качестве своеобразного знамени протesta и политических амбиций, все

больше показывают нерасчлененность политических и религиозных понятий в современном мире. Поэтому, на наш взгляд, приоритетной задачей политики Российского государства в сфере свободы совести является выработка оптимальной модели, основанной на разумном балансе учета современных изменений роли религиозного фактора в политике и конструктивного российского опыта мирного сосуществования конфессий.

Исторический опыт показывает, что в XX в. в России последовательно сменились три модели государственной конфессиональной политики. Для монархической России было характерно клерикальное (конфессиональное) православно-христианское государство. В Российской империи существовала четырехуровневая правовая градация вероисповеданий, каждое из которых занимало в ней определенное место и наделялось соответствующим объемом прав или лишалось их. Такая политика определялась, прежде всего, идеологическими соображениями и национально-политическими факторами. На вершине конфессиональной иерархической структуры располагалась православная церковь, занимавшая исключительное положение в общественно-политической системе Российского государства, служившая идеологической опорой его внутренней и внешней политики. Ступенью ниже находились «признанные терпимыми» исповедания и их приверженцы – католики, протестанты (лютеране и реформаты), иудеи, мусульмане, буддисты [Вероисповедная политика... 2005: 21]. Среди прочих специфических черт вероисповедной политики государства в докереволюционной России можно выделить: вмешательство во внутреннюю жизнь других конфессий; стремление к ограничению «иностранных» и «иноверных» религий строгими национальными рамками; непризнание права личности на религиозное самоопределение и т.д.

Что касается изменения религиозного мировоззрения, то в России оно было тесно связано с процессом европеизации и имело циклический характер. По мнению Ю.Ю. Синелиной, процесс секуляризации начинался в среде высшего общества, а затем охватывал все образованное общество. Постепенно в этот процесс вступали новые слои общества. Автор выделяет три больших цикла секуляризации. Первый – в высших слоях общества (с реформ Петра I); второй – в среде разночинцев, средних классов общества, новой интеллигенции (с 1861 г.); третий – в среде рабочих и крестьян (примерно с 1905 г.) [Синелина 2004: 161].

Для буржуазного периода российской истории характерно проведение реформ, обеспечивших религиозную свободу. Именно Февральская революция положила начало строительству в России светского государства, главным принципом которого стало отделение церкви от государства. Постановлением от 14 июля 1917 г. было признано не только право перехода из одного вероисповедания в другое, но и вневероисповедное состояние; пользование гражданскими и политическими правами не ставилось больше в зависимость от принадлежности к вероисповеданию, никто не мог теперь преследоваться и ограничиваться в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры [Вероисповедная политика...2005: 38]. Однако Временное правительство оставило в не-прикословенности царские законы, определявшие отношения между государством и конфессиональными институтами – православной церковью, другими христианскими и нехристианскими организациями, в то время как политически активной частью общества, многими представителями инославных и иноверных религиозных организаций настойчиво выдвигались требования отделения церкви от государства и школы от церкви, правового равенства религий, введения гражданской метрикации и т.д.

Таким образом, вероисповедные реформы начала XX в. представляли собой существенный шаг в процессе перехода от феодальной к буржуазной модели государственно-конфессиональных отношений. Однако большинство провозглашенных принципов не получили законодательного закрепления, и столь ожидаемая российской прогрессивной общественностью буржуазная модель государственно-конфессиональных отношений так и не успела сложиться. После Октябрьской революции 1917 г. народы России были поставлены перед фактом радикального изменения места религии в их жизни.

Советская эпоха (1917–1991) сформировала свою, «советскую», модель государственно-конфессиональных отношений. Для нее характерны правовой запрет на религиозные убеждения, на деятельность религиозных объединений и всемерная поддержка государством одного мировоззренческого выбора – атеистического. Несмотря на то что в Конституции декларировалась светскость, предполагающая нейтральное отношение к религии, отделение религиозных объединений от государства, закреплялось право граждан на свободу совести, фактически политика государства была направлена на искоренение существующих на его территории исконных верований и недопущение появления новых рели-

гиозных групп и движений. В то же время, несмотря на сохранение своей сущностной основы, государственная религиозная политика в СССР претерпевала серьезные модификации, а гонения на верующих в годы советской власти имели волнообразный характер.

С середины 80-х годов XX в. в нашей стране идет процесс формирования новой модели государственно-конфессиональных отношений в рамках светского типа государства. Отметим, что в рамках светского государства выделяются две основные модели политики, или формы государства: отделительная и кооперационная. В отделительной модели, или внеконфессиональном (аконфессиональном) государстве, ведущим принципом является принцип равноудаленности всех (традиционных и новых) религиозных объединений от государства. Никакой церкви не отдается предпочтение, осуществляется принцип невмешательства во внутренние дела как религиозной организации, так и государства.

Кооперационная модель, или форма «культурного сотрудничества», предполагает отношения приоритетного государственного партнерства, сотрудничества по ряду важнейших вопросов в жизни общества с традиционными, наиболее распространенными конфессиями. Подавляющее большинство светских государств избрали две указанные модели государственно-конфессиональных отношений. К какой из этих моделей относится новая модель государственно-конфессиональных отношений в нашей стране?

На различных этапах своего развития она принимала разные формы. До середины 1990-х годов шло складывание отделительной модели. Основой для нее послужил Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990). Его историческое значение заключалось в том, что государство перестало быть монополистом в духовной жизни общества и личности. Данным законом, либеральным по характеру, были созданы все условия для деятельности самых различных видов религиозных организаций. В то же время в государственно-религиозных отношениях стали проявляться деструктивные тенденции. Они проявились в распространении новых религий и иностранных религиозных миссий, в ослаблении дружественных связей различных конфессий, возникновении конфликтных ситуаций внутри самих конфессий, имели место политизация религии, дискредитация научных знаний о религии и др.

Позиция государства в данном вопросе была следующей: «Верьте во что хотите и как хотите». Однако направленность на отделительную модель сохранялась короткое время – с 1990 по

1993 г. Начиная с 1994 г. можно говорить об ослаблении движения к отделительной модели государства и к свойственным этой форме государственно-конфессиональным отношениям.

1994–1997 гг. стали временем кризиса, когда ни государство, ни общество уже не устраивали прежние форма и модель политики в отношении религиозных объединений. Пришло понимание того, что любая свобода (будь то свобода совести, свобода убеждений) есть специфическое интимное состояние любого человека, связанное с внутренней свободой его воли. И как таковое оно находится вне сферы правового регулирования. А любая общественная деятельность, включая и осуществляющую по религиозным мотивам, обязательно подлежит тому или иному правовому регулированию, в том числе при необходимости она может быть ограничена и даже запрещена.

С середины 1990-х годов государство встало на путь ужесточения религиозного законодательства, и в 1997 г. был принят новый закон о свободе совести, что положило начало новому этапу формирования российской политики в сфере свободы совести. Закон сдвинулся в сторону формы «культурного сотрудничества», или кооперационной модели. На практике государство начало осуществлять приоритетное сотрудничество с традиционными для России религиозными объединениями – православными, мусульманскими, иудаистскими и буддистскими – и стало проводить протекционистскую политику по отношению к ним. Но при этом наметился крен в сторону возрождения элементов вероисповедной политики, свойственной «конфессиональному государству» периода дореволюционной России.

С конца 1990-х годов в российской государственной политике проявляется заметная унитаристская тенденция, в результате чего как центральная, так и региональная власть все более активно включается в регулирование религиозной жизни. Факт отделения духовных институтов верующих от государства зачастую является декларацией. Как показывает практика, роль государственных органов в жизни религиозных общин весьма значима. Не изжиты методы регулирования деятельности религиозных организаций с помощью привлечения административного ресурса.

Таким образом, в государственно-конфессиональных отношениях существует противоречие между отделительной моделью государственной религиозной политики, зафиксированной в законодательстве, и фактически реализуемой кооперационной моделью. Данное противоречие накладывает отпечаток на все сферы отно-

шения государства и религиозных организаций, особенно на те, в которых сложилось тесное сотрудничество, – социальную, культурную, образовательную и др. Так, например, неоднозначно идет процесс воссоздания военного духовенства в Вооруженных силах нашей страны. Продолжаются дискуссии по поводу целесообразности введения религиозного компонента в учебный процесс в светских государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Актуальными проблемами остаются вопросы разработки и принятия концепции государственно-конфессиональных отношений, создания единого органа в области государственно-конфессиональных отношений в целях упорядочения и координации сотрудничества всех государственных ведомств, имеющих отношение к религиозным организациям. Политика на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также в различных субъектах нашей страны осуществляется с учетом сложившейся этноконфессиональной ситуации. В то же время она часто отличается и осуществляется в меру компетентности тех или иных госслужащих в вопросах религии и государственно-конфессиональных отношений. Тем не менее можно согласиться с мнением, что современной России ближе кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений, которая предполагает отношения приоритетного государственного партнерства с традиционными для российской цивилизации вероисповеданиями в условиях полноценной реализации конституционных принципов свободы совести и вероисповедания для всех религиозных объединений, не несущих угрозу государственному суверенитету, территориальной целостности, общественному порядку и безопасности [Вера. Этнос... 2009: 144].

Таким образом, исторический опыт функционирования различных моделей государственно-конфессиональных отношений в XX–XXI вв. показал, что государство и религиозные институты – по сути своей разнородные начала, призванные действовать разными методами и в разных сферах. В дореволюционной России религии российских народов и государственная православная церковь наряду с другими компонентами являлись важнейшими государство- и нациеобразующими элементами, были неотъемлемой частью российской истории, культуры, менталитета. Эти элементы требуют к себе особого внимания и особого отношения. Их нельзя игнорировать, так как это может привести к напряжению в государственно-конфессиональных отношениях и – шире – во всем

гражданском обществе. С другой стороны, признание за религией важной роли в духовной жизни не означает, что общество должно быть нацелено на всеобщую клерикализацию, на замену светских эталонов поведения религиозными. Правовая градация религий и конфессий может привести к межконфессиональному напряжению, всплеску этноконфессиональной нетерпимости. Представляется важным осуществлять удовлетворение разносторонних духовных потребностей человека, создать благоприятный морально-психологический климат в стране.

Литература

1. Вероисповедная политика российского государства: Учебное пособие (отв. ред. М.О. Шахов). 2005. – М.: Изд-во РАГС. – 207 с.
2. Синельник Ю.Ю. 2004. Секуляризация в социальной истории России. – М.: Academica. – 216 с.
3. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания (под ред. М.П. Мчедлова и др.). 2009. – М.: Культурная революция. – 400 с.

«Власть»,
M., 2017 г., № 6, с. 100–104.

М. Решетников,

доктор психологических наук,
кандидат медицинских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
ректор Восточно-Европейского института
психоанализа

**ЧТО ПРИВЛЕКАЕТ МОЛОДЕЖЬ
В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
И ГРУППЫ?**

Аннотация. В статье анализируются основные социально-психологические и социально-политические проблемы современности, в частности борьба США за геополитическое доминирование; противодействие РФ созданию монополярного мира; общемировой кризис идей и институтов демократии; возрождение и повышение значимости идей справедливости; количественный рост террористических настроений и качественная трансформация террористических организаций.

Ключевые слова: геополитика, демократия, кризис, современный капитализм, молодежь, терроризм.

Практически все мировые СМИ демонстрируют жестокие преступления запрещенной в России ИГИЛ против человечности и культуры. Эти преступления настолько отвратительны, явны и наглядны, что нет никаких оснований не доверять тому, что мы читаем, видим и слышим. Тем не менее ряды этой и других террористических организаций постоянно пополняются молодыми людьми, при этом не только из исламских стран, но и за счет этнических западноевропейцев и выходцев из новых государств, образовавшихся после распада СССР. Это заставляет предполагать, что в них есть нечто, что обладает особой привлекательностью для молодежи. Попытаемся (на примере ИГИЛ) понять что? Но для этого придется критически пересмотреть некоторые представления, которые стали уже традиционной частью современного мировоззрения. В данном случае имеются в виду идеи демократии и справедливости, движущих сил прогресса и глобализации.

1. Общемировой кризис идей и институтов демократии

1.1. Период иллюзий и надежд

Начнем с анализа формирования и состояния общества, в котором мы живем. Появление современной демократии как ведущего принципа общественного устройства Западной Европы однозначно связывается с идеями Просвещения и Великой французской революцией (1789), которая стала переломным моментом современной истории и способствовала распространению и утверждению представлений о гражданских правах, равенстве и свободе, принадлежащих каждому от рождения.

Символическим выражением этих идей стал предельно простой, понятный каждому и чрезвычайно мощный лозунг: «Свобода, равенство, братство». По сути, это предполагало новую веру в величие свободы духа и свободной личности.

Одновременно в этом лозунге была заложена идея природного равенства всех людей по их задаткам и способностям, а все имеющиеся формы неравенства рассматривались как искусственные, обусловленные сложившейся в обществе несправедливостью, а также как следствие морально устаревших социальных институтов. Считалось, что достаточно освободиться от этих институтов и каждый человек проявится во всем величии своих духовных и физических сил.

И в этом было первое и величайшее заблуждение. Как убедительно доказано современной наукой и всем историческим и социальным опытом человечества, люди не равны по своим физическим, интеллектуальным и духовным качествам, и с этим, как отмечал даже Карл Маркс, «ничего нельзя поделать». Тем не менее на протяжении двух последних столетий критерием развития европейской (традиционно христианской) цивилизации оставалась апелляция к тем правам и свободам, которые были записаны вначале в «Декларации прав человека и гражданина», а затем, уже в середине XX в., во «Всеобщей декларации прав человека».

1.2. Модернизация демократических иллюзий

Хотя провозглашенные принципы «свободы, равенства и братства» фактически оказались иллюзией или заблуждением, они никогда не пересматривались, но в XX в. претерпели существенные изменения.

Либеральная идеология, появившаяся как преемница идей Просвещения и провозгласившая приоритеты, прежде всего, свободы экономической (следствием чего стало еще более явное неравенство), закономерно привела к появлению социалистических, коммунистических и подобных им идей. В одних странах, например в Австрии и Швейцарии, эти идеи были реализованы вполне цивилизованно, а в других трансформировались где-то в большевизм, где-то в нацизм, а где-то в «современный капитализм», понятие которого пока недостаточно осмыслено. Либеральная модель экономики породила либеральную мораль, уже давно балансирующую на грани безнравственности, анализ которой увел бы нас далеко за рамки этой публикации.

Причина достаточно очевидна – дегуманизация идей Просвещения, из которых постепенно выходили «равенство и братство». По сути, в «новом издании» модернизированной западноевропейской идеологии осталась только идея экономической свободы, обретшая новое звучание в иллюзорно-спекулятивном лозунге «равенства возможностей», которого также никогда не существовало ни для отдельных людей, ни для стран и народов. В результате на смену идей «всеобщего равенства и братства» пришли идеи парциального звучания: «пролетарской солидарности», «социалистического единства» и т.п., включая более позднюю идею ЕС или исламского единства. Достаточно редко упоминается один из главных признаков «современного капитализма» –

появление нового массового класса «униженных и оскорблённых» (пришедшего на смену классическому пролетариату). А именно: имеется в виду низкоквалифицированный и высококвалифицированный, и даже высокообразованный наемный персонал, не имеющий (в сравнении с работодателями) почти никаких прав и социальных гарантий и получивший наименование «прекариат» (т.е. нестабильный, опасный)¹.

Одновременно с этим демократия была провозглашена как самая лучшая система общественного устройства, причем как самая миролюбивая. Однако наличие угроз для демократии начало осознаваться еще после Первой мировой войны, когда президент США Вудро Вильсон совершенно четко обозначил цель завершившейся всемирной бойни – сделать мир безопасным для демократии. Проблемы остального мира демократических лидеров начала XX в. не особенно заботили.

Напомню, что к началу XX в. практически весь мир был разделен между ведущими европейскими (действующими или будущими демократическими) странами и существовал в форме их колоний. Самыми крупными колониальными империями были Великобритания, Германия, Голландия, Испания, Италия, Португалия, США и Франция². Освободившиеся к середине XX в. от колониальной зависимости страны получили название стран «третьего мира», и до настоящего времени многие из них выступают в роли источников сырья и дешевой рабочей силы для бывших метрополий. Это позволяет международным корпорациям минимизировать свои издержки, перемещая в эти страны свое производство, в первую очередь добывающую и обрабатывающую промышленность, и производство товаров массового потребления.

¹ Прекариат – это искусственный термин, образованный от англ. понятия *precarious*, характеризующего негарантированные трудовые отношения, которые могут быть расторгнуты работодателем в любое время.

² Российская империя также была одной из крупнейших колониальных держав, но присоединяла преимущественно сопредельные территории, единство которых поддерживалось силой и идеей равноподданства русскому царю, а затем всё той же силой и иллюзорной идеей пролетарского интернационализма. Правда, в отличие от своих западных «коллег», Россия колонизовала, но не колонизаторствовала; естественно она от части «выкачивала» из своих колоний природные и интеллектуальные ресурсы, но одновременно привносила в новые земли современную культуру, образование и технологии. Тем не менее переоценка этого периода и адекватные выводы в отношении постколониальной политики в отношении бывших «братских республик» еще не сделаны.

Существенное примечание: поскольку национальная администрация в странах третьего мира приходила на смену смешанного или колониального чиновничества, беззастенчиво грабившего национальные ресурсы этих стран, эта администрация «усвоила» все тот же колониальный тип управления, в первую очередь ориентированный на собственную наживу и подавление остального населения. В результате во многих странах третьего мира сформировались коррумпированные правящие режимы тоталитарного типа.

Эти режимы, безусловно, не заслуживают позитивной оценки, но они обеспечивали стабильность в ряде таких регионов. Здесь уместно напомнить, что еще Т. Гоббс – один из предвестников демократии – в своем «Левиафане» отмечал, что существуют другие религии и структуры повседневности, другие идеи и идеалы, а также страны, в которых только могущественный тиран может принуждать людей к мирному существованию. Во всех других случаях неизбежны войны и междуусобица.

Этот тезис явно не принимался во внимание (или наоборот¹), когда в начале XXI в. лидеры США, вдруг позабыв о предшествующих двух столетиях борьбы за право каждого на инакомыслие, решили привнести демократию в страны и регионы, где для этого не существовало никаких предпосылок. Прежде всего там не было экономически независимых от государства граждан, не считая иных национальных и религиозных обычаяев и традиций. Чем это закончилось в Ираке, Ливии и Сирии (а затем и для ранее относительно стабильной Европы) – все хорошо известно. И вполне справедливо прозвучал вопрос Президента РФ (28.09.2015 г.), адресованный лидерам Запада: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?»

1.3. Достижения и пороки демократии

Никто не будет отрицать, что общеевропейскими усилиями была создана высокая духовная и материальная культура. Но она не единственная. В последнее столетие появилась тенденция объединять, а затем и путать культуру с техническим прогрессом. А позднее уже сам технический прогресс с цивилизационным процессом, который лидерами экономически мощных государств

¹ Нестабильность в некоторых регионах для отдельных стран является чрезвычайно выигрышной ситуацией.

нарциссически идентифицируется исключительно с европейской цивилизацией, составляющей около 21% планетарной популяции.

Здесь, конечно, есть определенное заблуждение. Мне приходилось не раз задавать этот вопрос: действительно ли весь неевропейский мир (79% населения планеты) страстно желает присоединиться к этой внешне респектабельной и благоухающей, но местами дурно пахнущей алкоголем, безверием, наркотиками, распадом семьи, проституцией, порнографией, ненадежностью дружб и двойными стандартами, коррупцией и продажностью цивилизации? Все вместе (и респектабельность, и всё остальное) обычно именуется «западным образом жизни» и «обществом потребления»¹. Но, как будет показано далее, оказалось, что далеко не всех это прельщает, даже на том же Западе. В этом «образе жизни» остается все меньше пространства для высоких смыслов и нравственности, которые подменяются товарным фетишизмом и сакрализацией материального достатка.

Все еще провозглашаемые демократические лозунги уже давно не подтверждаются и не верифицируются повседневной реальностью. Идеи демократии за прошедшие два века сильно обветшали и дискредитировались и уже не вызывают того пафоса и духовных порывов, с которыми когда-то шли на баррикады и на смерть. Добавим к этому еще одно веское обоснование: за последние 30 лет преступность во всём мире возросла в среднем в 3–4 раза, а в самых демократических странах, таких как США, – в 6–8 раз. Средний рост преступности в мире составляет около 5% в год. И это на фоне такого же количественного роста различных правоохранительных структур, призванных защищать идеалы демократии. Стал ли мир от этого безопаснее? Если для защиты демократии требуется все больше сил и средств, не требует ли это ее переосмыслиения, как некой «высшей стадии развития человечества»?

1.4. Несколько штрихов к процессу глобализации

О глобализации можно говорить долго и описывать ее с различных точек зрения и подходов – геополитических, экономиче-

¹ Не являясь специалистом в сфере экономики, все же позволю себе высказать предположение, что и сама «адамсмитовская» парадигма и идея «невидимой руки рынка» последовательно демонстрируют свою порочность.

ских, социальных и т.д. Но у нее имеются несколько маркеров, без которых понимание этого процесса было бы неполным.

Деньги стали постепенно утрачивать свое основное назначение и превратились в специфический товар, не подлежащий длительному хранению. Освоение новых территорий больше не сопровождается созданием и развитием производственных мощностей и заселением тех или иных регионов. Основным вариантом «освоения» стало все более технологичное изъятие природных ресурсов и высококвалифицированного научного и кадрового потенциала с закономерно односторонним вектором их движения в страны – лидеры глобализации. Одновременно с этим существует ряд ограничений на передачу высоких технологий странам, не относящимся к лидерам глобализации.

В итоге некогда популярная фраза о том, что «мы все в одной лодке», дополнилась саркастическим примечанием: «но некоторые в качестве провианта», и начала приобретать реальный смысл для целых стран и народов. Расслоение населения по уровню доходов постоянно растет, особенно за счет сверхприбыльной сферы экспорта природных ресурсов и ничего не производящего (кроме финансовых операций) банковского капитала, достигая «разрывов» между самыми высокооплачиваемыми менеджерами и работающей беднотой («прекариатом») в сотни и даже тысячи раз. Практически во всех странах появилась категория «более равных», безнаказанность которых пропорциональна их капиталу. Насколько вообще (с точки зрения государственной морали) оправдан ставший совсем недавно привычным тезис о «легализации капитала»?

Что-то изменилось в современном мире, и это что-то еще не осмыслено. Современный демократический дискурс не дает населению Европы никаких представлений о векторе движения общества, нравственных идеалах и смыслах бытия. Высокая культура сменилась массовой, высокая политика – популизмом, высокая нравственность – нравственной нищетой. В результате всё еще провозглашаемые демократические принципы «свободы, равенства и братства» и даже некогда чрезвычайно популярный лозунг «мирного сосуществования» стали звучать всё более цинично. Но они никогда не пересматривались.

Нужно констатировать, что надежды французских просветителей не оправдались. По мере развития демократии мир не стал лучше или безопаснее, и, главное, он не стал справедливее.

2. Идея справедливости

На протяжении тысячелетий поиски новых моделей государственных и общественных структур и даже формирование всего современного миропорядка шли под лозунгами борьбы за справедливость. Идея справедливости не только занимала выдающиеся умы человечества, но именно ради нее совершались реформы, революции и велись многочисленные войны.

Идея справедливости тесно связана с идеологией, основная функция которой состоит в сглаживании противоречий, а точнее – в создании некой принимаемой социумом объяснительной системы для всегда существовавших и существующих противоречий. При отсутствии официальной (или неофициальной) идеологии противоречия неизбежно нарастают, и если не будут вовремя замечены и устранены, они закономерно ведут к социальным взрывам.

Со времен Аристотеля принято выделять два вида справедливости: уравнительную и распределительную. Распределительная справедливость предполагает, что существует некто, получающий или присваивающий роль того, кто распределяет, а фактически – того, кто устанавливает порядок и уровень справедливости в обществе. И на кого возлагается ответственность за все формы несправедливости.

Существует несколько теорий справедливости, но остановимся только на одной, наиболее часто упоминаемой в общественных дискуссиях. Так называемая гуманитарная теория справедливости обосновывает, с одной стороны, что все люди должны иметь равные права, а с другой – что экономические отношения должны быть устроены так, чтобы *наибольшие преимущества имели наименее преуспевающие члены общества*.

Последнее положение было обозначено как «принцип справедливого неравенства» и нашло свое выражение в лозунге о «праве каждого на достойный уровень жизни». Эта концепция была подвергнута справедливой критике, так как *принцип социальной справедливости фактически устраниет соревновательность в обществе и порождает неконкурентоспособную экономику*, что со всей очевидностью продемонстрировал опыт социалистического строительства в СССР.

Поэтому с точки зрения общих интересов любого государства и социума такие подходы следует рассматривать как «антисоциальные». Адекватная современному периоду развития общес-

ства идеология должна разъяснить именно такие и подобные противоречия между принципами справедливости и интересами всего общества.

Повторим еще раз: люди не равны по своим задаткам и способностям, и любая уравнительная система противоречит естественным законам и принципам экономического и социального развития общества.

Тем не менее в любом обществе существуют представления о справедливом различии в доходах и том уровне, когда такое различие приобретает характер несправедливого. При отсутствии идеологии (и налагаемых ею сдерживающих факторов экономического расслоения общества) уровень общественного недовольства и агрессивности в отношении всего, что оценивается как несправедливое, постоянно нарастает и ведет к дестабилизации социума.

Определенная дестабилизация характерна сейчас для всего демократического мира, который входит в новую эпоху и переживает системный кризис смены парадигмы развития. Как прогнозировалось автором еще 20 лет назад [1; 2], эта смена, скорее всего, будет проходить чрезвычайно болезненно и не цивилизованно. А возможно, она уже идет.

3. О неисламском терроризме

Хотя весь мир испытывает реальное беспокойство по поводу исламского терроризма, на территории собственных государств люди гораздо чаще сталкиваются с бытовым фанатизмом и криминальным и полукриминальным терроризмом своих же сограждан. На один международный теракт приходятся сотни «локальных», обычно квалифицируемых как преступные «расстрелы одноклассников» или «сослуживцев», «домашнее насилие» или «хулиганство», а в других случаях вообще никак не квалифицируемых.

По сути, эти два типа терроризма отличаются только масштабом угроз, жертв, наличием или отсутствием политических требований и освещением в СМИ. Но мир почему-то не замечает этих параллелей. В результате общее продвижение к пониманию современных социальных процессов явно тормозится – что-то постоянно не думается и не договаривается.

Приведем анализ роста террористических настроений в (обычно именуемой в качестве «самой демократической») стране, который дал профессор Джеймс Фокс из Бостонского университета (2011): «В американском обществе существует определенное

число людей, которые озлоблены на окружающий мир, полностью им разочарованы, считают свою жизнь разрушенной и не хотят больше жить... И решают жестоко отомстить тем, кто, по их мнению, несет ответственность за их неудачи и не дает им шанса справиться с жизненными проблемами. Выбирая между суицидом и кровавой расправой, они, как правило, выбирают и то, и другое». Как известно, количество таких «случаев» нарастает из года в год. И эти теракты (Ланзы – в США, Брейвика – в Норвегии, Виноградова – в Москве и им подобных представителей титульных этносов) не имеют никакого отношения к исламскому терроризму. Может быть, стоит подумать о том, что, кроме внешних причин роста агрессивности населения, существуют и некие внутренние?

Практически всё развитие человечества и все смены общественно-экономических формаций шли под лозунгами борьбы с несправедливостью и сопровождались попытками утверждения новых, более справедливых – экономических и социально-психологических – отношений между людьми. Но лозунги существовали сами по себе, а общественно-экономические отношения сами по себе, постепенно дискредитируя провозглашенные некогда идеи.

В процессе истощения потенциала тех или иных лозунгов всё более явно проявлялось, что не только высокие идеи, но и стремление к власти и алчность, как отмечал Ф. Энгельс, были и есть главными силами прогресса. Именно стремление к власти и алчность властных структур неизбежно приводили вначале к дискредитации высоких лозунгов и идей, и затем – к закономерной смене социально-экономических отношений и формаций.

Возможно, аналогичный процесс мы наблюдаем и сейчас, так как всё еще провозглашаемые демократические принципы и лозунги всё больше не соответствуют тому, что демонстрируют реальная жизнь и реальная политика. Необходимо принять как данность, отбросить иллюзии и последовательно разъяснить идущим нам на смену поколениям: не идеи равенства и братства, и даже не идеи справедливости определяют индивидуальную и общественную жизнь, включая страны и народы, а жесткая конкуренция. И по мере истощения природных ресурсов планеты эта конкуренция будет только нарастать.

4. Качественная трансформация террористических организаций

В предшествующий период террористические организации различного толка существовали преимущественно в глубоком подполье и осуществляли свои «вылазки» в форме одноразовых терактов. С этой точки зрения история запрещенного в России «Исламского государства» (с рядом захваченных территорий и собственной регулярной армией) демонстрирует качественно новый этап развития современного терроризма.

Рассмотрим вначале предысторию ИГИЛ, хотя это и не так просто. Эта история еще не завершена, фрагментарна и противоречива. Попытаемся изложить ее с минимумом эмоциональных оценок. Точная дата создания этой организации неизвестна. Считается, что ее основой стала одна из радикальных исламских (суннитских) группировок, которых в период между иракскими войнами было множество. Дополнительно большинство аналитиков связывают появление ИГИЛ с партией Арабского социалистического возрождения «Баас», во главе которой долгое время стоял Саддам Хусейн. В основе идеологии «Баас» лежали идеи арабского национализма (суннитского толка) и социализма. Нужно напомнить, что именно при Хусейне (после длительной колониальной и полуколониальной истории страны) уровень жизни в Ираке стал одним из самых высоких в арабском мире, а уважение к армии было поднято на небывалую высоту.

После захвата Багдада американские войска привели к власти шиитское большинство и начали проводить повальные «чистки» и увольнение членов и сторонников партии «Баас» из всех госструктур. «Я сказал лидерам партии “Баас”, что отныне путь в правительство для них закрыт», – признал бывший глава американской администрации в Ираке Пол Бремер. В результате тысячи чиновников всех рангов, офицеров и полицейских, составлявших ранее элиту иракского общества, остались без работы, утратили свой материальный и общественный статус и продолжали подвергаться преследованию как оккупационными войсками, так и радикальными шиитскими фанатиками.

Кроме того, не будем забывать, что это Восток, где такие понятия, как вера, статус, иерархия, родство, почитание старших и начальников, имеют совсем иной социальный и индивидуальный смысл и содержание. Многим из бывших столпов иракского общества, партии и армии пришлось посидеть в тюрьме и скрываться от

угрозы смертной казни. Самое главное – их самих, их семьи, их детей, а возможно, и внуков – лишили исторической перспективы. Поэтому у многих из них не было иного выбора, кроме как обратиться к идеи вооруженной борьбы за власть.

По мнению ряда экспертов, именно бывшие сторонники С. Хусейна и сформировали ядро ИГИЛ. И это не какой-то вооруженный сброд, и даже не «Талибан», а хорошо обученные войска. Многие иракские офицеры получили подготовку в советских военных училищах и академиях. Бывшие чиновники Саддама Хусейна – люди с европейским образованием и опытом государственного управления, тем не менее хорошо понимающие значение догматов веры, а также роль идеологии, политической пропаганды и образа врага.

Любое восстание и борьба (независимо от ее праведных или неправедных целей) обязательно предполагают наличие заразительных, мощных и апеллирующих к эмоциям идей, а также доверия масс и веры в некое иное будущее. Такими идеями стали идеи социализма, помноженные на радикальный ислам суннитского толка. Многие западные аналитики пишут о том, что они ненавидят нашу цивилизацию. Это не совсем так, они культивируют презрение к ней, выставляя напоказ чуждые исламу (впрочем, как и христианству) все упомянутые выше пороки западной демократии. Именно поэтому по силе пропагандистского эффекта «исламский социализм» сейчас выходит на первое место в развитых странах. Существует несколько тысяч различных информационных ресурсов, которые ведут пропаганду на арабском, английском, немецком и русском языках, чтобы привлечь на свою сторону в первую очередь молодых людей. И привлекают.

5. Чем они привлекают?

Общеизвестно, что террористы-фанатики – это преимущественно молодые люди, для которых характерны такие свойства, как юношеский максимализм, романтика борьбы, склонность подвергать сомнению все устоявшиеся нормы и правила, а также устоявшиеся ценности в сочетании с энергичностью и агрессивностью психологических установок. При нахождении в здоровом социуме этим естественным психологическим потребностям молодых людей противостоит консолидированная позиция взрослого большинства и стабильное государство (как одна из важнейших

родительских структур), и постепенно новое поколение становится социально более адаптивным.

Но ситуация качественно меняется, когда и это (взрослое) большинство оказывается в состоянии кризиса переоценки, общественного недовольства, пересмотра всех устоявшихся норм и правил и т.д., что сейчас характерно для всего мира, который, как уже отмечалось, входит в новую эпоху и переживает системный кризис смены парадигмы развития.

Обратимся к некоторым примерам, когда именно молодые люди становились знаковыми фигурами переломных исторических событий, и начнем с Великой французской революции. Марат еще в 19 лет увлекается проблемой социальных преобразований, а Робеспьер к 30 годам уже один из наиболее известных и влиятельных политических деятелей, идейный вдохновитель террора, утверждавший, что смертная казнь является обязанностью любого революционного правительства. Джордж Вашингтон (будущий президент США) в 22 года стал командиром ополчения, участвовавшего в колониальной войне. Симон Боливар, едва примкнув к восставшим против испанского владычества, в 27 лет получает звание полковника и титул губернатора Пуэрто-Рико. Джузеппе Гарибальди в 26 лет уже член тайного общества «Молодая Италия». Лев Троцкий с юности увлекся идеей революции и уже в 18 лет (!) создал подпольный кружок, в котором насчитывалось до 200 человек. Че Гевара – в 26 лет уже овеянный славой революционер. Дед нашего премьера-реформатора Аркадий Гайдар (несмотря на дворянское происхождение) в 14 лет уже член РКП (б), а в 17 уже командир полка в Красной Армии.

Таких примеров огромное множество. И эти имена известны всем, они остались в истории! Зачем годами учиться или работать, что-то изобретать, делать открытия или писать диссертации, когда можно обрести всемирную известность через борьбу? Как соблазнительно для молодых активистов!

В середине и второй половине XX в. наиболее значимыми были антиимпериалистические выступления, основной движущей силой которых, как и ранее, была молодежь. Эти выступления активно поддерживались Советским Союзом как оплотом всей системы противодействия капиталистической идеологии. С крахом этой системы образовался идейный «вакуум», и ничего нового или хотя бы интересного для молодых активистов предложено не было. В итоге часть молодежной активности растворилась в сексе, алкоголизме и попкультуре. А другая часть начала искать идейные

опоры за пределами демократического «вакуума» и империалистического беспредела.

Затем на смену истощившегося и активно подавляемого антиимпериалистического движения пришли антиглобалисты и также преимущественно молодые люди. Но и это движение, ощущив свою бесперспективность, постепенно снижает свой накал. А молодежь снова обращается к поиску хоть каких-то идеалов или чего-то более значимого, чем товарный фетишизм и материальное благосостояние.

Определенное количество исходно оппозиционно заряженных социальных активистов, настроенных на перемены и страстно желающих быть услышанными, всегда присутствует в любом обществе. Это нормально и естественно. Но если культура и социум не принимают, не обсуждают или исходно отвергают идеалы такого социального активиста, а наличная власть не обеспечивает его сколько-нибудь адекватной объяснительной системой современности, он легко может трансформироваться в социального фанатика. В принципе крах любых идеалов и иллюзий может стать причиной «некоторого умопомешательства», как Н. Бердяев определял фанатизм. Может быть, стоило бы именно с этой точки зрения рассматривать все, что происходит в бывших союзных республиках СССР после краха социалистических и коммунистических иллюзий и идеалов? А параллельно упомянуть и о высоких идеалах демократии, и о том, насколько они верифицируются в реальной жизни современного демократического сообщества.

6. Почему они идут в ИГИЛ?

На вынесенный в подзаголовок вопрос уже неоднократно пытались ответить аналитики, журналисты и публицисты. Один из распространенных вариантов ответа: «Они едут воевать на Ближний Восток ради социальной справедливости». Но это только главный и, как уже отмечалось, самый привлекательный лозунг, который активно используют вербовщики.

Пропагандисты ИГИЛ обещают им гораздо больше – новый мир, в котором не будет богатых и бедных, «более равных», слуг и господ, неправого суда, коррупции и взяточничества, курения и наркотиков, алкоголя и проституции, двойных стандартов и однополых браков, порнографии и гей-парадов и т.д. Безусловно, эти идеи – очередные иллюзии и манипуляции, основанные на ведущих факторах общественного недовольства. Однако для молодых

активистов, разочарованных в западном образе жизни, в ряде случаев они оказываются более чем привлекательными.

Мне часто приходится встречаться со студенческой молодежью. Большинство соглашается, что эти лозунги – очередная иллюзия, и признает, что построение такого идеального общества невозможно. А некоторые говорят: «Это вы смирились с тем, что это невозможно!» Другие формулируют эту идею с мрачной обреченностью: «Даже если это невозможно, главное – выйти из исторического нравственного тупика, куда весь мир завела нас вниз, лживая западная демократия и идея общества потребления, уподобив людей скоту».

Наши западные коллеги отмечают, что молодых людей с таким мировоззрением уже не единицы, а тысячи, и не только приверженцев ислама, но и этнических европейцев-христиан.

В последнее время в молодежной среде активно обсуждается стремление США к безусловному доминированию в современном мире и противодействие этой попытке со стороны России. Характерно, что некоторые молодые активисты смотрят на это противостояние достаточно скептически, так как считают, что чем бы оно ни завершилось, это не затронет основ утверждавшегося в демократических странах «образа жизни» и не приведет к кардинальным изменениям в стратегии развития современного мирового сообщества. А нынешнее состояние этой стратегии у определенной части молодежи явно не вызывает восхищения. Поэтому многие молодые активисты из Азии, Ближнего Востока, Европы и США готовы бороться за идею какого-то нового общественного устройства, хотя сами они не очень-то понимают, каким именно оно должно быть. Есть только недовольство, и пока никто не предложил им иных идей, смыслов бытия и в целом иной модели будущего. А такая модель нужна.

Нет никаких сомнений, что общими усилиями российских Военно-космических сил и западной коалиции боевики ИГИЛ в Сирии, безусловно, будут разгромлены. Но эти люди никуда не денутся, они рассеются по всем сопредельным и удаленным странам мира, на время затаются у своих сторонников и сочувствующих (по данным западных агентств, только в арабских странах таких около 24 млн). Ранее мной уже обобщался опыт изучения исламского терроризма, в частности приводились данные, что даже после многолетнего заключения в тюрьме за терроризм лишь 16% боевиков не планируют возвращение к своей прежней преступной деятельности [2].

Говоря о терроризме, мы обычно характеризуем его как результат деятельности террористов. А следствием чего является появление этих самых террористов, остается наименее изученным вопросом. Поэтому и проблема контрпропаганды оказывается практически неразрешимой.

7. Как это могло случиться? Есть ли исторические аналогии?

Мир шокирован и возмущен тем, что они убивают и казнят ни в чем не повинных людей, даже младенцев. Они отрезают головы пленным, топят людей, закованных в кандалы. Все, кто не признает их веру, объявляются врагами и обрекаются на смерть. Они убивают даже муфтиев. Они разрушают святыни.

Думаю, что накануне юбилея Октября 1917 г. стоит вспомнить и без излишней стыдливости рассказывать современной молодежи, что происходило в одной, очень верующей и богообязненной, православной стране 100 лет назад, когда был провозглашен лозунг: «Свобода, равенство, братство» и без какой-либо религиозной подоплеки была объявлена непримиримая борьба за новую справедливость под лозунгами: «Фабрики рабочим!», «Землю крестьянам!», «Власть народу!», «Мир хижинам – война дворцам!», «Да здравствует красный террор!» и т.д. И при отсутствии радио, телевидения, Интернета и прочих современных СМИ эти идеи в самые короткие сроки всколыхнули огромную страну, и миллионы оболваненных людей бросились в кровавую битву.

Пролетарская и сельская беднота, у которой никогда не было такой исторической перспективы, легко поверила, что она и есть самый передовой класс – «могильщик капитализма». А все остальные единоверцы – интеллигенция, зажиточные крестьяне, привыкшие работать с восхода до заката, люди, которые умели что-то делать и создавать, верой и правдой служившие Отечеству солдаты и офицеры – были обозначены как «буржуазия и ее прихвостни» и обречены на уничтожение. И вовсе не только как класс, а на физическое уничтожение.

Сравним размах событий. По современным данным, представленным в 2015 г. правозащитными организациями Сирии и Ирака, общее количество жертв ИГИЛ составляет около 20 тыс. человек, в том числе женщин, детей и муфтиев. Одновременно с этим ими были осквернены десятки религиозных святынь и памятников истории.

В период Гражданской войны в России (1917–1922) были убиты и умерли от ран 2,5 млн, погибли в результате террора 2 млн, умерли от голода и эпидемий 6 млн, были вынуждены бежать из страны более 2 млн человек. Из 77 тыс. церквей, действовавших в России в 1914 г., к 1948 г. были разграблены и разрушены более 63 тыс. Только в 1937 г. были арестованы 136 900 православных священнослужителей, из них расстреляны 85 300 человек.

Пролетариат был просто опьянен идеей всеобщего равенства, провозглашения его самым передовым классом и наделение его правом на насилие над «враждебным классом». Патологически поверив в эту историческую иллюзию, до этого достаточно толерантный и богообязанный народ отказался от веры предков и погряз в крови. Но идея новой справедливости была крайне соблазнительной. Воодушевленные этой идеей в ряды Красной армии, карательных отрядов и ЧК вступали тысячи высокообразованных людей, офицеров, студентов, творческой интеллигенции и даже романтически настроенных представителей крупного капитала. И ведь искренне боролись за торжество справедливости, расстреливая классовых врагов целыми семьями, включая малолетних детей, как исходно враждебный класс. Старшее поколение еще помнит, чем это закончилось. То, что пришло на смену коммунистическому режиму (1991), вначале было воспринято с воодушевлением, но по мере бескомпромиссного слома всего старого «с водой выплеснули и ребенка» – традиционные для России идеи и образы будущего были отвергнуты, а новых так и не появилось.

8. «Перемен требуют наши сердца...»

Мы все еще действуем на (выдвинутой младореформаторами в качестве основной) платформе экономизма и недооцениваем роль и силу идей. И пока ничего не противопоставили идеологии так называемого «Исламского государства» и ему подобных. Предшествующий и современный опыт человечества со всей очевидностью демонстрирует, что ни общая территория, ни общий язык, ни общая история не делают конкретный социум единым народом. Только обращение в общее будущее является главным консолидирующим фактором, и этот образ должен быть ясным и привлекательным.

Идея справедливости – это не только лозунг, но и маркер. Дискуссия о справедливости и периодическое усиление неспра-

ведливости идут на протяжении всей истории человечества параллельно. Однако усилие этой дискуссии является маркером потребности перемен. Демократия – это весьма противоречивый общественный институт, так как провозглашенные ею лозунги свободы, равенства и братства, так же как идеи справедливости и равенства возможностей все меньше подтверждаются в реальной жизни. Относительно уверенно можно сказать только одно: смыслы жизни и справедливость не находят, а обретают в борьбе, но эта борьба должна вестись цивилизованными методами.

Литература

1. Решетников М.М. Современная российская ментальность. (Психоисторический анализ). – М.: Российские вести, 1995. – 192 с.
2. Решетников М.М. Психологические факторы развития и стагнации демократических реформ. – М.: МГУ, 2014. – 320 с.

«Информационные войны»,
г. Юбилейный МО, 2016 г., № 3 (39), с. 28–36.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М. Батчаева,

старший преподаватель

кафедры государственного и муниципального
управления и политологии Карачаево-Черкесского
университета имени У.Д. Алиева

МУСУЛЬМАНСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В КЧР: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

Аннотация. В условиях глобализации и реинституционализации ислама в Карачаево-Черкесии происходит формирование и функционирование молодежных мусульманских субкультур, выполняющих функцию религиозной социализации. Молодые мусульмане обособляются внутри доминирующей культуры традиционалистского ислама, признаками идентификации в их среде выступают ценностные ориентации на идеи исламского фундаментализма, внешний вид, образ и стиль жизни, гендерные отношения.

Ключевые слова: молодежные мусульманские субкультуры, реинституционализация ислама, субкультурные признаки, глобализация, гендерные отношения.

Процесс глобализации, затронувший все стороны жизнедеятельности социума – политическую, экономическую и культурную, обостряет в российском обществе проблемы противостояния традиционного и модернистского как в целом в системе культуры, так и в институте религии в частности. С одной стороны, глобализация как политический феномен способствует распространению либеральных идей, пропаганде прав и свобод человека. С другой стороны, глобализация как культурный феномен становится источником противоречий и проблем в сфере этнической, религиозной и иной социальной идентичности. Глобалистская культура

может провоцировать противоречия с национальными и религиозными нормами и традициями. Так, например, модернистские установки во многом противоречат нормам кавказской традиционной культуры, но в результате «возрастания» возможностей информационного воздействия, при наличии огромных технических достижений, эти установки приводят к переоценке ценностей в традиционной культуре. Либерализация и демократизация социальной системы современного российского общества в условиях глобалистской культуры способствуют и свободе нравов, и свободе выбора системы ценностей и убеждений. Глобализация превращает культуру в одну большую пеструю мозаику, состоящую из субкультур. В современной науке существует множество определений субкультуры. Так, согласно американскому социологу М. Брейку, исследовавшему молодежные субкультуры, субкультура – это особая форма организации людей (чаще всего молодежи), автономное целостное образование внутри господствующей культуры, определяющее стиль жизни и мышления ее носителей, отличающееся своими обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами. Понятие «субкультура» также используется для характеристики стиля и образа жизни, набора символов, культурных образцов и ценностей той или иной обособленной социальной группы, в то же время не теряющей связей с доминирующей культурой [1, с. 84].

Совершенствование средств массовых коммуникаций, увеличение потока и доступности информации приводят к появлению в современном российском обществе в целом и в Карачаево-Черкесии в частности различных субкультур внутри доминирующей кавказской традиционной культуры. В первую очередь, образование субкультур различной направленности характерно для молодежи как наиболее прогрессивной части социума. Наибольшее внимание общественности с конца прошлого века привлекают мусульманские молодежные субкультуры региона. Продиктовано это рядом факторов как политического, так и социального характера. Среди этих факторов можно отметить события мирового масштаба, связанные с развитием ислама; чеченские войны на рубеже веков; обострение межпоколенческого конфликта «отцов и детей» в связи с трансформацией социальной системы; эффект юношеского максимализма; реинституционализацию ислама; экономические проблемы в регионе. В массовом сознании, не без участия СМИ, сформирован негативный образ молодого мусуль-

манина, причем чем моложе мусульманин, тем негативнее восприятие окружающих.

С позиции социологической науки мусульманские молодежные образования возможно проанализировать посредством субкультурного подхода, так как им присущи основные признаки субкультур: стиль и образ жизни, ценностная система, символы и культурные образцы, такие как внешний вид, пищевые ограничения, гендерные отношения, самоидентификация и т.д.

Система идей исламского фундаментализма является идеологической основой для мусульманских молодежных субкультур. Исламский фундаментализм характерен для суннитского направления. Согласно исламскому преданию, через каждые 100 лет в исламе появляется «обновитель веры», который способствует очищению ислама от всяческих наслоений и нововведений. Исламский фундаментализм как идеология движений за возвращение к чистым истокам веры принял вид салафизма (от араб. *салафия* – «праведные предки»). Образцом истинной исламской общины для последователей фундаментализма является Мединская община Пророка и мусульманская умма времен четырех праведных халифов [2, с. 49]. Все аспекты жизни мусульман в фундаментализме регулируются Кораном и Сунной как основами шариата. Как и на всем Северном Кавказе, в КЧР фундаменталисты выступают за очищение ислама от «недозволенных новшеств», укоренившихся, по их мнению, в сознании и религиозной практике кавказских мусульман. Доминирующей религиозной культурой в регионе является суннитский ислам ханафитского толка. Его также можно назвать «традиционистским» исламом, или, как его еще называют, «исламом по рождению». Проявляется доминирующая религиозная исламская культура сугубо в культово-ритуальной практике, в первую очередь в похоронном обряде. Импульсом к появлению внутри доминирующей исламской религиозной культуры субкультур стал процесс реинституционализации ислама в постсоветский период, продолжающийся и в современной России. На фоне возрождения религиозных ценностей, отсутствия собственной кавказской исламской богословской школы, социального кризиса, геополитических процессов мирового масштаба, связанных с исламским миром, в рядах молодых мусульман региона стал распространяться исламский фундаментализм. Идеи исламского фундаментализма были созвучны и юношескому максимализму, и нигилизму, отвержению принятых традиционных религиозных идей. Подпитывались они и социальным и экономическим кризисом, так

как религия особенно востребована в критические моменты жизни человека. В то же время эти субкультуры не противоречат доминирующей религиозной культуре региона, не пытаются активно ее разрушить.

Мусульманские молодежные субкультуры региона не являются образованиями со строго определенными границами, членами, процессами особой инициации неофитов. Они представляют собой динамичные изменчивые образования, внутри которых происходит постоянное движение. Структурную модель молодежных мусульманских субкультур можно представить в виде образований с размытыми границами, внутри которых происходит постоянное движение «от центра к ядру» и обратно. Понятие «круги» мы используем для определения территориальных образований, формирующихся по факту непосредственного повседневного взаимодействия. Образования, называемые нами «молодежные мусульманские субкультуры», представляют как наслоенные друг на друга «круги», с определенными характеристиками и признаками. Непримиримость взглядов, выставление напоказ своей приверженности, более молодой возраст, поверхностное знание основ фундаментализма – характеристика «внешних кругов». Религиозная зрелость, умеренность взглядов, более старший возраст, более глубокое знание основ исламской религии – характеристика «центра-ядра». «Круги» в субкультурном единстве представлены в большинстве своем умеренными фундаменталистами. Они более открыты для изучения, идут на контакт, не враждебны. «Круги» радикальных фундаменталистов абсолютно закрыты, что затрудняет их изучение, рождает множество мифов и страхов в массовом сознании.

Значимыми субкультурными признаками молодых мусульман выступают идеи исламского фундаментализма, внешний вид и одежда, пищевые запреты, самоназвание и самоидентификация, обрядово-ритуальная практика, экономическая и трудовая активность, гендерный ролевой порядок.

Идеи исламского фундаментализма в системе идей молодых мусульман региона представлены общими для исламского фундаментализма постулатами:

– призыв к строгому единобожию, бескомпромиссная борьба с проявлениями язычества и нововведениями;

– возрождение исламских нравственных ценностей, отрицание традиционных норм и ценностей кавказской культуры, не соответствующих нормам «чистого» ислама;

– установление социальной справедливости, в соответствии с нормами шариата;

– призыв к утверждению коллективистских ценностей, чувства солидарности, взаимопомощи, неприятие западных образцов индивидуализации в повседневной практике;

– в обрядовой практике – допущение принципа «ислам без мазхабов».

В большинстве своем молодые мусульмане региона в своем поведении и сознании ориентируются на эти идеи.

Внешний вид в любой субкультуре является одним из главных отличительных признаков. Не являются исключением и молодежные мусульманские субкультуры региона. Традиционно, молодые мусульмане отличаются одеждой, прической и другими атрибутами. При этом все внешние атрибуты, присущие им, являются предписанными с точки зрения ислама вообще. Однако в современной Карачаево-Черкесии, да и на всем Северо-Западном Кавказе в доминирующей культуре традиционалистского ислама строгие предписания по одежде, прическе, внешнему виду не соблюдаются вследствие влияния глобалистской культуры, процессов модернизации и атеистического советского прошлого. В доминирующей культуре сегодня нормой считается европейский стиль одежды с незначительными этническими мотивами.

Ношение бороды, предпочтение свободной одежды европейскому костюму, укороченные или заправленные в носки и обувь штанины, отказ от галстуков, отказ от шелковых одежд и золотых украшений характерны для мужского образа «истинного мусульманина» в регионе. Хиджаб, платок, заколотый булавками без узлов, ограничения в косметике, обувь без каблуков, длинный подол и свободный покрой характерны для женской половины молодежных мусульманских субкультур. Следует отметить, что чем уменьшнее «круг», тем больше свободы в одежде и внешнем виде.

Пищевые запреты в среде молодых мусульман распространяются не только на мясные продукты и алкоголь, но и на всю пищу. Под запретом многие готовые продукты, такие как «кокакола», мармелад, сладости с животными жирами. Более радикальная часть строго определяет понятие «хаяль» – дозволенное, ограничивая пищу приготовленной только «истинными мусульманами».

Самоназвание и самоидентификация определяются как внешним видом, так и системой «свой – чужой». Используется традиционное для фундаменталистов понятие «ахий» – «мой брат»

и «ухти» – «моя сестра». Для определения «своих» используется термин «джамаат» в его значении «община истинных мусульман». Особенности ритуальной и обрядовой практики определяются предпочтением в молодежных мусульманских субкультурах мусульманских норм и традиций, а не кавказских. Особенно ярко это проявляется в похоронной обрядовой практике. Значительные отличия характерны для обрядов рождения ребенка, вступления в брак. При рождении ребенка, согласно исламской традиции, в первые дни жизни на ухо ему произносят шахадат, имя младенцу дают не старшие родственники, а сами родители. Свадебные ритуалы ориентированы также на отход от норм традиционной культуры. Разрешение многоженства, возможность развода и вступления в повторный брак, в том числе женщинами, порицаемые в традиционной культуре, становятся нормой для молодых мусульман. Кульминацией свадьбы становится не раздача подарков, а процедура некяха. Похоронные обряды упрощаются, отказываются от традиционного годового траура, громкого оплакивания, многих обрядов, в том числе от раздачи пищи, одежды, посуды родственниками умершего.

Трудолюбие и добросовестное отношение к работе в среде молодых мусульман становятся атрибутом их профессиональной деятельности. Молодые мусульмане предпочитают экономическую независимость, заняты в основном в сфере малого и среднего бизнеса, предпочитают частный сектор государственным учреждениям. В основном экономически активны мужчины.

Одним из субкультурных признаков молодежных мусульманских образований можно назвать и гендерный ролевой порядок. В отличие от современного гендерного порядка доминирующей культуры, молодежные мусульманские субкультуры ориентированы на традиционные патриархальные гендерные схемы. Доминирующая культура региона претерпевает значительные гендерные трансформации, связанные с ролью мужчины и женщины в семье, с экономической ответственностью в гендерном разрезе в назначении женщины. Гендерная схема молодых мусульман строго предписывает мужчинам заботу о женщинах, ответственность за финансовое благополучие женщин. Женщина ассоциируется с традиционной патриархальной ролью матери, тогда как в доминирующей культуре региона под влиянием западной культуры образ женщины тиражируется, рассматривается как предмет потребления. Наиболее привлекательным для девушек-неофиток является гендерный ролевой порядок молодежных мусульманских

субкультур, который, с одной стороны, дает им свободу, с другой – относительное благополучие и гарантию защиты в семье. Кроме того, среди молодых мусульманок минимальное количество одиночных женщин, обеспечивающих себя и своих детей.

Как и любые субкультуры, молодежные мусульманские субкультуры могут выступать элементами доминирующей культуры в случае их востребованности социальной системой, при выполнении ими определенных социальных функций. Главной функцией молодежных мусульманских субкультур региона является социализация молодежи, в частности социализация религиозная. Именно отсутствие четкой системы религиозной преемственности, действенных механизмов религиозной социализации и вызывает к жизни молодежные мусульманские субкультуры. Выполняют эти образования и специфические функции, среди которых можно отметить оказание коллективной поддержки и солидарности при решении социально-экономических проблем, предложение системы идентификации и приспособления к изменчивым реалиям жизни, что в молодом возрасте очень важно.

Большинство молодых мусульман, повзрослев, занимают прочные позиции в социальной системе, отходят от строгой идентификации себя с «джамаатом», покидают «круги». Но эти же «круги» пополняются новыми рядами молодых людей, которые находятся в духовном поиске, в сложной жизненной ситуации, переживают маргинальное состояние, испытывают влияние юношеского максимализма.

Литература

1. Батчаева М.Д., Узденов Т.А. Особенности формирования мусульманских молодежных субкультур на Северном Кавказе: Аксиологический аспект // Толерантное пространство современности: Экономика – право – мораль: Материалы Первого междунар. науч. форума. – Кисловодск: Мир, 2008. – 105 с.
2. Левин З.И. Реформа в Исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. – М.: Ин-т востоковедения РАН Крафт+, 2005. – 230 с.

*«Вестник АГУ»,
Майкоп, 2016 г., вып. 4189 (Социология), с. 44–49.*

Е. Алексеенкова,
кандидат политических наук,
научный сотрудник Центра глобальных проблем
Института международных исследований
МГИМО (У) МИД России, менеджер
по аналитической работе Российского совета
по международным делам
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЗДАННЫХ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ФОРМАТОВ «5+1»
(С УЧАСТИЕМ США, ЮЖНОЙ КОРЕИ,
ЯПОНИИ И ЕС)

Аннотация. Центральная Азия стала рассматриваться как самостоятельный регион не так давно. Сложный исторический контекст, в рамках которого государства Центральной Азии выстраивали свое взаимодействие с соседними государствами, отложил серьезный отпечаток на формирование собственной субъектности государств региона. В результате после распада СССР в регионе начался сложный и длительный период выстраивания странами региона собственной системы внешнеполитических и внешнеэкономических отношений как с непосредственными соседями, так и с ведущими мировыми и региональными державами. В итоге за более чем 25 лет независимости государства Центральной Азии накопили большой опыт взаимодействия с США, Россией, Китаем, Европейским союзом, Южной Кореей, Японией и другими государствами, заинтересованными во взаимодействии со странами региона в соответствии с собственными национальными интересами.

Помимо выстраивания отношений с каждой из стран региона на двусторонней основе, ряд перечисленных выше государств пытаются развивать многосторонние форматы сотрудничества в Центральной Азии. С учетом различий в социально-экономическом и политическом развитии государств Центральной Азии, разности их национальных интересов, отражающихся на взаимодействии с третьими странами, успешность работы данных форматов нельзя оценить однозначно. В настоящее время такие многосторонние форматы, обозначаемые формулой «5+1», в регионе развиваются США, ЕС, Япония, Южная Корея. Форматы отличаются по заявленным целям, содержательному наполнению, механизмам сотрудничества и позволяют реализовывать различные интересы стран-участниц.

В рамках данной работы проводится анализ данных форматов с целью выделения ключевых интересов участников и определения векторов последующего развития отношений обозначенных государств со

странами региона, что представляется необходимым для наиболее эффективного планирования выстраивания отношений России с государствами Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, многостороннее сотрудничество, формат «5+1», региональное развитие, США, Япония, Южная Корея, ЕС, ЭПШП, сопряжение, ЕАЭС.

Центральная Азия – регион, отличающийся значительным разнообразием возможностей и вызовов. Большие запасы природных ресурсов, серьезный демографический потенциал, транзитные возможности в центре Евразии сочетаются со слабостью политических институтов, высоким конфликтным потенциалом, слабо диверсифицированной и высокорискованной экономикой, а также серьезным набором внешних и внутренних вызовов безопасности. К первым относятся близость к очагам нестабильности в Афганистане и на Ближнем Востоке при крайне низкой степени защищенности границ, ко вторым – проблемы социально-экономической устойчивости, угрозы роста религиозного экстремизма, этнических конфликтов. Обозначенные возможности делают регион привлекательным для внешних игроков, ищущих дополнительные возможности для развития собственных экономик, будь то ресурсы или дополнительные рынки. Обозначенные риски и угрозы, которые в случае хаотизации региона способны провоцировать дестабилизацию в соседних странах, в сочетании с неспособностью государств региона справиться с данными рисками самостоятельно, делают вовлечение внешних акторов не только желательным, но и необходимым.

С целью реализации имеющихся возможностей и преодоления возникающих рисков ряд государств сформировали такие многосторонние форматы сотрудничества со странами региона, как «5+1». В рамках данной работы мы попытаемся охарактеризовать эти форматы, выделить их общие и отличительные черты, обозначить их перспективы и ограничения.

США: Между «С5+1» и «Make America great again»

В период с 30 октября по 3 ноября 2015 г. состоялся первый масштабный визит госсекретаря США в Центральную Азию, охвативший все пять государств региона. В рамках данного визита

в Самарканде прошел первый саммит госсекретаря и пяти министров иностранных дел Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении¹, ознаменовавший старт формата «С5+1» и оформленный подписанием «Самаркандской декларации»².

Документ подчеркивает приверженность сторон принципам суверенитета, независимости и территориальной целостности и декларирует стремление развивать сотрудничество во многих областях: в региональной торговле; транспорте и развитии транзитного потенциала; энергетике; улучшении бизнес-климата и стимулировании инвестиций; формировании устойчивой среды; борьбе с изменением климата; развитии энергоэффективных технологий и пр. В конце списка оказались сотрудничество в преодолении трансграничных вызовов безопасности (терроризм, трафик оружия и наркотиков и др.); поддержка развития в Афганистане и признание его фактором, влияющим на стабильность в регионе; создание в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, и гуманитарное сотрудничество («people-to-people contacts», культурное сотрудничество и расширение обменов в сфере образования и бизнеса). Таким образом, сам документ не несет в себе чего-то существенно нового – новым в данном случае является лишь формат сотрудничества.

Предполагается, что первая встреча в формате «С5+1» лишь положила начало развитию сотрудничества в многостороннем формате³ и зафиксировала: во-первых, готовность всех стран-участниц к взаимодействию и кооперации; во-вторых, обозначила общий (самый широкий) круг общерегиональных проблем, по которым может вестись многосторонний диалог. Предполагается, что в ходе последующих встреч будет создано несколько рабочих групп по конкретным направлениям сотрудничества.

В чем же смысл создания нового формата? Ведь еще с 2001 г. США были довольно глубоко вовлечены в дела региона в связи с проведением антитеррористической операции в Афганистане

¹ РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/world/20151223/1347476906.html#ixzz4B3yU7dYx>

² Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and the United States of America, Samarkand, Uzbekistan // Media Note, Office of the Spokesperson, Washington, DC. November 1, 2015 [Electronic resource]. – URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/11/249050.htm>

³ As Kerry Leaves, What's Next For U.S. in Central Asia? // Eurasianet. org, November 4, 2015. [Electronic resource]. – URL: <http://www.eurasianet.org/node/75901>

и созданием «Северной сети снабжения». США довольно тесно сотрудничали с Узбекистаном по афганской проблеме, в Киргизии функционировала авиабаза Манас, закрытая лишь в 2014 г., в Таджикистане – авиабаза Айни. В Центральной Азии масштабно работает американское агентство содействия развитию USAID, и США являются одним из крупнейших доноров Киргизии. С 2011 г. США реализуют в регионе программу «Новый Шёлковый путь», в рамках которой предполагается внедрение проекта CASA-1000 с целью продажи электроэнергии, выработанной на ГЭС Киргизии и Таджикистана, в Афганистан и Пакистан, в также строительство газопровода ТАПИ (Туркмения–Афганистан–Пакистан–Индия) с целью обеспечения Южной Азии центральноазиатскими ресурсами и одновременно с целью развития Афганистана.

Однако в связи с выводом основной части войск коалиции из Афганистана отпадает необходимость в столь масштабном присутствии внерегиональных держав в государствах региона. Проекты CASA-1000 и ТАПИ боксуют вот уже несколько лет по причине того, что никто не готов и не способен гарантировать их безопасность на территории Афганистана, что ставит под вопрос всю концепцию «Нового Шёлкового пути». В то же время к региону Центральной Азии всё больший интерес проявляет Китай, который в 2013 г. выступил с масштабной инициативой «Экономического пояса Шёлкового пути» и становится чрезвычайно активным инвестором в странах региона. С 2015 г. два государства Центральной Азии – Казахстан и Киргизия – являются членами Евразийского экономического союза, демонстрируя, таким образом, готовность развивать более тесное сотрудничество с Россией и Беларусью. Очевидно, что США рискуют остаться аутсайдером в процессах, происходящих в регионе. И хотя никаких прямых экономических интересов у США в Центральной Азии нет, попадание в статус аутсайдера явно противоречит неизменному стремлению США «диверсифицировать» отношения государств региона с внешним миром и препятствовать возрастанию в регионе роли Китая и России. Создание формата «C5+1», как представляется, призвано прежде всего показать пяти государствам, что помощником в решении их региональных проблем могут быть не только Россия и Китай, но и США, которые на данном этапе не преследуют никаких конкретных интересов, кроме как содействие развитию региона. Примечательно, что в ходе своего турне Джон Керри не акцентировал внимания на ситуации с правами человека в регионе и не выразил публичного порицания запрету Партии ислам-

ского возрождения Таджикистана, а также ситуации с независимыми СМИ в Туркмении, Узбекистане и др. Это может свидетельствовать о том, что США утратили веру в возможность повлиять на внутриполитическую ситуацию в странах региона, признав поражение своего почти 30-летнего курса на содействие демократизации региона и решив сконцентрироваться на поддержании своего присутствия в регионе, пусть даже без какого-либо содержательного наполнения.

Отсутствие со стороны США каких бы то ни было конкретных инициатив и программ в сфере региональной безопасности свидетельствует о том, что в последние годы пребывания у власти администрации Б. Обамы Вашингтон не был готов существенно вкладываться в решение проблем региона – будь то проблемы экономического развития, изменения политических режимов и даже роста угрозы терроризма, религиозного экстремизма и пр., отдавая их на откуп наиболее вовлеченным соседям – России и Китаю. Формат «С5+1», инициированный Дж. Керри, вероятно, имел целью прежде всего прояснение позиций руководства государств региона и текущего положения дел, а также демонстрировал центральноазиатским правительствам наличие альтернативного России и Китаю «незаинтересованного» союзника в решении проблем развития.

Новая администрация Д. Трампа еще не сформулировала какой бы то ни было конкретной повестки в отношении Центрально-Азиатского региона. Динамики в отношении развития формата «С5+1» пока тоже не наблюдается. На первый взгляд, напрашивается вывод о том, что вовлечение в дела Центральной Азии никак не вписывается в концепцию «Make America great again» («Сделаем Америку снова великой») и выглядело бы в логике нынешнего дискурса администрации США как распыление ресурсов в условиях необходимости решения гораздо более важных внутренних и внешних задач. Однако риторика нового президента США, а также ряд «новых веяний» в регионе (прежде всего вступление в должность нового президента Узбекистана Ш. Мирзиёева и объявленные реформы в Казахстане) позволяют сделать некоторые предположения относительно возможного направления развития центральноазиатской политики США.

Прежде всего, необходимо отметить отсутствие акцента на вопросах соблюдения прав человека и сущности политических режимов центральноазиатских государств в выступлениях Д. Трампа и представителей американской администрации. Так, известные

американские правозащитные организации недавно отметили отсутствие госсекретаря Р. Тиллерсона на презентации ежегодного отчета Госдепартамента о правах человека¹; вероятно, также будет сокращено финансирование Совета ООН по правам человека со стороны США, что многими экспертами было оценено как пренебрежение новой администрацией вопросами прав человека. Очевидно, что в ближайшее время мы вряд ли услышим какую-либо существенную критику в адрес центральноазиатских правительств по данному вопросу. Более того, в связи с намечающимся «потеплением» политического климата в Узбекистане с приходом к власти Ш. Мирзиёева², объявленными реформами и попытками налаживания контактов с соседями³ со стороны США могут последовать некоторые позитивные сигналы в адрес Узбекистана, в том числе в виде интереса к стране американского бизнеса. В случае развития такого сценария прямая зависимость между политическими изменениями и объемом полученных инвестиций продемонстрирует экономический интерес к Узбекистану со стороны США и сможет послужить наглядным примером для остальных государств региона. Представляется, что этот пример будет более убедительным и эффективным, чем многократно применяемая ранее критика со стороны США в адрес политических режимов и по поводу ситуации с правами человека. Реформы, провозглашенные в Казахстане, также дают повод США задуматься о возможности наращивания экономических контактов с данным государством. Вероятность такого сценария, впрочем, напрямую зависит от того, насколько реальное развитие событий в Узбекистане и Казахстане будет соответствовать провозглашенному курсу.

В то же время администрация Д. Трампа довольно серьезно настроена в отношении борьбы с терроризмом и сохраняет свою

¹ Tillerson skips release of annual human rights report // CNN. March 3, 2017.

URL: <http://edition.cnn.com/2017/03/03/politics/rexit-tillerson-state-department-human-rights-report/> Rex Tillerson threatens to withdraw from UN Human Rights Council to improve human rights // The Independent. March 15, 2017. [Electronic resource]. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/americas/rexit-tillerson-un-human-rights-council-us-secretary-state-china-saudi-arabia-egypt-a7630531.html>

² Узбекистан: Политзаключенных выпускают на свободу // Kloop.kg. 23.02.2017. URL: <https://kloop.kg/blog/2017/02/23/uzbekistan-politzaklyuchennyh-vypuskayut-na-svobodu/>

³ Шавкат Мирзиёев: 100 дней в должности главы Узбекистана // CA-News. 24.03.2017 [Electronic resource]. – URL: <http://ca-news.org/news:1372003>

активность в этом направлении в Афганистане, Сирии, Ираке. По мнению бывшего директора Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) Е. Карина, это, пожалуй, главная точка пересечения интересов США и центральноазиатских государств [8]. По данным Soufan Group, около 2 тыс. боевиков – выходцев из центральноазиатских государств – воюют на стороне ИГИЛ [8]. Очевидно, что интересы предотвращения дальнейшей радикализации Центральной Азии могут стать основой для углубления сотрудничества США и государств региона. При этом последние будут рады получению со стороны США финансирования на осуществление соответствующих мер, а также возможности балансирования влияния России и Китая в вопросах безопасности. Для США, в свою очередь, это может стать эффективным методом влияния на руководство государств региона и формирования альтернативы сотрудничеству с КНР и Россией.

Безусловно, на развитие сотрудничества в борьбе с терроризмом прямое влияние будет оказывать динамика ситуации внутри стран региона, и в случае ее резкого обострения мы сможем наблюдать весьма неожиданные сценарии.

Таким образом, при наличии желания новой администрации США и далее развивать формат «С5+1» для этого, очевидно, будут использованы две основные возможности: наращивание экономических контактов со странами региона и осуществление, таким образом, влияния на политическую ситуацию внутри них, а также развитие сотрудничества по линии борьбы с радикализмом и экстремизмом. Не стоит сбрасывать со счетов также донорскую активность США в регионе и довольно существенное влияние USAID на гражданское общество и общественную среду в некоторых странах региона. Так, например, в Киргизии с помощью финансирования из средств USAID проводятся проектные исследования при министерствах и ведомствах, в том числе касающиеся, например, вопросов евразийской экономической интеграции. Представляется, что данная активность США в регионе будет поддерживаться независимо от развития формата «С5+1».

ЕС: На пути к собственной евразийской стратегии

В 2015 г. ЕС в четвертый раз подверг пересмотру свою стратегию в Центральной Азии 2007 г.¹ Как признается в докладе Генерального директората Европарламента по вопросам внешней политики (Directorate General for External Policies)², несмотря на выработку за последние десятилетия многочисленных механизмов сотрудничества с правительствами государств региона, ЕС на сегодняшний день в Центральной Азии является игроком с наименьшим влиянием. По мнению аналитиков ведомства, регион становится всё более нестабильным, прогнозируемая ранее переориентация ресурсов региона (прежде всего газа) до сих пор не состоялась (примечательно, что в Туркменистане, на газовые возможности которого так рассчитывал ЕС, до сих пор нет даже представительства европейской делегации). Торговля европейских государств с регионом минимальна (за исключением, пожалуй, Казахстана), демократия рассматривается региональными лидерами как угроза выживанию, коррупция тормозит экономическое развитие и «размывает» существенную часть международной экономической помощи региону, ситуация с правами человека не меняется к лучшему.

В этих условиях ЕС признает, что конкурировать с Россией и Китаем в регионе ЕС не может и не должен, и призывает сконцентрироваться на конкретных проектах, в которых можно достичь конкретных результатов. Помимо ограниченного количества проектов экономического характера и сотрудничества в сфере безопасности [2], ЕС должен фокусироваться на образовании, продолжать настаивать на улучшении ситуации с правами человека и усилить политическую и финансовую поддержку гражданского общества.

Влияние ситуации в Афганистане на центральноазиатскую стратегию ЕС с 2012 г. существенно снизилось, уступив место

¹ The European Union and Central Asia: The New Partnership in Action [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/central_asia/docs/2010_strategy_eu_centralasia_en.pdf

² Implementation and review of the European Union-Central Asia Strategy: Recommendations for EU action // Directorate-General for External Policies, European Parliament. January 2016 [Electronic resource]. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/535019/EXPO_IDA\(2016\)535019_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/535019/EXPO_IDA(2016)535019_EN.pdf)

охлаждению отношений Россия – ЕС и украинскому кризису. В целом регион не относится к числу геополитических приоритетов ЕС. В этой связи ЕС предпочитает ориентироваться на долгосрочные, а не краткосрочные стратегии и результаты. Снижение внимания к региону было продемонстрировано в 2014 г., когда ЕС отменил должность Специального представителя по Центральной Азии. Однако в 2015 г. она была введена вновь.

Проблема безопасности, хотя она и является одной из наиболее острых для региона и всерьез беспокоит ЕС в связи с проблемой терроризма и участия граждан центральноазиатских государств в военных действиях на стороне ИГИЛ и «Аль-Каиды» [4], стать основой сотрудничества ЕС со странами региона не смогла. В 2013 г. ЕС попытался наладить «Диалог по вопросам безопасности высокого уровня», однако попытка провалилась, поскольку некоторые государства Центральной Азии направили участников лишь на уровне послов, в 2014 г. эта инициатива и во-все не была поддержаны государствами региона. В 2015 г. вопросы безопасности обсуждались на встрече высокого уровня в Таджикистане, однако Туркмения и Узбекистан снова прислали лишь «представителей». Главной программой ЕС по содействию безопасности границ является BOMCA (Border Management Programme in Central Asia, перевод не устоялся, букв. «Программа по управлению границами в Центральной Азии») – на ближайшие три года (с 2015) на реализацию этой программы выделено 5 млн евро. И даже здесь отмечается разница приоритетов: страны региона заинтересованы в получении оборудования, в то время как ЕС хотел бы больше инвестировать в обучение персонала. EU Central Asia Drug Action Programme (Программа действий ЕС по борьбе с наркотиками в Центральной Азии, CADAP) была передана из ПРООН в Немецкое агентство развития (GIZ). Таким образом, ЕС пытается больше вовлекать государства-члены в конкретную работу в регионе. В ближайшее время, очевидно, сотрудничество ЕС с государствами Центральной Азии в сфере безопасности останется весьма ограниченным и будет включать в себя продолжение работы программы BOMCA и ряд проектов по предотвращению конфликтов.

ЕС намерен продолжать активно отстаивать проблематику прав человека в Центральной Азии. Инструментом, который призван этому содействовать, являются «Семинары гражданского общества» в странах региона под эгидой ЕС, а также Европейский инструмент в области демократии и прав человека (European

Instrument for Democracy and Human Rights, EIDHR), который обеспечивает финансирование организаций, чья деятельность связана с защитой прав человека. Также свою активность в регионе наращивает Европейский фонд за демократию (European Endowment for Democracy). В отличие от, например, Японии, ЕС намерен в дальнейшем «прагматично» увязывать вопросы экономической помощи и гуманитарного сотрудничества с политическими условиями и поддержкой политических изменений в Киргизии и Таджикистане. Этой же цели поддержки демократических преобразований в Казахстане, по мнению европейцев, служит и «Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Республикой Казахстан»¹, подписанное 21 декабря 2015 г. и нацеленное на существенное углубление торговых и экономических связей. Казахстан является первой страной Центральной Азии, подписавшей соглашение второго поколения с Евросоюзом, который является главным торговым и инвестиционным партнером республики².

В качестве помощи развитию (Development Cooperation Instrument – Инструмент сотрудничества в целях развития) [6] за период 2007–2013 гг. ЕС выделил 750 млн евро, из которых одна треть распределялась на региональном уровне, а две трети – по двусторонним каналам. По 1 млрд евро в год запланировано тратить в период 2014–2020 гг. При этом если в предыдущий период данная помощь распределялась по большому спектру проектов, то в новом периоде решено сосредоточиться:

- в Киргизии – на верховенстве закона, образовании и развитии сельских территорий;
- в Узбекистане – на развитии сельской местности;
- в Туркмении – на образовании.

Казахстан признан страной, не нуждающейся в помощи развитию, так же как и Туркмения (с 2017). Практически вдвое было увеличено финансирование для Узбекистана, для чего не было

¹ Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Республикой Казахстан // Европейская служба внешних связей. [Электронный ресурс]. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquartershomepage/19156/soglashenie-o-rasshirennom-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-europeyskim-soyuzom-i_ru

² Казахстан и Евросоюз подписали Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве // International Center for Trade and Sustainable Development. 25 December 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news>

никаких злых оснований в виде достигнутого в предыдущий период прогресса.

На региональном уровне у ЕС существовало три программы – верховенство закона (программа развивалась под руководством Франции и Германии), проблема доступа к воде и окружающая среда (руководили Италия и Румыния), образование (руководить данной программой не захотела ни одна страна ЕС). В настоящий момент идет глубокая ревизия достигнутых результатов, и в случае признания их неудовлетворительными программы могут быть свернуты. Очевидно, что вести диалог в рамках первой программы не заинтересованы сами государства региона, проблематика водопользования также является чрезвычайно чувствительной и вызывает напряжение между сторонами, поэтому добиться здесь в обозримой перспективе каких-то результатов также не представляется возможным. Возрождение программы по образованию вроде бы изъявляют желание взять на себя Латвия и Польша. В ЕС присутствует понимание, что оказать влияние на развитие региона, по-видимому, можно только через образование. Причем признается, что только одной лишь успешно действующей программы Erasmus не достаточно. Вероятно, в ближайшее время последует увеличение программ стажировок и обменов. Кроме того, в регионе продолжают работу большое количество европейских фондов и организаций, осуществляющих финансирование научных исследований, прикладных проектов и образовательных программ.

В целом ЕС в последние годы был намерен выстраивать отношения с государствами региона скорее на двустороннем, чем в многостороннем формате. Поэтому говорить о существовании формата «5+1» в отношении ЕС и Центральной Азии фактически не приходится.

Однако в настоящее время наблюдается существенная трансформация европейского подхода. Несмотря на то что ЕС в данный момент в большей степени сосредоточен на внутренних вызовах, в Брюсселе происходит постепенное формирование собственной стратегии в отношении Евразийского региона. Этот тезис подтвердил в своем выступлении 14 февраля с.г. Специальный представитель Европейского союза по вопросам Центральной Азии посол Петер Буриан на круглом столе в г. Тутцинге (Германия), на котором обсуждался совместный доклад Фонда им. Фридриха Эберта (ФРГ) и Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI, Швеция) «Экономический пояс

Шёлкового пути: проекты сотрудничества ЕС и КНР и последствия для безопасности» [9].

По мнению чиновника и авторов доклада, ЕС и другим ключевым державам континента стоит всерьез задуматься над созданием общей зоны безопасности для Европы и Азии, причем обеспечение этой безопасности возможно исключительно посредством развития государств региона и формирования общей экономической «связности» («connectivity») евразийского пространства. Государства Центральной Азии занимают ключевое положение на этом пространстве. Кроме того, в Брюсселе не могут не замечать, что регион становится всё более нестабильным.

Появление на этом пространстве китайской инициативы «Один пояс – Один путь», предполагающей комплексное развитие транспортной и инфраструктурной связности Евразийского региона, не снижает европейской тревожности в отношении будущего региона. В центре китайского проекта по понятным географическим причинам оказались Центральная Азия и Южная Азия. Обещанные под реализацию проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» гигантские финансовые ресурсы Фонда Шёлкового пути, Азиатского банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, стремление Китая «вынести вовне» избыточную рабочую силу и строительные мощности – всё это в комплексе демонстрирует международной общественности решимость Китая реализовать намеченное. В этих условиях в ЕС закономерно возникает озабоченность относительно того, как это будет реализовано. Европейцы нервничают из-за скудности информации о конкретных экономических проектах, которые предполагает инициатива ЭПШП. Поэтому в ЕС настаивают на необходимости многосторонних форматов для обсуждения инициативы ЭПШП, прозрачности и публичности предполагаемых проектов. Говорится и о необходимости соответствия проекта целям в области устойчивого развития ООН, и о перспективах взаимодействия всех заинтересованных участников на площадках ОБСЕ, ШОС, СВМДА, и о необходимости многосторонней координации всех ключевых региональных доноров и финансовых структур. Очевидно, что в ЕС попытаются «связать» ЭПШП по рукам и ногам, чтобы максимально институционализировать все форматы сотрудничества, процедуры финансирования и процессы переговоров в рамках проекта.

Чего же боятся в ЕС? Ни для кого не секрет, что Центральная и Южная Азия – регионы со значительным сектором «серой»

экономики, большой ролью неформальных практик и непрозрачно принимаемых решений – как в политике, так и в экономике. Понятно, что двусторонние переговоры элит и легкий доступ к финансовым потокам из Китая, заложенным под финансирование ЭПШП, – наиболее очевидный путь развития событий. Последствиями этого могут стать усиление коррупции, дальнейшее социальное расслоение и рост социальной напряженности в обществах, где и без того преобладает молодое население, наиболее подверженное влиянию вербовщиков экстремистских организаций.

Еще один немаловажный фактор: обеспечение экономического развития невозможно без развития человеческого капитала. Казалось бы, на уровне риторики это понимают не только в ЕС, но и в Китае. Однако никаких конкретных предложений в сфере образования, повышения квалификации и профессионального обучения с китайской стороны пока не прозвучало. А это означает, что есть вероятность развития сценария, когда Китай возводит инфраструктуру на китайские деньги китайской рабочей силой, выгоды от использования этой инфраструктуры получает правительство, а для местного населения ничего не меняется.

Другая опасность – формирование сильной экономической зависимости государств региона от Китая. Китайские кредиты, как известно, отнюдь не дешевы и в перспективе могут обернуться непосильными для центральноазиатских экономик долгами. Это, вероятно, повлечет за собой и политическую ориентацию центральноазиатских и южноазиатских государств на Китай. А Европейскому союзу, который так долго пытался «оторвать» Центральную Азию от России после распада СССР, очевидно, очень не хотелось бы полностью отдавать регион во власть Китая. Также в ЕС опасаются и геополитических последствий реализации китайской инициативы, в частности усиления конфликта между Пакистаном и Индией и соперничества между Индией и Китаем. И самое главное – в ЕС не видят почти никакой пользы от китайской инициативы для Афганистана. Действительно, южный маршрут «Пути», выходящий на порты Пакистана («Экономический коридор Китай – Пакистан», СРЕС), большой выгоды Афганистану не сулит. А это значит, что тяжесть проблемы экономического развития Афганистана скорее всего останется «лежать на плечах» США и ЕС.

Таким образом, в ЕС появляется понимание того, что противостоять реализации инициатив Китая невозможно, поэтому Союзу

предстоит задача «встраивания» в текущую ситуацию с тем, чтобы затем попытаться повлиять на ее развитие изнутри. С этой целью ЕС будет пытаться создать максимально институционализированный и многосторонний формат реализации инициативы ЭПШП, чтобы снизить потенциальные риски и извлечь максимум пользы. Очевидно, что это повлечет за собой усиление взаимодействия ЕС со странами Центральной Азии, которые являются ключевым звеном транспортных проектов на пути из Китая в ЕС. Вероятно, одним из форматов этого взаимодействия будет работа европейских фондов, экспертных структур и международных организаций с экспертным сообществом стран Центральной Азии, а также, возможно, создание двусторонних и многосторонних (с учетом специфики отношений стран региона между собой) площадок для обсуждения инициативы Китая и готовящихся к реализации проектов.

Еще одной основой будущей евразийской стратегии ЕС может стать сотрудничество со странами региона в предотвращении распространения радикализма и экстремизма. Ряд авторитетных аналитических центров стран ЕС уже довольно серьезно вовлечен в изучение рисков радикализации в Центральной Азии. В ЕС понимают, что предотвращение «расползания» экстремизма с Ближнего Востока в Центральную Азию требует прежде всего серьезных исследований социальных, религиозных, экономических и политических предпосылок радикализации и системной работы с обществами, экспертными структурами, общественными и религиозными организациями стран региона. Очевидно также, что если такого рода работа не будет начата в ближайшее время, то весьма вероятно, что в скором времени ЕС – так же, как и Россия, – может столкнуться с серьезнейшими вызовами собственной безопасности, исходящими уже не только с Ближнего Востока, но и из Центрально-Азиатского региона.

Япония: Прагматика без геополитики?

Диалог «Центральная Азия плюс Япония» стартовал еще в 2004 г. Основными принципами Диалога стали «уважение многообразия», «конкуренция и координация» и «открытое сотрудничество». Пожалуй, из всех форматов «5+1», действующих в Центральной Азии, диалог с Японией находится в наиболее проработанной и активной фазе. В рамках Диалога развивается несколько форматов сотрудничества: «Совещание министров

иностранных дел» (СМИД), которое проходит каждые два года, «Совещание старших должностных лиц» (СДЛ), «Интеллектуальный диалог» («Токийский диалог»), «Встречи экспертов» и «Обмен между министерствами иностранных дел».

Помимо этого Япония активно оказывает официальную помощь развитию странам региона; активно работает в регионе и Японское агентство международного сотрудничества (JICA). По отдельным сферам сотрудничества работа ведется также с международными структурами, такими как ПРООН (предотвращение стихийных бедствий) и Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Япония совместно с ЕС участвует в работе Совещания по управлению границами, регулярно участвует в конференциях Центральноазиатской инициативной группы по безопасности границ (CABSI), в проведении стажировок на базе Института ООН Азии и Дальнего Востока по предупреждению преступности и борьбе с правонарушителями (UNAFEI), оказывает поддержку Программе применения мер по уменьшению спроса на наркотические средства стран Центральной Азии (FAST programm) и др.

В ходе пятого Совещания на уровне министров иностранных дел в рамках Диалога в 2014 г. министр иностранных дел Японии Ф. Кисида обозначил основной курс практического сотрудничества на последующие десять лет развития Диалога – содействие развитию сельскохозяйственного сектора экономик стран Центральной Азии на основе применения технологий и опыта Японии в сельскохозяйственной сфере. Помимо этого, особо отмечены были борьба с наркоторговлей и контроль государственных границ региона, в аспекте устойчивого развития – предотвращение стихийных бедствий, а также положение женщин. Что касается сельского хозяйства, то в ходе юбилейного 5-го СМИД была принята Дорожная карта регионального сотрудничества в области сельского хозяйства, которое было признано пилотной сферой регионального сотрудничества в рамках Диалога. В вопросах сотрудничества по проблеме контроля границ, министры иностранных дел пяти государств выразили благодарность Японии за предоставление пограничным органам досмотрового оборудования и реализацию проекта по созданию офисов пограничного взаимодействия. Тогда же было объявлено о запуске японской «Программы стипендий для развития человеческих ресурсов JDS» (1,97 млн долл. США)

и «Проекта по улучшению содержания дорог в Ошской, Джалаал-Абадской и Таласской областях» (24 млн 910 тыс. долл. США)¹. Как видно из вышесказанного, Япония отдает предпочтение весьма конкретным областям сотрудничества и прикладным проектам, направленным на решение проблем региона.

В 2015 г. развитие партнерских отношений Японии с государствами Центральной Азии получило новый мощный стимул в виде первого в истории турне в государства региона первого лица Японии. Визит Синдзо Абэ завершился подписанием соглашений на общую сумму в 27 млрд долл. США. Крупнейшие из обнародованных сделок (18 млрд долл.) были заключены с Туркменией, которой Япония поможет в строительстве « заводов по переработке природного газа, заводов сжижения природного газа и газохимических заводов с использованием богатых природных ресурсов»². Второй по размеру пакет договоренностей (около 8,5 млрд долл.) был заключен с Таджикистаном, там Япония вложится в логистику, химические и добывающие отрасли, а также телекоммуникации. Крупные контракты на строительство завода удобрений в стране получили компании *Mitsubishi Heavy Industries* и *Mitsubishi Corporation*. Контракты на меньшие суммы (до 100 млн долл.) удалось подписать и с другими государствами региона. Также в ходе визита было объявлено, что Япония в ближайшие пять лет направит на оказание помощи развитию стран региона порядка 25 млрд долл. По мнению Абэ, в ближайшие пять лет японский бизнес получит до 250 млрд прибыли с проектов Центральной Азии [5].

В ходе визита пять японских корпораций договорились с Туркменгазом об участии в обустройстве газового месторождения Галкыныш, откуда будет брать начало газопровод ТАПИ (в данный проект Япония инвестирует 10 млрд долл. США). Япония инвестирует и в инфраструктуру – модернизацию Ташкентской ТЭЦ, аэропорта Манас, строительство АЭС в Казахстане, и в производство – *Mitsubishi* планирует построить завод по производству амиака и карбамида в Навои, в Казахстане будет сборочное производство *Toyota*. В Таджикистане Япония участвует

¹ Бюллетень посольства Японии в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kg.emb-japan.go.jp/culture/Yaponiya%20s%20vami/Bulletin_leto_2014.pdf

² Япония пытается потеснить Китай в Центральной Азии // Коммерсантъ. 28.10.2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kommersant.ru/doc/2842166>

пока в основном в гуманитарных проектах. Основной интерес Японии лежит, конечно же, в нефтегазовой сфере, причиной чему является турбулентность на Ближнем Востоке. Япония, как и Корея, интересуется также ураном. С 2015 г. эксперты говорят о готовности Японии участвовать не только в социальных и экономических проектах в регионе, но и осуществлять экспорт технологий, развивать финансовый сектор. Так, японские банки выдают низкопроцентные кредиты для содействия развитию, в мае 2015 г. было заявлено об увеличении капитала Азиатского банка развития (АБР) и АСА на 110 млрд долл. США с целью финансирования инфраструктурных проектов в Азии, что свидетельствует о наличии серьезных намерений Японии в регионе. Не пренебрегает Япония и проектированием своей «мягкой силы»: так, в Туркмении был создан Технологический университет, в Узбекистане – построен молодежный центр инноваций.

Подписанное по итогам визита 6–9 ноября 2016 г. совместное заявления между Казахстаном и Японией «О расширенном стратегическом партнерстве в век процветания Азии»¹ повысило статус Токио до уровня ключевых стратегических партнеров Казахстана, коими до тех пор были лишь Москва и Пекин. Данный документ, продолжая проводимую Казахстаном политику много-векторности, расставил новые акценты сотрудничества Казахстана и Японии, выделив среди традиционных сфер сотрудничества инфраструктуру, технологии, торговлю, медицину и образование, сферу безопасности. Речь идет об активизации «обмена взглядами по региональной ситуации» и «противодействии терроризму». Таким образом, данное соглашение демонстрирует расширение количества потенциальных партнеров Казахстана в сфере безопасности и готовность Японии (хотя бы потенциальную) к вовлечению в региональный дискурс по вопросам безопасности. Документ также демонстрирует возрастающую озабоченность Токио нарастающей нестабильностью в регионе, где присутствуют сотрудники японских компаний, куда приходит японский капитал и технологии.

В отличие от США Япония не увязывает свои проекты и программы в регионе с выполнением каких бы то ни было политических условий, но в то же время обладает большими финансово-

¹ Совместное заявление Японии и Республики Казахстан «О расширенном стратегическом партнерстве в век процветания Азии» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kz.emb-japan.go.jp/files/000202021.pdf>

выми возможностями, что делает ее более привлекательным партнером для стран региона, особенно в условиях тяжелого экономического кризиса. Кроме того, Японию едва ли можно заподозрить в том, что в основе ее политики в Центральной Азии лежат геополитические соображения¹. В целом ожидается, что экономическое влияние Японии в регионе в ближайшие годы будет только возрастать.

Республика Корея: Предложение «модели развития» в обмен на ресурсы?

Форум сотрудничества «Республика Корея – Центральная Азия» существует с 2007 г., и на 2016 г. пришлась юбилейная дата – 10-я встреча в рамках данного формата². Традиционно форум проводится на уровне заместителей министров, с участием чиновников отраслевых ведомств, представителей бизнеса и гражданского общества. В рамках данного формата были созданы условия для многостороннего и двустороннего обсуждения сотрудничества в самых разных областях политического, социально-экономического и культурного взаимодействия: в сфере энергетики и природных ресурсов, инфраструктуры, ИТ, сельского хозяйства, науки и технологий, медицины и здравоохранения, финансов, легкой промышленности, образования и др.

С 2008 г. сотрудничество Республики Корея с государствами Центральной Азии получило оформление в рамках концепции «Глобальной Кореи» тогдашнего президента страны Ли Мён Бака, согласно которой Южная Корея стала позиционировать себя как держава средней величины [10], которой удалось в относительно короткий период сделать большой рывок в политическом и экономическом развитии и которая на основании полученного опыта может претендовать на статус «моста» между развитым и развивающимся миром. Применительно к Центральной Азии эта концепция получила дополнительное звучание в рамках оформленшейся в 2009 г. «Новой Азиатской Инициативы» (NAI). Южная Корея, продолжительное время находившаяся в орбите влияния «великих держав», но тем не менее за короткий период сумевшая совершить

¹ Япония в Центральной Азии – мнения экспертов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://caa-network.org/archives/5899>

² URL: <http://news.tj/ru/node/215829>

большой скачок в развитии, с точки зрения корейских лидеров, может стать достойным примером для центральноазиатских государств в качестве некой «модели развития».

Серьезность корейских намерений в отношении Центральной Азии ознаменовало обширное турне Ли Мён Бака по региону в 2011 г. С тех пор Южная Корея является одним из ключевых экономических партнеров стран Центральной Азии, интенсивно инвестирующим в стратегические сектора, такие как добыча урана, добыча нефти, газа и другого сырья, транспорт, инфраструктура и др.¹ Главный экономический интерес, который стоит за корейским интересом к Центральной Азии и вовлеченностью в нее, – это доступ к ресурсам и ослабление зависимости от их поставок с Ближнего Востока. Корея на 97% зависита от импорта энергоресурсов. 40% потребностей Кореи в нефти до санкций обеспечивал Иран, однако под давлением США РК была вынуждена присоединиться к санкциям и искать альтернативных поставщиков. Растущая зависимость от атомной энергетики делает Корею зависимой и от поставок урана, чем объясняется большой интерес к отрасли и инвестиции РК в добычу урана, которым богаты Узбекистан и Казахстан [7]. Киргизия с точки зрения ресурсов интересен для Кореи большими запасами редких металлов, используемых в сфере производства высокотехнологичной продукции, Туркмения – обширными запасами нефти и газа. Государства Центральной Азии в свою очередь заинтересованы в инвестициях и технологическом развитии, которым может способствовать сотрудничество с РК. Странами региона, с которыми у РК налажено наиболее тесное сотрудничество, являются Узбекистан и Казахстан. С обоими государствами РК связывают прочные историко-культурные связи, вследствие которых в данных странах присутствуют довольно большие корейские диаспоры. Казахстан, кроме того, является самым развитым государством региона.

В целом сотрудничество Республики Корея с государствами Центральной Азии развивается в рамках нескольких форматов. Помимо обозначенного выше Форума по сотрудничеству «Республика Корея – Центральная Азия» и содействия развитию, которое осуществляют РК через участие в Комитете содействия развитию (DAC) ОЭСР, существует официальное корейское агентство помощи – Korea International Cooperation Agency (Корейское

¹ Абдурасулова Д. Южная Корея в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1327655040>

агентство международного сотрудничества, КОICA), которое занимается обучением и стажировками в Сеуле чиновников центральноазиатских государств. Однако в основном сотрудничество РК со странами региона концентрируется вокруг взаимных экономических интересов и подпитывается наличием историко-культурных связей.

В ноябре 2016 г. было объявлено об учреждении в Сеуле Секретариата Форума по сотрудничеству «Республика Корея – Центральная Азия»¹. Секретариат, который должен начать работу во второй половине 2017 г., будет на регулярной основе проводить международные конференции по расширению сотрудничества в сфере медицины, туризма и др.; перед ним также стоит задача работы с молодым поколением и формирование сети молодых лидеров. По словам заместителя министра иностранных дел Южной Кореи, Секретариат будет играть роль «инкубатора перспективных проектов сотрудничества»² между Кореей и государствами Центральной Азии.

Россия и Китай: Медленное сопряжение

Богатые природные ресурсы, большой транзитный потенциал, наличие серьезных вызовов безопасности, многовекторная внешняя политика делают регион Центральной Азии предметом интереса для многих внешних акторов. Существующие форматы сотрудничества «5+1» отличаются друг от друга как по форме институциональной организации и по их содержательному наполнению, так и по степени эффективности и удовлетворенности участников результатами. Тем не менее все обозначенные выше внешние игроки намерены продолжать и развивать свое присутствие в регионе.

Россия и Китай, в отличие от всех обозначенных выше внешних игроков, не пытаются создать таких форматов взаимодействиях, как «5+1». Вместо этого Россия и часть государств

¹ Outcome of the 10th Korea – Central Asia Cooperation Forum // Ministry of Foreign Affairs of Republic of Korea [Electronic resource]. – URL: http://www.mofat.go.kr/ENG/press/ministrynews/20161114/1_76635.jsp?menu=m_10_10

² S. Korea, Central Asian countries to launch secretariat for tighter cooperation // Yonhap News Agency. 16.11.2016. [Electronic resource]. – URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2016/11/16/0301000000AEN20161116004900315.html>

региона (Казахстан и Киргизия) интегрируются в Евразийский экономический союз. Китай, в свою очередь, пока что предпочитает выстраивать отношения со странами региона на двустороннем уровне, предлагая государствам Центральной Азии масштабные инвестиции, крупные инфраструктурные и транспортные проекты, которые могут дать региону возможность реализации своего транзитного потенциала и участия в международных торговых маршрутах. В 2013 г. все потенциальные и действующие китайские проекты в регионе были объединены китайским руководством в рамках одной инициативы «Экономического пояса Шёлкового пути» (ЭПШП), а в 2015 г. между Владимиром Путиным и Си Цзиньпином было подписано соглашение о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП.

Спустя почти два года с момента подписания данного соглашения евразийская экономическая комиссия отчиталась о согласовании порядка 40 совместных проектов в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Директор Департамента транспорта и инфраструктуры ЕЭК Ержан Нурахметов сообщил¹, что выработаны критерии проектов, по которым они будут включаться в проект «дорожной карты» взаимодействия с КНР. Совместно с министерствами транспорта государств Союза определены сферы взаимодействия в части нормативного, технологического, тарифного регулирования, согласован перечень Евразийских транспортных маршрутов и перечень приоритетных проектов, 39 из них касаются строительства новых и модернизации существующих дорог, создания транспортно-логистических центров, развития ключевых транспортных узлов². В частности, близится к завершению реализация международного транспортного маршрута Западная Европа–Западный Китай протяженностью 8445 км. Кроме того, должна быть построена высокоскоростная железнодорожная магистраль Москва–Казань, поезда по ней должны следовать со скоростью до 400 км/ч, время в пути от Москвы до Казани составит 3,5 часа. Однако возвведение данной магистрали затягивается вот уже несколько лет. В условиях экономического кризиса в России прора-

¹ Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП приобретает реальные очертания: Согласован список инфраструктурных проектов // Евразийская экономическая комиссия. 01.03.2017. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx>

² Там же.

батывается вопрос механизмов привлечения китайских инвестиций в этот проект.

Помимо этого, предполагается проложить железную дорогу Китай–Киргизия–Узбекистан, а также соединить действующую железнодорожную систему Ирана и Армении, позволив тем самым Армении преодолеть транспортную изоляцию и выйти через Иран в Казахстан, Китай и далее.

Вероятно, сотрудничество со странами региона в рамках сопряжения будет развиваться как на многостороннем, так и на двустороннем уровнях. Однако, пожалуй, основной проблемой сотрудничества в треугольнике «Россия – Центральная Азия – Китай» (или ЕАЭС – ЭПШП) является по-прежнему низкая степень интеграции и сотрудничества на уровне малого и среднего бизнеса, а также на уровне гражданского общества. Несмотря на высокий уровень политического диалога в рамках треугольника и согласование амбициозных масштабных проектов, интеграция на более низких уровнях происходит медленно и незаметно для бизнес-сообществ и гражданских обществ стран-участниц. В соответствии с обновленной «Концепцией внешней политики Российской Федерации»¹ приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации являются «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием» (раздел IV, п. 49–51). Однако необходимо отметить, что отнюдь не все государства Центральной Азии являются членами ЕАЭС и могут принимать участие в проектах КНР под эгидой ЕАЭС. Кроме того, не все потенциальные форматы сотрудничества исчерпываются повесткой ЕАЭС и повесткой сопряжения. В этих условиях России необходимо сформулировать собственное стратегическое видение взаимоотношений с государствами региона, наполнив его позитивной повесткой практического взаимодействия на уровне малого и среднего бизнеса, а также гражданского общества. Представляется, что ключевой проблемой центральноазиатских государств в настоящее время является нехватка компетенций и недостаточное для

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

осуществления экономического рывка качество человеческого капитала. Конкурентоспособность товаров и рабочей силы стран Центральной Азии на едином рынке ЕАЭС, а также возможность обеспечить занятость и извлекать в будущем выгоду из построенной Китаем инфраструктуры зависят исключительно от способности государств региона подготовить квалифицированные кадры, обладающие необходимым уровнем компетенций. В то же время обеспечение занятости молодого населения [3]¹ центральноазиатских государств является необходимым условием для предотвращения его радикализации и распространения экстремизма. Конкретные практические шаги по созданию в регионе производств и рабочих мест и повышению уровня образования, прежде всего среднего профессионального, улучшению качества человеческого капитала должны стать необходимым дополнением к проектам интеграции (ЕАЭС) и создания инфраструктуры (ЭПШП).

Очевидно, что в обозримой перспективе Китай станет главным экономическим партнером региона, а Россия будет преимущественным гарантом региональной безопасности [1], действуя многосторонние механизмы ОБСЕ и ШОС. Другие внешние игроки, выстраивая свои отношения со странами региона, так или иначе будут вынуждены учитывать эту реальность. Однако России важно понимать, что большинство стран региона проводят многовекторную внешнюю политику и очевидно не упустят возможности развивать отношения с теми государствами, которые могут обеспечить экономикам региона дополнительные возможности развития.

Литература

1. Алексеенкова Е.С., Тимофеев И.Н. Евразийское направление внешней политики России: Интересы, возможности и ограничения // Russie nei Visions, N 89. Декабрь 2015. Французский институт международных отношений (ИФРИ). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_89_timofeev_alexeenkova_rus_dec_2015_protege_0.pdf [Alekseenkova E., Timofeev I. Eurasia in Russian Foreign Policy: Interests, possibilities and constraints // Russuie nei Visions, N 89. December 2015. French Institute of International Relation [Electronic resource]. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_89_timofeev_alexeenkova_rus_dec_2015_0.pdf]

¹ Население региона сравнительно молодое, средний возраст жителей – около 26 лет. Трудоспособная его часть (в возрасте от 15 до 64 лет) и в обозримом будущем будет составлять в среднем 65–67%.

- protege_0.pdf; Alekseenkova E., Timofeev I. Evrasiiskoe napravlenie vnesheini politiki Rossii: Interesy, vozmozhnosti I ogranicheniya // Russie nei Visions, N 89. Dekabr 2015. Franzuzskiy institute mezhdunarodnykh otnosheniy (IFRI) [Electronic resource]. – URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_89_timofeev_alexeenkova_rus_dec_2015_protege_0.pdf].
2. Гусев Л.Ю. Возможности и пределы осуществления политики ЕС в Центральной Азии // Международная аналитика. Вып. 3 (17), 2016. – М.: МГИМО МИД России. – С. 27–36.
 3. Данков А. Центральная Азия через 100 лет: После «Большой трансформации». 14 августа 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2226#top-content [Dankov A. Central Asia after 100 years: After the «Great Transformation». August 14, 2013 [Electronic resource]. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2226#top-content].
 4. Казанцев А.А. Проблема роста исламского радикализма в странах Центральной Азии // Международная аналитика. Вып. 3 (17), 2016. – М.: МГИМО (У) МИД России. – С. 97–111.
 5. Мордвинова А.Э. Синдзо Абэ посетил Центральную Азию // Российский институт стратегических исследований. [Электронный ресурс]. – URL: <http://riss.ru/analytcs/22667/>
 6. Содействие развитию государств Центральной Азии: Стратегические горизонты российского участия: Рабочая тетрадь / [В.М. Сергеев (рук.), А.А. Казанцев, В.И. Бартенев]; Российский совет по международным делам. – М.: Спецкнига, 2013. 88 с. [Электронный ресурс]. – file:///C:/Users/Ealekseenkova/Desktop/WP_Central_Asia_10_rus.pdf
 7. Шотанова Г.А. Внешняя политика Южной Кореи в Центральной Азии // Корееведение Казахстана. Вып. 2. – Алматы, 2014. [Электронный ресурс]. – URL: http://kaznks.kz/files/publikacii2/KSK_2_37_ShutanovaGaliya.pdf
 8. Central Asia's Autocrats Welcome the Age of Trump // Foreign Policy. January 31, 2017 [Electronic resource]. – URL: <http://foreignpolicy.com/2017/01/31/central-asias-autocrats-welcome-the-age-of-trump-russia-syria-isis/>
 9. Ghiassy R., Zhou J. The Silk Road Economic Belt: Considering security implications and EU – China cooperation prospects. February, 2017. Sipri, Stockholm. P. 60. [Electronic resource]. – URL: <https://www.sipri.org/publications/2017/other-publications/silk-road-economic-belt>
 10. Hwang B. A New Horizon in South Korea-Central Asia Relations: The ROK Joins the «Great Game» // Korea Compass. Korea Economic Institute. December 2012 [Electronic resource]. – URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/kei_koreacompass_template_balbinahwang.pdf

«Международная аналитика»,
ИМИ МГИМО (У) МИД РФ,
М., 2017 г., № 1 (19), с. 29–41.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Е. Бирюков,

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник

Центра исследований проблем стран
ближнего зарубежья РИСИ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ИРАНА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Отношения Королевства Саудовская Аравия (КСА) и Исламской Республики Иран (ИРИ) являются одним из важных факторов, влияющих на ситуацию в ближневосточной региональной подсистеме международных отношений. Обострившиеся в последние годы противоречия между двумя региональными державами и модальность их внешней политики оказывают прямое влияние на конфликты в Сирии, Ираке, Йемене; внутриполитическую ситуацию в Ливане, Бахрейне, Египте, на Коморских островах и в других странах; палестино-израильское урегулирование; курдский вопрос; цены на нефть на международном рынке; формирование региональных военно-политических блоков; внутреннюю ситуацию в Саудовской Аравии и Иране.

В основе противоречий между Эр-Риядом и Тегераном лежит целый спектр факторов. Каждая страна претендует на лидерство в мусульманском мире, у каждой есть собственный взгляд на оптимальный региональный порядок. Важное значение имеют религиозные и этнические различия, а также историческое соперничество. Еще одним аспектом, обостряющим двусторонние отношения, являются кардинальные различия в организации конституционно-правовых систем.

Ключевые слова: внешняя политика Ирана, внешняя политика Саудовской Аравии, ирано-саудовские отношения, Иран, Саудовская Аравия.

Динамика саудовско-иранских отношений в сфере безопасности в XX – начале XXI в.

Анализ нынешних противоречий в ирано-саудовских отношениях не может быть целостным без учета причин возникновения данных тенденций. Саудовско-иранские дипломатические отношения были установлены в 1929 г. вслед за подписанием Саудовско-иранского договора о дружбе¹. Дипломатические отношения прерывались в 1988–1991 гг. и в 2016 г.

В период лидерства Великобритании на Ближнем Востоке (1920–1950-е) Саудовская Аравия, Ирак и Иран были важными «опорами» английской стратегии «тройного сдерживания», в рамках которой Лондон стремился поддерживать баланс сил между данными странами, в то же время не допуская их усиления². Позднее, после выхода Ирака из Багдадского пакта (1959) и до исламской революции в Иране (1979), США также следовали стратегии «опоры»³. В тот момент отношения Саудовской Аравии и Ирана не были союзническими, но и не были напряженными, как в настоящее время.

В 1960-е годы шах Реза Пехлеви поддерживал деятельность короля Фейсала, направленную на укрепление исламской солидарности, и оказывал содействие в создании многосторонних неправительственных исламских организаций – Организации Всемирного исламского конгресса, Всемирной мусульманской лиги, Организации Исламская конференция. В настоящее время данные институты входят в число ключевых механизмов, используемых Саудовской Аравией для экстраполяции своей «мягкой силы» в десятках стран мира, в том числе в рамках конкуренции с Ираном.

В 1968 г. между странами было подписано соглашение о демаркации морской границы, что привело к существенному улучшению двусторонних отношений. Период 1968–1979 гг. был наиболее спокойным за всю историю саудовско-иранского взаимодействия, несмотря на наличие в тот момент некоторых противов

¹ См.: Wrampelmeier B. Saudi-Iranian Relations 1932–1982 // Middle East Policy. February 1, 1999. URL: <https://www.thefreelibrary.com/Saudi-Iranian+Relations+1932-1982.-a054208508> (Дата обращения: 26.11.2016.)

² См.: Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: Обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. – М.: Московский общественный научный фонд, 2005. – С. 141.

³ См. об этом: Бирюков Е.С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке // Международная жизнь. – № 11. – 2016. – С. 85.

речий (опасения КСА из-за модернизации Вооруженных сил Ирана; разные подходы к статусу островов Большой и Малый Томб и Абу Муса в Персидском заливе; разногласия по ценовой политике ОПЕК).

Революция 1979 г. в Иране привела к изменению баланса сил на Ближнем и Среднем Востоке. Можно с уверенностью утверждать, что события 1979 г. являются ключевым фактором, оказывающим влияние на саудовско-иранские отношения вплоть до настоящего времени.

США, потеряв свои позиции в Иране, перешли в отношении данной страны к стратегии сдерживания. Саудовская Аравия, являясь одним из ключевых американских союзников на Ближнем Востоке и одним из лидеров мусульманского мира, играла в данной стратегии важную роль.

Для саудитов исламская революция являлась угрозой национальной безопасности. Иранские духовные лидеры во главе с аятоллой Хомейни открыто критиковали саудовский режим и призывали мусульман осуществить революции и в других странах, в том числе в КСА¹. Для купирования исходящей из Ирана революционной угрозы Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива поддерживали режим Саддама Хусейна в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг., во время которой погибло более миллиона человек. Суммарный размер финансовой помощи, предоставленной Эр-Риядом Багдаду за годы войны, составил 27,2 млрд долл.² Кроме того, как считают некоторые исследователи, в 1985–1986 гг. аравийские монархии во главе с Саудовской Аравией организовали снижение цен на нефть на мировом рынке. В Москве этот шаг воспринимался как направленный против СССР в связи с войной в Афганистане. Однако в зарубежной литературе есть точка зрения о том, что снижение цен на нефть было направлено на сокращение доходов Ирана³.

¹ См.: Amiri R. et al. The Hajj and Iran's Foreign Policy towards Saudi Arabia // Journal of Asian and African Studies. 46 (678), 2011. P. 678. URL: <http://jas.sagepub.com/content/46/6/678> (Дата обращения: 27.11.2016.)

² Invasion Revisited: How Saudi Arabia backed Saddam's war on Iran? // The Iran Project. URL: <http://theiranproject.com/blog/2016/09/28/invasion-revisited-saudi-arabiabacked-saddams-war-iran/> (Дата обращения: 27.11.2016.)

³ См.: Rothschild E. Is Iranscam Really About Oil? // The Washington Post. December 28, 1986. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1986/12/28/is-iranscam-really-about-oil/59ed0bb6-e2cb-4b7a-ad52-e87476e1932e/?utm_term=dd509d0ba9d4 (Дата обращения: 26.12.2016.)

После окончания ирано-иракской войны в 1988 г. и смерти аятоллы Хомейни в 1989 г. отношения между КСА и ИРИ несколько улучшились. Иран стремился преодолеть международную изоляцию и с этой целью снизить уровень конфронтационности в отношениях с арабскими странами. В 1990 г. он осудил оккупацию Ираком Кувейта. Это привело к повышению уровня контактов между Эр-Риядом и Тегераном и восстановлению дипломатических отношений в 1991 г.¹

В тот момент получили развитие интересные дипломатические инициативы: министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти во время встречи с саудовским королем Фахдом предлагал создание военного альянса между Ираном и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) – данная структура отвечала бы за региональную безопасность. Однако это предложение в итоге не было реализовано.

В 1997 г. в Иране состоялся саммит Организации исламского сотрудничества. От КСА его посетили наследный принц Абдалла, впоследствии ставший королем, и министр иностранных дел Сауд Аль-Фейсал. В 1998 и 1999 гг. президент Ирана Мухаммад Хатами посещал Саудовскую Аравию – ранее визиты на высшем уровне происходили только до 1979 г. Ключевыми вопросами, по которым стороны стремились договариваться, стали безопасность в зоне Персидского залива, согласованные действия на нефтяном рынке, ситуация в Ираке, выработка общего подхода к региональным проблемам.

В 1998 г. Саудовская Аравия и Иран подписали соглашение о сотрудничестве в торговле, экономике, культуре, науке и технике. А в 2001 г. было подписано Саудовско-иранское соглашение в сфере безопасности². Таким образом, во время президентства Али Акбара Хашеми Рафсанджани (1989–1997) и Мухаммеда Хатами (1997–2005) отношения между Саудовской Аравией и Ираном вновь улучшились, хотя в целом по-прежнему не были дружественными. Скорее, они отражали стремление двух региональных держав избегать острых противоречий.

¹ См.: Wilson P., Graham D. Saudi Arabia: The Coming Storm. – New York: M.E. Sharpe, 1994. – P. 118.

² См.: Amiri R., Samsu K. Security Cooperation of Iran and Saudi Arabia // International Journal of Business and Social Study. September, 2011. URL: http://ijbssnet.com/journals/Vol_2_No_16_September_2011/28.pdf (Дата обращения: 26.11.2016.)

Вторжение США в Ирак в 2003 г. и свержение режима Саддама Хусейна привели к существенному изменению баланса сил в регионе. Известно, что в 1991 г. американская коалиция обладала возможностями осуществления сухопутной операции в Ираке, но Президент США Джордж Буш-старший и советник Президента США по национальной безопасности Брент Скоукрофт приняли решение не захватывать Багдад¹. По ряду мнений, это было сделано, чтобы не усиливать персов².

Оккупация Ирака в 2003 г., с одной стороны, несла в себе риски для Ирана, поскольку в результате у его сухопутных границ появилась мощная американская группировка, с другой – предоставляла Тегерану новые возможности, поскольку при С. Хусейне Ирак выступал в качестве сильного регионального соперника Ирана. 60% населения Ирака исповедуют ислам шиитского толка, как и большинство населения ИРИ. Это является одним из факторов, способствующих взаимодействию двух стран. После свержения Саддама Хусейна Иран смог значительно нарастить свое региональное влияние.

В Саудовской Аравии война США в Ираке вызвала значительные опасения. Власти КСА отказались предоставить свою территорию для нанесения ударов по Ираку. Это было вызвано как опасениями в связи с изменением внешней политики США на Ближнем Востоке в сторону интервенционизма и прямого военного вмешательства, так и возможным ростом влияния Ирана. Известна цитата министра иностранных дел Саудовской Аравии Сауда Аль-Фейсала: «Мы сражались вместе [в рамках американской коалиции. – *Прим. авт.*], чтобы не дать возможности Ирану оккупировать Ирак после того, как Ирак был выдвинут из Кувейта. Теперь же мы передаем целую страну Ирану без какой-либо на то причины»³. Ирак в условиях американской оккупации стал местом прокси-войны между КСА и ИРИ.

Еще до момента прихода на пост президента Ирана Махмуда Ахмадинежада (2005–2013) отношения между рассматриваемыми в исследовании странами начали резко ухудшаться. При Ахмади-

¹ См.: Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. – N.Y.: Knopf, 1998.

² См.: Wawro G. The Sins of the First Gulf War // The Daily Beast. January 22, 2011. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2011/01/22/first-gulf-wars-mistakes-explain-us-presence-in-iraq.html> (Дата обращения: 07.02.2017.)

³ Molavi A. Iran and the Gulf States // The Iran Primer. URL: <http://iranprimer.usip.org/resource/iran-and-gulf-states> (Дата обращения: 07.02.2017.)

нежаде противостояние усилилось в различных точках Ближнего и Среднего Востока. В Ливане страны открыто поддерживали со-перничавшие друг с другом силы. Ахмадинежад резко критиковал саудовскую неактивную позицию по палестино-израильскому конфликту.

В 2009 г. в Йемене Саудовская Аравия приняла участие в конфликте с хуситами, чтобы не допустить усиления данной группы, уже в тот момент получавшей, по некоторым данным¹, иранскую поддержку. Со своей стороны, Тегеран обвинял Эр-Рияд в финансировании балуши, проживающих вдоль ирано-пакистанской границы. События «арабской весны» 2011 г. привели к столкновению интересов двух стран в новых регионах – Египте, Сирии, Бахрейне. По данным «Викиликс», в 2008 г. король Абдалла призывал США атаковать Иран, чтобы «отрубить змее голову»² (при том, что саудовский монарх считался политиком, проводившим осторожную, продуманную политику).

Приход Хасана Роухани на пост президента Ирана (с 2013 по настоящее время) подразумевал снижение конфронтационности во внешней политике Ирана по сравнению с подходом консервативного крыла. Во время своей первой пресс-конференции после победы на выборах он охарактеризовал Саудовскую Аравию как «соседа и брата» и заверил, что улучшение отношений с КСА будет для него одним из ключевых приоритетов³. Кроме того, он сообщил, что был одним из подписантов ирано-саудовского соглашения в 1998 г.

Смена руководства КСА после смерти короля Абдаллы Бен Абдель Азиза также породила у некоторых наблюдателей надежды на возможность разрядки в саудовско-иранских отношениях. В 2014–2015 гг. из круга лиц, имевших влияние на формирование саудовской внешней политики, выбыли деятели, наиболее враждебно настроенные по отношению к ИРИ, – министр иностранных

¹ Yemenis Ask Codel for Help in Saada; Present Weak Evidence of Iranian Links // WikiLeaks. February 26, 2007. URL: https://search.wikileaks.org/plusd/cables/07SANAA297_a.html (Дата обращения: 15.02.2017.)

² «Cut off head of snake» Saudis told U.S. on Iran // Reuters. November 29, 2010. URL: <http://www.reuters.com/article/us-wikileaks-iran-saudis-idUSTRE6AS02B20101129> (Дата обращения: 26.11.2016.)

³ См.: Aman F., Scotten A. Rouhani win could reduce Iran-Saudi tensions // Al-Monitor. June, 2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/tr/originals/2013/06/rouhani-electionreduce-saudi-iranian-tensions.html#ixzz4Qli4ARqp> (Дата обращения: 27.11.2016.)

дел Сауд Аль-Фейсал, многолетний руководитель саудовской разведки принц Турки Аль-Фейсал и его преемник, принц Бандар Бен Султан.

Однако примирения двух региональных лидеров не произошло. Более того, вскоре после восшествия на престол короля Сальмана Бен Абдель Азиза Аль Сауда и изменения порядка престолонаследия, в результате чего наследным принцем стал Мухаммед бен Наеф, а преемником наследного принца – Мухаммад Бен Сальман, Саудовская Аравия начала военную кампанию в Йемене. При этом руководящим мотивом войны стало стремление воспрепятствовать усилению иранского влияния на юге Аравийского полуострова. Таким образом, целый ряд факторов¹, среди которых развитие ситуации в различных прокси-конфликтах в регионе, позиция США по иранской ядерной программе и в целом изменение американской ближневосточной политики, смена руководства в Саудовской Аравии и др., привели к тому, что отношения КСА и ИРИ в последние годы не только не улучшились, а напротив, еще более обострились.

Место ИРИ во внешней политике КСА

Можно констатировать, что в последние годы произошло заметное изменение подхода Эр-Рияда к осуществлению внешней политики. Традиционно во второй половине XX в. она была консервативной. Саудиты часто не брали на себя открытое лидерство, предпочитая решать проблемы методами «мягкой силы», посредством выделения значительных средств. Это проявлялось и в арабоизраильском конфликте, и во взаимодействии с Ираком для сдерживания Ирана, и в отношениях с США, и в других вопросах.

К настоящему моменту внешняя политика Саудовской Аравии стала гораздо более активной. Более того, в последние годы Королевство неоднократно оказывалось вовлеченным в конфликты за пределами своих границ – в Йемене, Сирии, Ираке; в 2011 г. по приглашению руководства Бахрейна армейские подразделения Саудовской Аравии были введены в эту страну, чтобы противово-

¹ См.: Copley G. Saudi shakeup is good news for Iran as Obama prevails in Kingdom power struggle // The World Tribune. May 3, 2015. URL: <http://www.world-tribune.com/archives/saudi-shakeup-is-good-news-for-iran-as-obama-prevails-in-kingdom-power-struggle/> (Дата обращения: 27.11.2016.)

стоять антиправительственным, преимущественно шиитским, демонстрациям. Основными причинами изменения подхода КСА к осуществлению внешней политики являются усиление геополитической роли Ирана и смена власти в Эр-Рияде в 2015 г.

Как было сказано выше, свержение режима Саддама Хусейна привело к тому, что ИРИ получила возможности для геополитического наступления в регионе Ближнего и Среднего Востока. В аналитических работах используются либо термин «шиитское возрождение», в соответствии с названием книги Вали Насра¹, либо «шиитский полумесяц», «шиитская дуга»². Иран усиливает влияние на территории, охватывающей Ливан, Сирию, Иран, Афганистан, Бахрейн, Восточную провинцию КСА, Йемен. С точки зрения Эр-Рияда, усиление региональной роли Ирана происходит за счет Саудовской Аравии³.

После того как Королевству не удалось воспрепятствовать завершению переговоров по иранской ядерной программе в 2015 г., Эр-Рияд предпринял попытку сорвать нормализацию отношений между США и ИРИ. В январе 2016 г., за несколько дней до начала официального выполнения согласованного «шестеркой» и Ираном плана по реализации соглашения по ядерной программе, в КСА был казнен шиитский проповедник аятолла Нимр ан-Нимр. Саудовская Аравия ожидала резкой реакции со стороны Ирана. Однако иранские государственные органы ограничились устными заявлениями. В Тегеране состоялись демонстрации, в ходе которых протестующие подожгли посольство КСА. На официальном уровне иранские власти дистанцировались от демонстраций и осудили их. Тем не менее Саудовская Аравия разорвала дипломатические отношения с Ираном.

В Вашингтоне политику Эр-Рияда не поддержали – было сделано предостережение, что казнь может спровоцировать эска-

¹ См.: Nasr V. The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future by Vali Nasr. – W.W. Norton & Company, Inc., 2006.

² См.: Алексеев В. «Шиитская дуга» – новая реальность Ближнего Востока? // Иран.ру. URL: http://www.iran.ru/news/analytic/92042/Shiitskaya_duga_novaya_realnost_Blizhnego_Vostoka (Дата обращения: 28.11.2016.)

³ См.: Shoichet C., Castillo M. Saudi Arabia-Iran row spreads to other nations // CNN. January 5, 2016. URL: <http://edition.cnn.com/2016/01/04/middleeast/saudi-arabiairan-severing-ties-whats-next/> (Дата обращения: 27.11.2016.)

лацию насилия¹. Европейские страны также стали активнее критиковать Саудовскую Аравию в 2015–2016 гг. Так, немецкие высокопоставленные чиновники неоднократно призывали Эр-Рияд изменить свой подход к отношениям с Тегераном, обвиняли КСА в финансировании ваххабитских мечетей в Европе².

В Британии Эр-Рияд критиковали лидер оппозиции Джереми Корбин³ и неправительственная организация Оксфам⁴.

Таким образом, сталкиваясь с постепенным снижением своей геополитической роли в регионе, Саудовская Аравия избрала стратегию сдерживания роста иранского влияния. В стратегических документах, разрабатываемых в КСА, именно Иран предстает как ключевая угроза национальной безопасности. В начале 2016 г. базирующийся в Джидде Центр исследований залива представил доклад по проблемам безопасности, названный «ССАГПЗ – это будущее». В данном материале содержится следующая точка зрения: «Новым явлением на Ближнем Востоке стало открытое военное вмешательство Ирана в дела арабских государств. Оно пришло на смену интервенциям, осуществлявшимся с 1979 г. с помощью спецслужб и притайной поддержке отдельных движений. Новая политика Ирана в Ираке, Сирии, Ливане, Палестине, Йемене и Бахрейне направлена на пересмотр роли ССАГПЗ и изменение регионального баланса сил». Авторы доклада утверждают, что «государства ССАГПЗ должны выстроить общую систему стратегического сдерживания, направленную против вмешательства Ирана в дела арабских стран»⁵.

¹ US warns Saudi execution of Shia cleric Nimr could fuel tensions // BBC News. January 3, 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-35216215> (Дата обращения: 27.11.2016.)

² Chambers M. German Vice Chancellor warns Saudi Arabia // Yahoo News. URL: <https://www.yahoo.com/news/german-vice-chancellor-warns-saudi-arabia-over-islamist135521960.html?ref=gs> (Дата обращения: 27.11.2016.)

³ Саудовская Аравия потребовала от Великобритании уважения // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2015/10/26/respect_ma_authoritah/ (Дата обращения: 27.11.2016.)

⁴ Oxfam критикует британское правительство за продажу оружия саудитам // Новости ВПК. 24.08.2016. URL: http://vpk.name/news/161904_oxfam_kritikuet_britanskoe_pravitelstvo_za_prodazhu_oruzhiya_sauditam.html (Дата обращения: 27.11.2016.)

⁵ Кузнецов А.А. Ирано-саудовское региональное соперничество: Угрозы и перспективы. Часть 1 // Институт Ближнего Востока. Официальный сайт. 22 февраля 2016. URL: <http://www.iiimes.ru/?p=27532> (Дата обращения: 26.11.2016.)

Кроме того, в Саудовской Аравии ощущается неспособность самостоятельно обеспечить собственную безопасность¹. В этой связи КСА вынуждена искать взаимодействия с сильными странами, прежде всего с США. Это осложняет выстраивание инклузивной региональной системы безопасности, поскольку цели в регионе внешних игроков различаются.

Как пишет российский исследователь А. Кузнецов, «саудовская внешняя политика и дипломатия являются зеркальным отражением недостатков экономики страны. К их слабым сторонам относятся отсутствие стратегического планирования и долговременная опора на Запад, породившая у саудовской элиты чрезмерное доверие к политике США и их союзников по НАТО. В течение многих лет в Эр-Рияде были уверены, что Вашингтон в любом случае будет поддерживать КСА в конфронтации с Ираном, и закроет глаза на саудовскую поддержку террористических и экстремистских организаций на Ближнем Востоке. Тем болезненнее было отрезвление, наступившее осенью 2014 г., когда в Эр-Рияде внезапно поняли, что американцы всерьез хотят урегулировать иранскую ядерную проблему»².

Саудовская Аравия во внешней политике Ирана

Интересный анализ противостояния двух стран дается в статье Сейида Хосейна Мусавияна «Саудовская Аравия – новая угроза национальной безопасности Ирана», опубликованной в американской газете «Хаффингтон пост» 6 марта 2016 г.³ Автор статьи считает, что военно-политические процессы, развивающиеся в последние годы в регионе, привели к тому, что КСА стало счи-таться одной из главных угроз национальной безопасности Ирана. Еще десять лет назад ситуация была другой – в качестве внешних

¹ См.: Lippman T. Saudi Arabia on the Edge: The Uncertain Future of an American Ally. – W.: Potomac Books, 2012. – P. 238.

² Кузнецов А.А. Ирано-саудовское региональное соперничество: Угрозы и перспективы. Часть 1 // Институт Ближнего Востока. Официальный сайт. 22 февраля 2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=27532> (Дата обращения: 26.11.2016.)

³ См.: Mousavian S.H. Saudi Arabia Is Iran's New National Security Threat // The Huffington Post. 6 марта 2016. URL: http://www.huffingtonpost.com/seyyed-hosseinmousavian/saudi-arabia-iran-threat_b_10282296.html (Дата обращения: 27.11.2016.)

угроз своей безопасности Тегеран рассматривал США, Израиль и экстремистские суннитские группировки, такие как «Аль-Каида» и «Талибан», но не Саудовскую Аравию. Иранский дипломат, обвиняя Эр-Рияд в поддержке экстремистских и террористических организаций, вместе с тем признает, что причиной беспокойства КСА являются растущие роль Ирана в регионе и его лидерские амбиции, от которых Тегеран отказываться не собирается¹.

В то же время в статье предложены и меры доверия, которые могут помочь разрядке напряженности в регионе Персидского залива. Во-первых, повышение взаимопонимания и сотрудничество в решении региональных проблем. Во-вторых, введение режима нераспространения оружия массового поражения и объявление Персидского залива регионом, свободным от ядерного оружия. В-третьих, обмен военными делегациями и контакты в сфере безопасности. В-четвертых, подписание пакта о ненападении и создание совместных сил безопасности.

Важно добавить, что периодически высокопоставленные чиновники двух стран делают миролюбивые заявления. 17 октября 2015 г. министр иностранных дел Ирана Мохаммад Зариф заявил на встрече с германским коллегой Франком-Вальтером Штайнмайером о том, что «Иран не ищет путей для уничтожения Саудовской Аравии, но и Саудовская Аравия не должна искать способы для вытеснения Ирана из региона»².

В трактовке высокопоставленных иранских дипломатов стратегическими принципами внешней политики ИРИ на Ближнем и Среднем Востоке являются: 1) борьба с терроризмом и радикализмом; 2) поддержка легитимных государств и легитимных руководителей; 3) неприятие любого внешнего военного вмешательства в дела региона; 4) регион, свободный от атомного оружия³.

¹ См.: Mousavian S.H. Saudi Arabia Is Iran's New National Security Threat // The Huffington Post. 6 марта 2016. URL: http://www.huffingtonpost.com/seyyed-hosseinmousavian/saudi-arabia-iran-threat_b_10282296.html (Дата обращения: 27.11.2016.)

² Iran won't allow Saudi Arabia to exclude Iran from regional equations: Zarif // Press TV. October 17, 2015. URL: <http://presstv.com/Detail/2015/10/17/433774/Iran-Zarif-Germany-Steinmeier-Tehran> (Дата обращения: 27.11.2016.)

³ См.: Санаи М. Партнерство Исламской Республики Иран и Российской Федерации с целью достижения мира и стабильности на Ближнем Востоке // Ситуация на Ближнем Востоке: Возможные пути выхода из кризиса. Сборник докладов. Под редакцией Бирюкова Е.С., Глазовой А.В. – М.: РИСИ, 2015. – С. 124.

Иран заинтересован в постепенном выходе из изоляции и большей вовлеченности в дела Ближнего Востока. В этой связи конфронтация с Саудовской Аравией является невыгодной для Ирана. При этом в Эр-Рияде понимают, что, используя примирительную риторику, Иран одновременно осуществляет расширение своего влияния в регионе. По этой причине подходы КСА к ИРИ являются более жесткими и ориентированы на сдерживание и изоляцию Тегерана.

Как представляется, в прямом военном столкновении с КСА Тегеран не заинтересован. Это объясняется рядом причин. Иран только начал выходить из международной изоляции. Значительная часть иранской элиты настроена на экономическое развитие, на привлечение инвестиций и технологий, а масштабный вооруженный конфликт способен отбросить страну на несколько лет назад и существенно ухудшить ее имидж. Во главе страны стоят люди, принимавшие участие в войне с Ираком и понимающие последствия масштабной войны. Верховный лидер ИРИ Али Хаменеи в годы войны занимал пост президента, аятолла Али Хашеми Рафсанджани – председателя Совета обороны, нынешний президент Хасан Роухани разрабатывал планы развития военной экономики в меджлисе, спикер парламента Али Лариджани и бывший президент Махмуд Ахмадинежад служили офицерами КСИР на передовой. При этом в течение последних лет Иран усиливает свое влияние в ряде стран региона, прямая же война с соседями с большой вероятностью повлечет резкую реакцию со стороны некоторых сильных зарубежных государств и может ослабить ИРИ.

В то же время и преемник наследного принца КСА Мухаммад Бен Сальман в интервью британскому журналу «Экономист» в январе 2016 г. подчеркнул, что его страна не стремится к войне с Ираном. Отвечая на вопрос, возможна ли прямая война, он отметил: «Мы исключаем подобную возможность. Тот, кто толкает к такой войне, находится не в своем уме»¹. Исходя из этих установок, можно заключить, что прямого длительного военного столкновения Иран и Саудовская Аравия будут избегать. Однако прокси-войны будут продолжаться, истощая не столько обе эти страны, сколько соседние государства (Ирак, Сирия, Ливан, Йемен), и мешая достижению мира и стабильности в регионе.

¹ Transcript: Interview with Muhammad bin Salman // The Economist. January 6, 2016. URL: http://www.economist.com/saudi_interview (Дата обращения: 28.11.2016.)

Двусторонние отношения КСА и ИРИ с некоторыми странами Ближнего и Среднего Востока

Противоречия между ИРИ и КСА проявляются по большому количеству вопросов. Объем статьи не позволяет детально рассмотреть весь их спектр. В этой связи не рассмотрены такие темы, требующие отдельного глубокого изложения, как столкновение интересов двух стран в Сирии, Йемене, Ираке, Ливане, контакты Саудовской Аравии и Израиля, спорные вопросы по производству нефти, противоречия в вопросах организации хаджа и другие. Упор сделан на отношениях двух стран с Египтом, Пакистаном, аравийскими монархиями и на попытках ИРИ и КСА повлиять на внутреннюю безопасность в стране-оппоненте.

Отношения Саудовской Аравии и Ирана с Египтом. Между Египтом и Ираном с 1979 г. отсутствуют дипломатические отношения, разорванные по инициативе ИРИ из-за того, что Каир предложил убежище шаху, а также из-за Кэмп-Дэвидского соглашения. Как известно, в 2011 г. Иран поддержал отстранение Хосни Мубарака и приход к власти «Братьев-мусульман» и Мухаммеда Мурси, в связи с чем в 2011–2013 гг. наблюдался период сближения двух стран. После «арабской весны» состоялись первые за более чем 30 лет визиты на высшем уровне – М. Ахмадинежад посетил Каир, а М. Мурси – Тегеран.

После того, как летом 2013 г. военные во главе с Ас-Сиси перехватили власть в Египте, Иран потерял влияние на эту страну. Саудовская Аравия под руководством короля Абдаллы, напротив, приложила все усилия для поддержки режима Ас-Сиси. Общий объем средств, выделенных Египту в 2013–2015 гг. КСА, ОАЭ, Бахрейном, Оманом безвозмездно или в виде ссуд, составил около 30 млрд долл.¹

Однако в течение 2016 г. в отношениях между Египтом и Саудовской Аравией проявились серьезные противоречия, которые очень внимательно изучаются в Иране. Важным направлением противоречий является борьба за региональное лидерство. Политика Каира в 2013–2015 гг. попала в зависимость от Эр-Рияда из-за

¹ См.: El-Tablawi T. et al. Gulf Arabs Offer More Billions to Help Revive Egypt Economy // Bloomberg News. March 15, 2015. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-03-15/gulf-arabs-offer-billions-to-help-el-sisi-revive-egypt-s-economy> (Дата обращения: 28.11.2016.)

сложной экономической ситуации в Египте. Однако, как показало развитие событий, сложившееся положение не устраивало египетские власти.

Вторым важным моментом было различное отношение к фигуре Башара Асада и легитимным властям Сирии в целом. Египетская дипломатия после 2013 г. (при Ас-Сиси), в отличие от саудовской, не делала резких заявлений в адрес Асада. Египет и КСА поддерживали разные по своей сути оппозиционные группы.

Третьим пунктом является меньший объем участия египетских войск в деятельности арабской коалиции в Йемене, чем тот, который ожидала Саудовская Аравия. Египтяне сначала направили относительно небольшой контингент из 800 военных, а затем стали фокусироваться не на наземной операции, а на патрулировании Баб-эль-Мандебского пролива.

Позиция Египта по сирийскому и йеменскому конфликтам и другие перечисленные выше спорные вопросы привели к кризису в саудо-египетских отношениях. В результате в начале ноября 2016 г. саудовская нефтяная компания «Арамко» прекратила поставки топлива в Египет¹ (ранее поставки прерывались на непродолжительный период в сентябре). Однако Каир смог договориться с МВФ о получении кредита в размере 12 млрд долл. Таким образом, у Египта получилось обеспечить макроэкономическую устойчивость без участия Эр-Рияда.

В условиях ухудшения отношений Саудовской Аравии и Египта активизировались контакты Каира и Тегерана. В октябре в зарубежной прессе появилась информация о том, что министр нефти Египта Тарик аль-Мулла посетил Тегеран с целью заключить новые контракты о поставке нефти, при этом официально данная информация опровергалась. Кроме того, египетский еженедельник «Ахрам Уикли» опубликовал статью² о том, что Иран и Египет готовы к налаживанию отношений после многолетнего перерыва. Также появлялась информация о египетско-сирийских

¹ Саудовская компания *Aramco* приостановила поставки топлива в Египет // ТАСС. 7 ноября 2016. URL: <http://tass.ru/tek/3762685> (Дата обращения: 26.11.2016.)

² См.: Ezzat D. Cairo and Tehran: What's in a picture? // Al-Ahram Weekly. URL: <http://weekly.ahram.org.eg/News/17694/17/Cairo-and-Tehran--What%E2%80%99s-in-apicture-aspx> (Дата обращения: 28.11.2016.)

военных учениях – вероятно, эта новость была умышленным информационным вбросом¹.

Можно предположить, что Каир и Эр-Рияд будут стремиться вывести отношения из текущего кризиса. Одним из важных моментов во внешней политике Египта станет нормализация отношений с США. В целом для Египта вопросы национальных интересов и национальной безопасности становятся не менее значимыми, чем необходимость привлечения средств.

Отношения КСА и ИРИ с Пакистаном. Тесное военно-политическое партнерство связывает Пакистан и КСА еще со времен короля Фейсала (1962–1975). В 1980-е годы оба государства координировали свои усилия в ходе антисоветского джихада в Афганистане. Саудовская Аравия на протяжении последних десятилетий регулярно оказывала своему пакистанскому союзнику финансовую помощь.

Однако на нынешнем этапе Эр-Рияд не смог получить от Исламабада поддержки в антииранской деятельности. В апреле 2015 г. пакистанский парламент заблокировал участие вооруженных сил страны в йеменской операции. Ключевой внешнеполитической проблемой для Пакистана сейчас является обустройство Афганистана в соответствии с интересами Исламабада, а наибольшей внутриполитической проблемой – борьба с экстремистами на северо-западе страны, в зоне проживания пуштунских племен. Направление войск в Йемен привело бы к человеческим потерям. Важным фактором, из-за которого Исламабад становится менее зависимым от саудовской помощи, является пакистано-китайское сотрудничество. В счет реализации экономического проекта «Великого Шёлкового пути» Пекин анонсировал предоставление Исламабаду экономической помощи в размере 46 млрд долл., а Тегерану – в размере 42 млрд. Поэтому ухудшение отношений с Ираном не выгодно для Пакистана.

Позиции аравийских монархий. Среди аравийских монархий, несмотря на оказываемое на них давление со стороны Саудовской Аравии, нет единой позиции по вопросу отношений с Ираном. Условно позиции Омана и Катара можно охарактеризовать как равноудаленные, тогда как ОАЭ и Бахрейн в своих отношениях

¹ Телеканал «Аль-Маядин». Вечерний выпуск новостей, 1:54–2:31 // YouTube.ru. 27 ноября 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yKuy0SptjzU&index=12&t=123s&list=PL5AAD9737EF2E6EF2> (Дата обращения: 27.11.2016.)

с Ираном в большей степени ориентируются на Саудовскую Аравию.

Оман был посредником в ходе секретных американо-иранских переговоров по ядерной программе с 2013 г. Отношения между Ираном и Оманом сложились еще в 1970-е годы, когда шах помог султану Каббусу подавить восстание сепаратистов в провинции Дофар. В 2013–2016 гг. Тегеран и Маскат вели переговоры о строительстве газопровода из Ирана в Оман¹, что говорит о том, что данная аравийская страна рассматривает персов как соседа, чей вклад в безопасность и экономическое процветание региона может стать очень значимым.

Занимаемая Оманом позиция по конфликту в Йемене, возможно, даже более выгодна Ирану, чем Саудовской Аравии. 3 октября 2016 г. в Маскате по инициативе Эр-Рияда была создана встреча представителей стран ССАГПЗ, на которой саудиты акцентировали внимание на «неправильной политике» Омана, которая заключается в «недостаточных» усилиях по охране границы с Йеменом с точки зрения предотвращения незаконного трафика вооружений². За данными фразами скрываются обвинения в адрес Омана в негласном предоставлении своей территории для переброски вооружения хуситам. Однако Маскат практически не поддается давлению Эр-Рияда, и это свидетельствует о том, что влияние Саудовской Аравии в регионе слабеет на фоне экономических неурядиц и явной борьбы за власть в правящей верхушке Королевства. Кроме того, омано-иранское сотрудничество сохраняет за Маскатом традиционную роль неофициального посредника между странами Аравийского полуострова и Ираном, от которой Оман ни при каких обстоятельствах отказываться не собирается.

Катар в 1990–2000-е годы в значительной степени дистанцировался от Саудовской Аравии и в ряде внешнеполитических вопросов конкурирует с Королевством. По некоторым направлениям Катар развивает взаимодействие с Ираном. В 2010 г. между двумя странами было подписано соглашение в сфере безопасности. В 2012 г. на Мюнхенской конференции по безопасности

¹ Shell, Total join Iran-Oman gas pipeline talks // Offshore-mag.com. URL: <http://www.offshore-mag.com/articles/2016/11/shell-total-join-iran-oman-gas-pipeline-talks.html> (Дата обращения: 15.02.2017.)

² См.: Щегловин Ю.Б. О причинах обострения саудовско-оманских отношений // Институт Ближнего Востока. Официальный сайт. 15 октября 2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=30330> (Дата обращения: 26.11.2016.)

министр иностранных дел Катара призвал международное сообщество начать конструктивный диалог с Ираном.

Между Ираном и Катаром происходит взаимодействие в энергетической сфере. Обе страны ведут разработку крупного газового месторождения (Северное / Южный Парс) в приграничных территориальных водах Персидского залива. Именно это месторождение помогло Катару существенно ускорить экономическое развитие. Власти Катара понимают, что для обеспечения устойчивой разработки своей части месторождения им необходимы, по крайней мере, прагматичные отношения с Ираном.

В ОАЭ осторожно приветствовали успешное завершение переговоров по ядерной сделке, заявив о возлагаемых на нее надеждах на стабилизацию ситуации в регионе и укрепление безопасности. Хотя в политической сфере между странами существуют противоречия, важнейшим из которых является оспаривание статуса трех контролируемых Ираном островов в Персидском заливе, в экономике страны взаимовыгодно сотрудничают. В условиях санкций Дубай рассматривался Ираном как главная точка выхода на мировые рынки. Торговый оборот между Ираном и Дубаем в 2014 г. достиг 17 млрд долл. США, что составило 80% всей внешней торговли Ирана с соседними странами. По данным Совета бизнеса Ирана, в Дубае ведут деятельность около 8 тыс. иранских трейдеров и торговых фирм.

Только Бахрейн в саудо-иранском противостоянии строго придерживается стороны Королевства, поскольку правящая королевская семья принадлежит к суннитской ветви ислама, а большинство населения – шииты. Как известно, в 2011 г. в условиях «арабской весны» в этой стране были массовые народные выступления, подавить которые удалось только благодаря вводу регулярной Саудовской армии. В этой связи бахрейнская элита в саудовско-иранских отношениях будет четко следовать в фарватере позиции Эр-Рияда. После того, как в начале 2016 г. Саудовская Аравия разорвала дипломатические отношения с Ираном, аналогичные действия предприняли Бахрейн и Судан. Примечательно, что ОАЭ, от которых КСА ожидала таких же мер, только снизили уровень дипломатических связей, но не стали разрывать отношения.

Вышеприведенные факты позволяют сделать вывод о том, что у аравийских монархий не существует единой позиции относительно отношений с Ираном, и часть из них будут развивать дипломатические и экономические связи с Тегераном, несмотря на позицию Саудовской Аравии.

Деятельность КСА и ИРИ по влиянию на внутреннюю безопасность друг друга

В течение 2016 г. усилились контакты Саудовской Аравии с этническими и религиозными группами, которые могут влиять на ситуацию в Иране изнутри. Так, 9 июля 2016 г. в Париже состоялась конференция иранской оппозиционной группы «Моджахедин эль-Хальк» (Организации моджахедов иранского народа). Данная организация является запрещенной в Иране. «Моджахеды» использовались С. Хусейном на всем протяжении ирано-иракской войны. В 1981 и 1988 гг. велись бои между членами организации и Иранской армией на территории ИРИ. Основным новымсмейкером на Парижской конференции выступил экс-глава саудовской разведки принц Турки аль-Фейсал, который и в настоящее время имеет значительное влияние на саудовскую политику. Во время своего выступления принц выразил солидарность с «силами иранской оппозиции, ставящими целью свержение режима» и обещал им всемерную поддержку. Саудовский принц указал на большое количество внутренних врагов режима в Иране, отметив при этом угнетенные религиозные и этнические меньшинства (курдов, белуджей, азербайджанцев). Существует точка зрения, что уровень организации конференции в Париже и координация ее работы саудовцами свидетельствуют о том, что КСА выделила крупное финансирование на проведение мероприятия¹. Можно констатировать, что кризис в ирано-саудовских отношениях вступает в новую фазу, когда Эр-Рияд начинает для достижения своих целей вмешиваться во внутренние дела Ирана и напрямую поддерживать группировку, которую иранское руководство квалифицирует как «террористическую». Данный подход отличается от традиционной внешнеполитической линии КСА, предпочитавшей в конфликтных ситуациях оставаться в тени и бороться со своими противниками руками клиентов.

¹ См.: Кузнецов А.А. К новому кризису в ирано-саудовских отношениях // Институт Ближнего Востока. Официальный сайт. 23 июля 2016. URL: <http://www.iiimes.ru/?p=29230> (Дата обращения: 15.02.2017.)

По ряду данных, Саудовская Аравия взаимодействует также с курдскими группировками, противостоящими властям Ирана¹. В июле 2016 г. состоялось установочное совещание представителей «Пежак» и «Моджахеддин эль-Хальк». В июне того же года в Иранском Курдистане прошли вооруженные стычки между курдскими боевиками из Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) и силами КСИР, что означало нарушение ДПИК перемирия, длившегося с 1996 г. Ранее значимой дестабилизирующей силой в Иране считалась белуджская организация «Джундадла», однако в настоящее время ее возможности крайне ограничены.

В целом революционной ситуации в ИРИ в настоящее время не существует, ставка КСА на эмигрантскую иранскую оппозицию и ее союзников не сможет обрушить нынешнюю политическую систему в ИРИ. Проблемы с этническими меньшинствами имеют место, но не являются критическими для национальной безопасности. Сложным регионом остается провинция Систан и Белуджистан, однако это объясняется ее экономической отсталостью и тем, что через ее территорию проходят основные потоки наркоторговли. В курдских регионах власти Ирана за последние 20 лет многое сделали для экономического развития и интеграции курдов в общественную и политическую жизнь страны².

В то же время активизация Саудовской Аравией группировок, оппозиционных Тегерану, может существенно осложнить и без того непростую ситуацию в регионе и привести к новому витку ирано-саудовское противостояние. Примером может быть напряженная ситуация в Восточной провинции КСА и Бахрейне. Пока что шиитское большинство Бахрейна и шиитская община КСА в целом верны монархическим режимам и требуют только равноправия, что также свидетельствует об отсутствии революционной ситуации. Однако в случае дальнейшего обострения кризиса в двусторонних отношениях или в случае экономических проблем в Саудовской Аравии иранцы могут начать создавать спящие

¹ Iran Warns Iraq's Kurds: You Better Not Seek Saudi Funding, Weapons // CounterJihad.com. URL: <http://counterjihad.com/iran-warns-iraqs-kurds-better-not-seek-saudi-fundingweapons> (Дата обращения: 15.02.2017.)

² См.: Bozorgmehr N. Iran's Kurds seek coexistence with Shia as life improves // The Financial Times. December 3, 2014. URL: <https://www.ft.com/content/f37b3d50-6f3f11e4-b50f-00144feabdc0> (Дата обращения: 15.02.2017.)

ячейки шиитских подпольных организаций, дестабилизируя ситуацию в государствах Персидского залива¹.

* * *

В последние годы ирано-саудовское соперничество на Ближнем Востоке принимает всё более острые формы. С началом «арабской весны» ареной противостояния между двумя странами являются Сирия, Ливан, Ирак, Йемен. В этих регионах война между Исламской Республикой и КСА ведется силами их союзников. Для Эр-Рияда наиболее значительными театрами военных действий являются Йемен и Сирия. Важность Йемена определяется тем, что эта страна имеет с КСА общую протяженную границу (провинции Асир, Наджран и Джизан), при этом если на официальном уровне территориальные споры между Саудовской Аравией и Йеменом были урегулированы в 2000 г., то хуситами данные договоренности не признаются. Ситуация в Йемене имеет критическую важность для обеспечения национальной безопасности КСА.

Победа над правительством Башара Асада в Сирии могла иметь для Эр-Рияда чрезвычайно важную роль в плане обеспечения своих геополитических интересов на Ближнем Востоке и подрыва оси Тегеран–Багдад–Дамаск–Бейрут. Именно с падением Асада Королевство связывало ослабление Ирана в регионе. Еще в 2011 г. покойный король Саудовской Аравии Абдалла бен Абдель Азиз отметил в беседе с высокопоставленным чиновником из Госдепартамента США, что «ничто так не ослабит Иран, как падение нынешнего правительства в Сирии»². Сохранение Башара Асада у власти будет большим ударом по имиджу и позициям Эр-Рияда в регионе.

Кризис в отношениях между Тегераном и Эр-Риядом углубился после гибели 416 иранских паломников во время хаджа 2015 г. и особенно после казни шиитского шейха Нимра ан-Нимра в Саудовской Аравии в январе 2016 г. Приговор шейху Нимру ан-Нимру привел к погрому саудовского посольства в Тегеране и разрыву дипломатических отношений между двумя странами.

¹ См.: Кузнецов А.А. К новому кризису в ирано-саудовских отношениях... URL: <http://www.iimes.ru/?p=29230> (Дата обращения: 15.02.2017.)

² Crooke A. Syria and Iran: the great game // The Guardian. November 4, 2011. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/nov/04/syria-iran-great-game> (Дата обращения: 27.11.2016.)

Наблюдатели отмечают, что в последнее время руководители обоих государств периодически переходят через «красные линии» в своих заявлениях. Эр-Рияд грозится открыто поддержать внесистемную оппозицию, разворачивающую террористическую активность против Тегерана, а именно организацию «Моджахеддин эль-Хальк». В то же время Иран через ливанскую «Хезбаллу» начал поставку баллистических ракет, способных поражать цели в глубине КСА, йеменским хуситам и их союзникам в лице сторонников бывшего президента Али Абдаллы Салеха.

Ирано-саудовская конфронтация дошла до опасной черты. Это подтверждается взаимными обвинениями, обмен которыми произошел между верховным лидером ИРИ и муфтием КСА. Верховный лидер ИРИ Али Хаменеи, напомнив прошлогоднюю гибель паломников во время хаджа, отметил, что саудовская королевская семья не справляется с организацией хаджа и призвал к организации международного исламского контроля над паломничеством. В ответ на это муфтий КСА шейх Абдуль Азиз ибн Абдуллах Аль аш-Шейх объявил, что «иранцы не являются мусульманами»¹. Оба обвинения являются весьма серьезными для мусульманских стран.

Фундаментальными противоречиями между странами являются соперничество за роль в региональной иерархии, различные подходы по вопросу коллективной безопасности, роли и месту таких стран, как США и Израиль на Ближнем Востоке. Иран стремится быть вовлеченным в региональные процессы, поскольку в этом случае его экспансия будет продолжаться. КСА же концентрируется на изоляции ИРИ. В этой ситуации Эр-Рияд был вынужден избрать активную внешнюю политику, осуществление которой требует значительных затрат и в целом несет в себе существенные риски для Саудовской Аравии.

С 2003 г., после оккупации Ирака американской коалицией, происходит изменение регионального баланса на Ближнем и Среднем Востоке. И для КСА, и для ИРИ усиление позиций своего соперника в таких странах, как Ирак, Сирия, Египет, Йемен, Ливан, Палестина, Коморские острова, означает ухудшение собственных позиций. В продвижении своего влияния Эр-Рияд и Теге-

¹ Payton M. 'Iranians are not Muslims', says Saudi Arabia's Grand Mufti // The Independent. September 7, 2016. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/saudi-arabia-grand-mufti-iran-sunni-muslims-hajj-a7229416.html> (Дата обращения: 27.11.2016.)

ран используют асимметричные инструменты. Проведению внешней политики Саудовской Аравии и Ирана в различных странах Ближнего Востока способствует слабость многих государств региона, внутреннее соперничество различных этнических и религиозных групп, заинтересованных в привлечении внешних «копекунов».

Арабские революции 2010–2011 гг. поставили под угрозу взаимодействие Саудовской Аравии и Ирана с рядом стран региона. Однако и Эр-Рияд, и Тегеран предприняли попытки изменить итоги «арабской весны» с пользой для себя – КСА поддержало режим Ас-Сиси в Египте, не допустило революцию в Бахрейне, организовало уход А. Салеха с поста президента Йемена, продолжает проводить антиасадовскую политику в Сирии. Иран усилил свои позиции в Сирии и Йемене. В целом «арабская весна» привела к росту соперничества между Саудовской Аравией и Ираном на Ближнем и Среднем Востоке.

При этом вероятность того, что Саудовская Аравия сможет организовать эффективную систему сдерживания Ирана с подключением аравийских монархий, Пакистана, Афганистана, Турции и Египта, невелика. Пакистан и Турция развивают и усиливают взаимодействие с ИРИ по широкому спектру вопросов. Лидерство КСА среди аравийских монархий по внешнеполитическим вопросам является достаточно размытым, поскольку такие страны, как Катар, Оман и, в некоторых вопросах, ОАЭ, стремятся занимать собственную позицию. Кроме того, исторически монархии Персидского залива стремятся выстраивать отношения с Ираном напрямую, а не через механизмы ССАГПЗ.

Как представляется, КСА, даже во взаимодействии с другими странами, не будет способно обеспечить эффективное сдерживание Ирана, в связи с чем политика Эр-Рияда в отношении Ирана не приведет к желаемым для Саудовской Аравии результатам, и усиление влияния Ирана в Ближневосточном регионе продолжится.

Россия поддерживает дипломатические отношения и с Ираном, и с Саудовской Аравией. Иран является наблюдателем в Шанхайской организации сотрудничества. Москва и Тегеран тесно взаимодействуют в рамках борьбы с терроризмом в Сирии. Важной задачей в двусторонних отношениях является расширение экономического сотрудничества. Иран обладает большим демографическим, цивилизационным и ресурсным потенциалом, поэтому в перспективе его роль на Ближнем Востоке может усилиться.

В отношениях с Ираном России важно не повторять ошибок 1995 и 2010 гг., когда Москва следовала положениям санкционного режима в ущерб не только российско-иранскому сотрудничеству, но и собственным интересам, а использовать и развивать уровень взаимодействия, достигнутый в настоящее время.

С Эр-Риядом Москва развивает контакты в различных сферах. В том числе в 2016 г. наши государства смогли скоординировать шаги по сокращению добычи нефти для того, чтобы обеспечить рост цен. Регулярно ведутся консультации по важным международным проблемам. Хотя по ряду вопросов существуют разногласия, РФ и КСА избегают резкой критики в адрес друг друга и стремятся к обсуждению сложных вопросов. Роль России в противостоянии Саудовской Аравии и Ирана может заключаться в посредничестве по примирению сторон, при сохранении отношений с обоими государствами.

Литература

1. Алексеев В. «Шиитская дуга» – новая реальность Ближнего Востока? // Иран. ру. URL: http://www.iran.ru/news/analytcs/92042/Shiitskaya_duga_novaya_realnost_Blizhnego_Vostoka (Дата обращения: 28.11.2016.)
2. Бирюков Е.С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке // Международная жизнь. – № 11. – 2016.
3. Братерский М.В. США и проблемные страны Азии: Обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. – М.: Московский общественный научный фонд, 2005.
4. Кузнецов А.А. Ирано-саудовское региональное соперничество: Угрозы и перспективы. Часть 1 // Институт Ближнего Востока. Официальный сайт. 22 февраля 2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=27532> (Дата обращения: 26.11.2016.)
5. Кузнецов А.А. К новому кризису в ирано-саудовских отношениях // Институт Ближнего Востока. Официальный сайт. 23 июля 2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=29230> (Дата обращения: 15.02.2017.)
6. Кузнецов В. К вопросу о концепции региональной безопасности ССАГПЗ // РСМД. 16 июня 2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7797#top-content (Дата обращения: 26.11.2016.)
7. Санай М. Партнерство Исламской Республики Иран и Российской Федерации с целью достижения мира и стабильности на Ближнем Востоке // Ситуация на Ближнем Востоке: Возможные пути выхода из кризиса. Сборник докладов. Под редакцией Бирюкова Е.С., Глазовой А.В. – М.: РИСИ, 2015.
8. Саудовская компания *Aramco* приостановила поставки топлива в Египет // ТАСС. 7 ноября 2016. URL: <http://tass.ru/tek/3762685> (Дата обращения: 26.11.2016.)

9. Саудовская Аравия потребовала от Великобритании уважения // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2015/10/26/respect_ma_authoritah/ (Дата обращения: 27.11.2016.)
10. Телеканал «Аль-Маядин». Вечерний выпуск новостей, 1:54–2:31 // YouTube.ru. 27 ноября 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yKuy0SptjzU&index=12&t=123s&list=PL5AAD9737EF2E6EF2> (Дата обращения: 27.11.2016.)
11. Щегловин Ю.Б. О причинах обострения саудовско-оманских отношений // Институт Ближнего Востока. Официальный сайт. 15 октября 2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=30330> (Дата обращения: 26.11.2016.)
12. Oxfam критикует британское правительство за продажу оружия саудитам // Новости ВПК. 24.08.2016. URL: http://vpk.name/news/161904_oxfam_kritikuet_britanskoe_pravitelstvo_za_prodazhu_oruzhiya_sauditam.html (Дата обращения: 28.11.2016.)
13. *Aman F., Scotten A.* Rouhani win could reduce Iran-Saudi tensions // Al-Monitor. June, 2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/tr/originals/2013/06/rouhani-electionreduce-saudi-iranian-tensions.html#ixzz4Qli4ARqp> (Дата обращения: 27.11.2016.)
14. *Amiri R. et al.* The Hajj and Iran's Foreign Policy towards Saudi Arabia / Reza Ekhtiari Amiri, Ku Hasnita Binti Ku Samsu, Hassan Gholipour Fereidouni // Journal of Asian and African Studies. 46 (678), 2011. URL: <http://jas.sagepub.com/content/46/6/678> (Дата обращения: 27.11.2016.)
15. *Amiri R., Samsu K.* Security Cooperation of Iran and Saudi Arabia // International Journal of Business and Social Study. September, 2011. URL: http://ijbssnet.com/journals/Vol_2_No_16_September_2011/28.pdf (Дата обращения: 27.11.2016.)
16. *Bozorgmehr N.* Iran's Kurds seek coexistence with Shia as life improves // The Financial Times. December 3, 2014. URL: <https://www.ft.com/content/f37b3d50-6f3f11e4-b50f-00144feabdc0> (Дата обращения: 15.02.2017.)
17. *Bush G., Scowcroft B.* A World Transformed. – N.Y.: Knopf, 1998.
18. *Chambers M.* German Vice Chancellor warns Saudi Arabia // Yahoo News. URL: <https://www.yahoo.com/news/german-vice-chancellor-warns-saudi-arabia-over-islamist135521960.html?ref=gs> (Дата обращения: 27.11.2016.)
19. *Copley G.* Saudi shakeup is good news for Iran as Obama prevails in Kingdom power struggle // The World Tribune. May 3, 2015. URL: <http://www.worldtribune.com/archives/ saudi-shakeup-is-good-news-for-iran-as-obama-prevails-in-kingdom-power-struggle/> (Дата обращения: 27.11.2016.)
20. *Crooke A.* Syria and Iran: the great game // The Guardian. November 4, 2011. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/nov/04/syria-iran-great-game> (Дата обращения: 27.11.2016.)
21. «Cut off head of snake» Saudis told U.S. on Iran // Reuters. November 29, 2010. URL: <http://www.reuters.com/article/us-wikileaks-iran-saudis-idUSTRE6AS02B20101129> (Дата обращения: 27.11.2016.)
22. *El-Tablawi T. et al.* Gulf Arabs Offer More Billions to Help Revive Egypt Economy // Bloomberg News. March 15, 2015. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-03-15/gulf-arabs-offer-billions-to-help-el-sisi-revive-egypt-s-economy> (Дата обращения: 28.11.2016.)

23. *Ezzat D.* Cairo and Tehran: What's in a picture? // Al-Ahram Weekly. URL: <http://weekly.ahram.org.eg/News/17694/17/Cairo-and-Tehran--What%20%80%99s-in-apicture-aspx> (Дата обращения: 28.11.2016.)
24. Invasion Revisited: How Saudi Arabia backed Saddam's war on Iran? // The Iran Project. URL: <http://theiranproject.com/blog/2016/09/28/invasion-revisited-saudi-arabiabacked-saddams-war-iran/> (Дата обращения: 27.11.2016.)
25. Iran Warns Iraq's Kurds: You Better Not Seek Saudi Funding, Weapons // Counter-Jihad.com. URL: <http://counterjihad.com/iran-warns-iraqs-kurds-better-not-seek-saudi-fundingweapons> (Дата обращения: 15.02.2017.)
26. Iran won't allow Saudi Arabia to exclude Iran from regional equations: Zarif // Press TV. October 17, 2015. URL: <http://presstv.com/Detail/2015/10/17/433774/IranZarif-Germany-Steinmeier-Tehran> (Дата обращения: 27.11.2016.)
27. *Lippman T.* Saudi Arabia on the Edge: The Uncertain Future of an American Ally. – W.: Potomac Books, 2012. – P. 238.
28. *Molavi A.* Iran and the Gulf States // The Iran Primer. URL: <http://iranprimer.usip.org/resource/iran-and-gulf-states> (Дата обращения: 07.02.2017.)
29. *Mousavian S.H.* Saudi Arabia Is Iran's New National Security Threat // The Huffington Post. 6 марта 2016. URL: http://www.huffingtonpost.com/seyyed-hosseinmousavian/saudi-arabia-iran-threat_b_10282296.html (Дата обращения: 27.11.2016.)
30. *Nasr V.* The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future by Vali Nasr. – W.W. Norton & Company, Inc., 2006.
31. *Payton M.* 'Iranians are not Muslims', says Saudi Arabia's Grand Mufti // The Independent. September 7, 2016. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middleeast/saudi-arabia-grand-mufti-iran-sunni-muslims-hajj-a7229416.html> (Дата обращения: 27.11.2016.)
32. *Rothschild E.* Is Iranscam Really About Oil? // The Washington Post. December 28, 1986. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1986/12/28/is-iranscam-really-about-oil/59ed0bb6-e2cb-4b7a-ad52-e87476e1932e/?utm_term=dd509d0ba9d4 (Дата обращения: 27.11.2016.)
33. Shell, Total join Iran-Oman gas pipeline talks // Offshore-mag.com. URL: <http://www.offshore-mag.com/articles/2016/11/shell-total-join-iran-oman-gas-pipeline-talks.html> (Дата обращения: 15.02.2017.)
34. *Shoichet C., Castillo M.* Saudi Arabia-Iran row spreads to other nations // CNN. January 5, 2016. URL: <http://edition.cnn.com/2016/01/04/middleeast/saudi-arabiairan-severing-ties-whats-next/> (Дата обращения: 27.11.2016.)
35. Transcript: Interview with Muhammad bin Salman // The Economist. January 6, 2016. URL: http://www.economist.com/saudi_interview (Дата обращения: 28.11.2016.)
36. US warns Saudi execution of Shia cleric Nimr could fuel tensions // BBC News. January 3, 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-35216215> (Дата обращения: 27.11.2016.)
37. *Wawro G.* The Sins of the First Gulf War // The Daily Beast. January 22, 2011. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2011/01/22/first-gulf-wars-mistake-sexplainus-presence-in-iraq.html> (Дата обращения: 07.02.2017.)
38. *Wilson P., Graham D.* Saudi Arabia: The Coming Storm. – New York: M.E. Sharpe, 1994.

39. Wrampelmeier B. Saudi-Iranian Relations 1932–1982 // Middle East Policy. February 1, 1999. URL: <https://www.thefreelibrary.com/Saudi-Iranian+Relations+1932-1982.a054208508> (Дата обращения: 27.11.2016.)
40. Yemenis Ask Codel for Help in Saada; Present Weak Evidence of Iranian Links // WikiLeaks. February 26, 2007. URL: https://search.wikileaks.org/plusd/cables/07SANAA297_a.html (Дата обращения: 15.02.2017.)

«Проблемы национальной стратегии»,
М., 2017 г., № 2 (41) с. 21–38.

Б. Долгов,

кандидат исторических наук,

Институт востоковедения РАН

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ТУНИСА И СТРАТЕГИЯ «ДВИЖЕНИЯ НАХДА»**

Аннотация. Движения «политического ислама» в арабо-мусульманском мире значительно усилились в результате «арабской весны», своеобразным первым факелом которой стал социальный протест в Тунисе, приведший к краху режима Зин аль-Абидина Бен Али в феврале 2011 г.

Ключевые слова: Тунис, «Движение Нахда», политический ислам, радикальный исламизм, эволюция, социально-экономический кризис.

На первых в Тунисе свободных парламентских выборах в октябре 2011 г. победило «Движение Нахда» (*Харакат ан-Нахда*; Движение возрождения араб. яз.), возглавляемое видным исламистским деятелем Рашидом Ганнуши¹, за него проголосовало 40,1% избирателей. И в парламенте Движение завоевало 90 (из 217) мест.

**Приход к власти
исламистского «Движения Нахда»**

Поддержка исламистского «Движения Нахда» (ДН) была, во-первых, обусловлена тем, что многие тунисцы видели в нем, как подчеркнул в беседе со мной известный тунисский общественно-политический деятель, член леводемократического политического блока «Народный фронт» Абдалла Ахмед, «силу, реально боровшуюся с коррумпированным диктаторским режимом, а не потому, что разделяли его идеологию “политического ислама”».

Во-вторых, поддержка «Движения Нахда» объяснялась тем, что оно предлагало путь развития, основанный на исповедуемых большинством населения традиционных исламских ценностях, и, как считали голосовавшие за него, альтернативный тому, что реализовывал обанкротившийся режим Бен Али. В то же время руководители ДН провозглашали себя общенациональными лидерами и выразителями интересов всех граждан вне зависимости от конфессиональной и национальной принадлежности. Этот тезис привлекал многих, в том числе тех, кто не разделял концепций политического ислама, но тем не менее выступал против прежнего диктаторского режима.

По итогам выборов на 2-м месте в парламенте – партия «Конгресс за республику» (КЗР) 30 мест, за нее отдали голоса 13,82% избирателей. Ее председателем являлся Монсеф Марзуки², давний противник режима Бен Али, проведший многие годы в эмиграции во Франции. Он позиционировал себя как сторонник социал-демократических концепций.

На 3-м месте – партия «Демократический форум за труд и свободы» (ДФТС) (Такаттуль – араб. яз.) 21 депутатское место, также провозглашавшая светские и демократические принципы. Этую партию поддержали 9,68% избирателей³.

Эти три партии создали коалицию, так называемую Тройку, во главе с «Движением Нахда». Коалицией были сформированы органы исполнительной и законодательной власти. Премьер-министром, который обладал реальной властью, стал представитель ДН Хамади Джебали, президентом (исполняющим, в основном, представительские функции) Монсеф Марзуки, председатель партии КЗР, и спикером парламента Мустафа Бен Джаде, председатель партии «Такаттуль».

После крушения авторитарного режима в Тунисе возникла реальная возможность построения более справедливого и демократичного государственно-политического устройства, которое отражало бы интересы большинства граждан и было бы основано на общности исторических традиций и исламской религии, толерантной к другим конфессиям и политическим взглядам, о чём заявляли в своей предвыборной программе лидеры политического ислама.

Ее реализация во многом зависела от общих усилий и нахождения консенсуса между исламистскими силами, пришедшими во власть, и другими политическими движениями, также боровшимися с диктаторским режимом.

Однако у исламистских лидеров возобладала тенденция к монополизации власти и реализации своих партикуляристских целей по воплощению суннитского «исламского проекта». Так, после победы «Движения Нахда» на парламентских выборах Р. Ганнуши на встрече с представителями салафитских групп указывал, что не нужно открыто требовать внесения положений шариата в подготавливаемый проект новой конституции. Он заявлял, что даже при отсутствии ссылок на шариат ДН будет действовать так, чтобы в реальности законы шариата применялись. Ганнуши требовал также, чтобы исламистские активисты «использовали свое положение нахождения во власти для создания коранических школ, открытия радио- и телеканалов с тем, чтобы распространять свое влияние и консолидировать свои ряды».

В свою очередь, Хамади Джебали, один из лидеров «Движения Нахда», ставший в октябре 2011 г. премьер-министром, провозглашал на митинге своих сторонников, что Тунис переживает «исторический божественный момент цивилизационного поворота к новому государству шестому^{*} халифату».

Однако после целого ряда критических публикаций в тунисских СМИ со стороны светски ориентированных политиков Х. Джебали заявил, что он имел в виду только ценностные ориентиры цивилизационного наследия тунисского народа, который стремится построить «гражданское, демократическое и плюралистическое общество»⁴.

Таким образом, политическая стратегия исламистов использовала «двойной язык» (один для своих сторонников и другой для тех, кто не разделял исламистской идеологии) и строилась на двух уровнях. Первый – обращение к демократии, как пропагандистское прикрытие, и второй – обращение к насилию, как к средству реализации своей программы. При этом Рашид Ганнуши заявлял, что его партии необходимо «поставить под контроль все государственные механизмы, в том числе армию и службу безопасности»⁵.

На практике «Движение Нахда», став правящей партией в «Тройке», активно продвигало своих сторонников на ключевые посты на всех уровнях администрации в центральных органах власти, в губернатах (провинциях) и муниципалитетах. Такое же

^{*} Согласно суннитской исторической традиции, существовало четыре халифата, следовавших за первым, которым считалась мусульманская община Пророка Мухаммеда: Омейядский, Аббасидский, Фатimidский и Османский, упраздненный Мустафой Кемалем Ататюрком 3 марта 1924 г. – Прим. авт.

продвижение исламистов происходило в государственных структурах. А именно: в МИДе (министром иностранных дел стал зять Р. Ганнуши), в большинстве посольств и консульств, в МВД и других силовых ведомствах, в СМИ, включая национальное телевидение и официальный государственный печатный орган *Journal officiel*, а также в ключевых структурах экономики и бизнеса, как, например, в Тунисской электрической и газовой компании. Таким образом, за восемь месяцев после победы на выборах в октябре 2011 г. «Движение Нахда» реализовало около 1200 назначений своих сторонников⁶.

Такая позиция и действия исламистов вызвали разочарование и недовольство политических сил, которые принимали участие в свержении диктаторского режима. Они чувствовали себя оттесненными от реальной власти и принятия решений по дальнейшему развитию страны и видели, что плодами победы над режимом Бен Али воспользовались движения политического ислама.

Успех светских и демократических сил

Наряду с обострением социально-экономических проблем и осложнением ситуации с общественной безопасностью политика исламистских лидеров по усилению роли ислама в общественно-политической жизни вызывала обеспокоенность и протест части населения, которая стремилась сохранить светские ценности. Президент Марзуки, несмотря на свои социал-демократические взгляды, выступал за союз с исламистами, прежде всего с «Движением Нахда». В то же время значительная часть либерально-демократических и левых политических сил была настроена резко оппозиционно к исламизации страны. Такая ситуация, усугубленная ранее не типичными для Туниса проявлениями терроризма (убийство в 2013 г. Шукри Белаида и Мухаммеда Брахими – руководителей леводемократических движений), провоцировала нестабильность и социально-политическую напряженность.

Многие тунисцы обвиняли в организации данных убийств «Движение Нахда» и ее военизованные организации «Национальные лиги в защиту революции», а также радикальную исламистскую группировку «Ансар аш-шариа» («Воины шариата»). Для отпора радикальным исламистам в Тунисе сформировался альянс светских и леводемократических сил. Его представляла возглав-

лявшаяся старейшим общественно-политическим деятелем Беджи Каидом ас-Себси партия «Призыв Туниса» («Нидаа Тунис»).

В начале 2013 г. был создан политический блок «Союз за Тунис», объединивший «Призыв Туниса», «Республиканскую партию», «Демократический и социальный путь» и «Социалистическую партию». Их лидеры обвиняли «Движение Находа» в стремлении завоевать политическую власть и установить в стране свое доминирование.

Сторонники светски ориентированных и демократических сил организовывали демонстрации, нередко переходившие в столкновения с исламистами ДН. Такая ситуация спровоцировала политический кризис в Тунисе в конце 2013 г. Его результатом стала отставка правительства во главе с премьер-министром, представителем «Движения Находа», и назначением нового беспартийного премьер-министра Махди Джамаа, сформировавшего правительство, состоявшее из технократов.

Принятие новой конституции

В январе 2014 г. Национальный учредительный совет (парламент) Туниса (200 голосов из 222) принял новую конституцию, определяемую многими экспертами, как наиболее демократичную в арабском мире. Так, принятая Конституция в своей ст. 2, не подлежащей изменению, определяла Тунис как «гражданское государство». В ст. 21 провозглашалось, что «граждане и гражданки Туниса равны в своих правах и обязанностях перед законом. Государство гарантирует их личные и общественные свободы», ст. 34 гарантировала «представительство женщин в выборных органах», в ст. 46 гарантировалось «равенство возможностей для женщин и мужчин во всех областях». Статья 37 гарантировала «свободу слова, выражения своего мнения, собраний и демонстраций мирного характера», в ст. 35 провозглашалась «свобода создания партий, профсоюзов и организаций, обязанных проводить свою деятельность в соответствии с Конституцией и законом при прозрачности финансовой деятельности и отвержения насилия»⁷.

В то же время ст. 1, также не подлежащая изменению, определяла ислам как «государственную религию и арабский язык как государственный». В ст. 6 подтверждалось, что «государство покровительствует религии, гарантирует свободу вероисповедания и проведения религиозных обрядов, а также свободу совести и

нейтралитет мечетей и религиозных культов по отношению к деятельности политических партий»⁸.

Таким образом, можно констатировать, что политическим силам, стоявшим на светских позициях, удалось отстоять гражданский характер тунисского общества, достигнутый при первом президенте Хабибе Бургибе (1957–1987), продвинуть демократические преобразования и не допустить законодательного оформления исламизации общественно-политической жизни Туниса, к чему стремилось «Движение Нахда» и его союзники.

Сложности утверждения светского выбора

В результате парламентских выборов, прошедших в октябре 2014 г., наибольшее число депутатских мест (86) завоевала светская партия «Призыв Туниса», возглавляемая Беджи Каидом ас-Себси. Второе место (66) заняло «Движение Нахда» во главе с Р. Ганнуши. Блок леводемократических сил «Народный фронт», в котором значительным влиянием пользуется Коммунистическая партия тунисских рабочих (КПТР), возглавляемая ее основателем и видным деятелем левого движения Хаммой Хаммами, получил 15 мест⁹.

По итогам президентских выборов, прошедших в ноябре–декабре 2014 г., Беджи Каид ас-Себси, за которого проголосовали 56% избирателей, был избран президентом Туниса. Экс-президент М. Марзуки сумел завоевать 44% голосов¹⁰. Таким образом, избрав президентом ас-Себси, лидера демократически ориентированной партии «Призыв Туниса», значительная часть граждан Туниса подтвердила свой выбор светского пути для дальнейшего развития страны.

Однако нарастание социально-экономических проблем, разбалансированность государственных структур, в том числе правоохранительных, в результате революционной смены режима и сложного переходного периода, наряду с усилением радикального исламизма, вело к новому обострению ситуации. Так, летом 2015 г. в Тунисе были совершены два масштабных террористических акта. Первый – в столице Туниса, в одном из самых посещаемых иностранными туристами музеев Бардо, второй – в курортном городе Сусс, также популярном среди иностранцев. Среди нескольких десятков погибших было много туристов из Англии, Франции, Бельгии, Германии.

Исполнителями терактов оказались тунисские граждане, связанные с радикальными исламистскими группировками. Президент Туниса был вынужден признать, что страна оказалась не готовой к проявлениям терроризма. Тем не менее руководство ас-Себси приняло необходимые меры по подавлению радикальных исламистов, действовавших в Тунисе. Были арестованы несколько десятков подозреваемых в принадлежности к экстремистским группировкам, закрыты многие мечети, где имамы проповедовали радикальные исламистские взгляды, проведена переаттестация имамов, запрещена деятельность так называемых Национальных лиг в защиту революции, контролировавшихся салафитскими группами. Были усилены также меры безопасности в туристических зонах, к охране которых привлечена армия.

В июле 2015 г. тунисский парламент одобрил Закон по противодействию терроризму, разработанный Министерством обороны и предоставивший больше прав Тунисской армии и правоохранительным органам во время проведения операций по борьбе с терроризмом. Наряду с этим был усилен пограничный контроль, в частности на границах с Ливией и Алжиром. Это было связано с тем, что Ливия после краха режима Каддафи представляла собой распавшееся государство, где усилились радикальные исламистские группировки, часть которых присягнула на верность «Исламскому государству» (ИГ) и распространяла свою экспансию в соседние страны. Так, группировки «Исламская тунисская боевая группа», «Исламский тунисский фронт», «Ансар аш-Шариа», в которых участвовали многие десятки граждан Туниса, а также действовавшая с конца 1990-х годов на территории Алжира «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ) пытались воспользоваться политической нестабильностью, сложившейся после краха режима Бен Али, и перенести свою террористическую активность в Тунис.

Руководство Б.К. ас-Себси восстановило дипломатические отношения Туниса с Сирией, прерванные предыдущим тунисским правительством, в котором доминировало «Движение Нахда». Эта мера предоставляла возможность координировать действия тунисских и сирийских правоохранительных органов по предотвращению проникновения в Тунис тунисских граждан, участвовавших в действиях радикальных исламистских группировок в Сирии. Комплекс мер, принятых летом 2015 г., способствовал стабилизации ситуации в Тунисе.

В то же время светски ориентированные партии продолжали обвинять «Движение Нахда» в причастности к убийству лидеров

леводемократических движений Белаида и Брахими, совершенному в 2013 г. Отражением этого стали демонстрации сторонников «Народного фронта» в июне 2016 г., протестовавших против затягивания, по их мнению, следствия и нежелания властей привлечь к ответственности виновных.

Стратегия и тактика «Движения Нахда»

В ответ на критику и обвинения со стороны леводемократических сил в стремлении к узурпации власти и исламизации общественно-политической жизни лидеры «Движения Нахда» объявили о масштабном реформировании своего движения и демократической эволюции концепций «политического ислама». В этой связи достаточно симптоматичными представляются дебаты внутри «Движения Нахда», которые проходили в ходе работы его X съезда, состоявшегося 20–22 мая 2016 г. в Радесе, пригороде г. Туниса, и продолжавшегося в г. Хаммамете.

Наряду с вопросами, касающимися социально-экономической политики, которым уделялось большое внимание в социально-экономической программе¹¹, представленной на съезде, на нем обсуждалась дальнейшая стратегия партии. Ставился вопрос возможного кардинального изменения доктринальных концепций и внутренней структуры партии. Руководитель ДН Р. Ганнуши определил эти изменения как необходимость для партии «выйти из политического ислама для того, чтобы войти в эру мусульманской демократии, сравнимой с христианской демократией в Европе»¹². Ганнуши заявил также, что «политическому исламу нет больше оправдания в Тунисе. Мы подтверждаем, что “Движение Нахда” является политической, демократической, гражданской и тунисифицированной партией, которая привержена мусульманским цивилизационным и современным ценностям»¹³.

В плане структурных изменений в партии предполагалось разделить политическую и религиозную составляющие. С этой целью религиозные подразделения должны были выводиться из партийной структуры и объединяться в сеть ассоциаций, связанных с партией только идеологически. Однако необходимо подчеркнуть, что эти вопросы поднимались в партии еще на ее съезде в 2012 г. Тогда ввиду различных позиций было решено отложить дебаты на следующий съезд в 2014 г., на котором также не было достигнуто консенсуса.

Различные мнения звучали и накануне X съезда в 2016 г. Причем большая часть первичных организаций партии была настроена достаточно настороженно по отношению к данным изменениям и высказывала в связи с этим свои опасения. Так, Валид Беннани, депутат-нахдист, утверждал, что выделенные из партии религиозные ассоциации, лишенные партийной поддержки, могут стать жертвами кампаний по их дискредитации, проводимой противниками «Нахды», поэтому вопрос разделения политической и религиозной деятельности партии должен стать объектом глубокой проработки и общего согласия.

Тем не менее сам факт постановки вопроса о возможной эволюции «Движения Нахда» и ее превращения из исламистской в политическую партию, воспринявшую демократические принципы, наряду с поддержкой нахдистами новой демократической конституции, их вхождения в коалиционное правительство, возглавляемое лидером «Призыва Туниса» Б.К. ас-Себси, который присутствовал на открытии X съезда нахдистов, а также их примирительные заявления о необходимости «национального согласия» в адрес своих оппонентов из леводемократических партий, явились важным событием в политической практике «Движения Нахда».

При этом реакция тунисского общества и политического истеблишмента на возможность демократической эволюции «Движения Нахда» была достаточно сдержанной. Так, Алайа Аланни, известный тунисский историк, эксперт по исламистским движениям, профессор университета в г. Мануба, полагал, что действия нахдистов и их заявления, скорее всего, являются подготовкой к новой попытке прийти к власти и получить для этого максимум поддержки в обществе и политическом истеблишмента, а разделение между политическими и религиозными функциями «Движения Нахда» представляет собой чисто техническую меру, а не изменение идеологии.

В свою очередь, Азиз Кришнен, политический советник экс-президента Туниса М. Марзуки, анализируя данные действия нахдистов, считал, что ислам остается идентификационной матрицей тех, кто его исповедует. Поэтому если «Движение Нахда» пойдет до конца по пути эволюции, оно совершил самоубийство. В случае если ДН не будет ничего предпринимать, оно также обречено на крах, ибо органически не способно решить свои фундаментальные проблемы. Поэтому нахдисты, по мнению А. Кришнена, маневрируют, и их новый дискурс является не действительным

обновлением, а лакировкой фасада их партии, вызванной изменившейся конъюнктурой.

Эволюция возможна?

Вопрос о возможности эволюции исламистских движений, и в частности «Движения Нахда», представляется достаточно важным, поскольку от того, в каком направлении будет развиваться возможная эволюция, во многом зависит дальнейшее развитие политических процессов как в арабо-мусульманском мире, так и в глобальной политике в целом.

В этом отношении имелся ряд концепций. Так, исследователь из США Моника Маркс¹⁴ полагала, что «Движение Нахда» «стремилось переплавить свой исламизм. Компромиссная позиция ДН, способствовавшая его мирному переходу в начале 2015 г. в новую правительственную коалицию, возглавлявшуюся “Призывом Туниса”, означала, что нахдисты смягчили свой исламистский дискурс. Они не стали безрассудно продвигать экспансионистский набор идеологических и политических целей, предпочитая играть в оборонительную политику, осторожно зондируя обстановку перед тем, как двинуться вперед»¹⁵.

Возможному, по мнению Моники Маркс, переосмыслению нахдистами своих доктринальных концепций способствовал учет ими их собственного позитивного и негативного опыта пребывания у власти в 2011–2014 гг. В равной степени «Движение Нахда» сделало выводы из уроков их взаимоотношений с режимом Бен Али. Наряду с этим особенно значительное влияние на такое переосмысление оказали внешние факторы, а именно: усиление радикального исламизма в лице группировки ИГ на части территорий Сирии и Ирака в 2014 г. и отстранение армией от власти в Египте в 2013 г. ставленника «Братьев-мусульман» Мухаммеда Мурси, а также аналогичный опыт подавления Алжирской армией исламистского движения «Исламский фронт спасения» (ИФС) в Алжире в начале 1990-х годов.

Отечественный востоковед-арабист В.А. Кузнецов, анализировавший работу Моники Маркс, справедливо отмечал, что «придется не согласиться в полной мере с выводом М. Маркс об эволюции “Движения Нахда”. Пока речь может идти лишь об изменении политической тактики партии и об использовании богатого потенциала политической маневренности, изначально присущего тунисским исламистам»¹⁶.

В свою очередь, видный отечественный исследователь Туниса М.Ф. Видясова определяла умеренный исламизм и, в частности, «Движение Нахда» как «двуликий Янус», имея в виду двойной язык исламистов, скрывавший их подлинные цели, и приводя высказывания тунисских интеллектуалов, называвших исламистов «многоголовой гидрой и видевших в них угрозу республиканским и светским ценностям тунисского общества»¹⁷.

Мезри Хаддад, известный тунисский журналист, доктор политических и философских наук, преподаватель Сорбонны, посол Туниса при ЮНЕСКО, предостерегал «тунисцев и особенно тунисскую молодежь от того, чтобы, свергнув диктатора Бен Али, не оказаться под властью режима “исламской демократии”». По мнению М. Хаддада, «существует некий альянс между Западом и исламистскими движениями, которые с оружием в руках поднимают революции, финансируемые Жоржем Соросом и направляемые Мак-Кейном (сенатор США. – Б.Д.), которые используются Западом для достижения его неоколониалистских целей в отношении мусульманского мира, в том числе в Тунисе»¹⁸.

Наряду с такой негативной и критической оценкой действий и возможности эволюции исламистов и, в частности, «Движения Нахда» Монсеф Марзуки, руководитель партии «Конгресс за республику», участвовавший в коалиции с нахдистами в руководстве упоминавшейся выше «Тройки», утверждал, что «исламизм не является монолитным блоком, существуют его различные направления, которые находятся в постоянной эволюции»¹⁹. Марзуки заявлял также, что под руководством Рашида Ганнуши, с которым он неоднократно встречался во время пребывания в эмиграции в Европе, многие члены «Нахды» начали воспринимать идеи демократии и Всеобщей декларации прав человека. При этом сам Ганнуши во многих своих работах, как считал М. Марзуки, показывал, что ислам не враждебен демократии, напротив, они могут идти в ногу. Современность и Коран, ислам и демократия не являются антагонистами.

В связи с этим при анализе деятельности исламистских партий, в том числе «Движения Нахда», так же, как алжирского «Исламского фронта спасения», необходимо учитывать такой немаловажный фактор, как убежденность, по крайней мере, части их руководства, идеологов и рядовых членов в том, что их партия не является только одной из многих политических партий, но выполняет высшую волю Аллаха. Так, например, лидеры ИФС заявляли, что их высшими духовными предводителями являются Аллах

и Пророк Мухаммед, и они «выполняют священную миссию по построению исламского государства»²⁰.

Аналогичный тезис звучал также в вышеприведенных выступлениях руководителей «Движения Нахда» по поводу «божественного момента освобождения Туниса» и создания «шестого халифата». Еще одним аспектом, отличающим исламистские партии и объясняющим до определенной степени их «двойной язык», является возможное использование такого догмата в исламе, как *такия* (предосторожность, араб. яз.), допускающего «маскировку религиозных или политических убеждений» в «интересах братьев по вере (*хукук аль-ихван*)»²¹. Хотя этот догмат исторически использовался, в основном, шиитскими общинами, суннизм также допускал такую практику. Однако каких-то документальных подтверждений использования догмата «такия» исламистскими движениями, в частности нахдистами, не имеется. Тем не менее учитывать такую возможность необходимо.

В то же время в исламистском движении, как уже отмечалось выше, имеются как радикальные, так и умеренные, более pragматичные, течения, которые способны на изменение в достаточной степени своих доктринальных установок в плане их сближения с общедемократическими принципами. Вопрос заключается в том, насколько способны эти течения и их лидеры занять главенствующие позиции в исламистской партии и противостоять давлению радикалов. Такая ситуация наблюдалась в «Движении Нахда», когда член его руководства Абдель Фаттах Муру, возглавлявший умеренное его крыло, осудив террористический акт радикальных исламистов, совершенный против бюро правящей партии «Демократическое конституционное объединение» (ДКО) в 1991 г., и приостановив свое членство в «Нахде», был готов идти на диалог с властями и создать свою более умеренную партию²².

Рассматривая гипотетическую возможность эволюции исламистского движения, восприятия его лидерами демократических принципов и переосмыслиния ими идеологических концепций и доктрины «исламского государства», теоретически это можно допустить. Тем более что Рашид Ганнуши в своих предыдущих выступлениях подчеркивал возможность «движения обновления в исламе» (*харакат ат-таджид фи ль-ислам*) на основе принципов самого ислама и подтверждал, что «Всевышний посыпает каждые сто лет обновление для мусульманской уммы и ее религии.

Вечность ислама и мусульманской уммы определяются двумя факторами. Первый состоит в том, что в основе этой религии заложены возможность к изменениям и гармония с человеческой природой, а также способность удовлетворять нужды человеческого общества, какого бы уровня развития оно не достигло. Второе то, что Всеышний наградил мусульманскую умму, послав ей мудрых сострадающих мужей, которые взяли на себя задачу очистить религию от шелухи привнесенного и порочного и преподать решения проблем современности в свете принципов ислама»²³.

Однако, исходя из выше приведенных факторов, в практическом плане радикальная эволюция идеологии «Движения Нахда», предполагающая изменение ее основных принципов, базирующихся на исламской доктрине, на данном этапе маловероятна. Скорее всего, речь может идти о тактических уступках и компромиссах, продиктованных конкретной внутренней и внешней политической конъюнктурой, что демонстрирует политическая линия «Движение Нахда», и смягчение его исламистской риторики после потери им позиции правящей партии в результате прихода в руководство страны партии «Призыв Туниса», возглавляемой Беджи Каидом ас-Себси.

Тем не менее «Движение Нахда» имеет немало сторонников, что показали результаты парламентских выборов 2014 г., на которых нахдисты заняли 2-е место по числу полученных ими депутатских мест. Это подтверждает, что значительная часть тунисских граждан считает сохранение исламских ценностей и исламской идентификации необходимым условием дальнейшего развития тунисского общества.

Тунис в 2016 году

Социально-политическую ситуацию в Тунисе осложняют достаточно серьезные проблемы. Таковыми остаются рецессия экономики и, соответственно, увеличивающаяся безработица. Особенно в связи с резким сокращением иностранного туризма и закрытием ввиду сложного финансового положения ряда предприятий фосфатной индустрии. Между тем эти две отрасли являются одними из основных для пополнения тунисского бюджета. Продолжавшийся социально-экономический кризис привел к отставке в июле 2016 г. правительства, которому выразило недоверие большинство тунисского парламента.

Назначенный указом президента премьер-министром Юсеф Шахид, представитель правящей партии «Призыв Туниса», занимавший ранее министерские посты, сформировал в августе 2016 г. новое правительство. Тем не менее руководители таких ключевых министерств, как МВД, МИД и МО, сохранили свои посты. В то же время представители «Движения Нахда» получили два дополнительных министерских портфеля.

Перед руководством Туниса стоит сложная задача. Во-первых, разрешить или, по крайней мере, минимизировать ситуацию социально-экономического кризиса в стране. От этого во многом зависит поддержка большинством населения, в особенности молодежью, правительственного курса. В противном случае электоральные симпатии тунисских граждан вновь может привлечь «Движение Нахда», предлагающее реформированный вариант своей идеологии.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что демократические преобразования, совершенные в Тунисе, сами по себе не могут решить проблемы, связанные с рецессией экономики, безработицей и коррупцией, против которых в первую очередь был направлен социальный протест 2011 г. Для их решения необходимы профессиональные действия властей. Во-вторых, необходимо вести борьбу по подавлению радикального исламизма и его террористической активности.

При этом важно учитывать, что значительная часть тунисских граждан продолжает поддерживать «Движение Нахда», которое является второй по влиянию политической силой в стране. Поэтому в борьбе против исламистского терроризма необходимо соблюсти тонкую грань между мерами по подавлению экстремистских элементов и соблюдению демократических норм по отношению к легально действующим организациям исламской направленности.

Примечания

¹ Рашид аль-Ганнуши родился в 1942 г. в районе оазиса Эль-Хамма на юге Туниса в многодетной небогатой семье. Закончив школу в г. Эль-Хамма, изучал философию в Дамасском университете. Затем уехал на заработки во Францию, где продолжил обучение в университете Сорбонны. Вернувшись в Тунис, он с 1970-х годов участвовал в исламистском движении, став одним из его идеологов и лидеров. Ганнуши являлся основателем «Движения исламской направленности», переименованном позже в партию «Нахда» (Возрождение). Разделяя концепции «Братьев-мусульман», Ганнуши выступал против

отделения церкви от государства и поддерживал лозунг создания «Исламского государства» с помощью движений политического ислама и даже джихада. Ганнуши, находясь со своими сторонниками в Алжире в 1990 г. в период массовых антиправительственных выступлений алжирского «Исламского фронта спасения» (ИФС), активно поддерживал его действия и участвовал в совещаниях руководства ИФС. В Тунисе Ганнуши подвергался судебным преследованиям, в том числе по обвинению в попытке госпереворота, за что отбывал тюремное заключение (1981–1984; 1987–1988). В 1993 г. Ганнуши, находясь в эмиграции в Англии и получив здесь политическое убежище, продолжал пропаганду исламистских идей. Участвовал в ежегодных форумах «Встречи мусульман», организуемых французскими мусульманскими деятелями во Франции. В 2005 г. был избран представителем «Братьев-мусульман» в Европе, являлся также членом Европейского совета по фетвам и исламским исследованиям. В 2011 г. после крушения режима Бен Али Ганнуши вернулся в Тунис и воссоздал исламистскую партию «Нахда», получившую позднее название «Движение Нахда». См.: Долгов Б.В. Феномен «арабской весны». 2011–2016. Причины, развитие, перспективы. – М.: ИВ РАН, ЛЕНАНД, 2016; *Bernard Godard, Sylvie Taussig. Les musulmans en France*. Editions Robert Laffont. – Р., 2007.

Беседа с Абдаллой Ахмедом. 30.10.2015. Тунис. Архив автора.

² Монсеф Марзуки (р. 1945) воспитывался в семье глубоко верующих мусульман. В возрасте пяти лет поступил в кораническую школу, где, по его воспоминаниям, по Корану учился читать и писать. Его брат был членом партии «Нахда», а сам М. Марзуки увлекался чтением суфийских поэтов и философов, в частности Ибн Араби и Аль-Халладжа, и считал себя в большей степени мусульманином суфием. См.: *Moncef Marzouki. L'invention d'une democratie*. – Editions la decouverte, Paris, 2013. – Р. 82.

³ На парламентских выборах в Тунисе. – http://www.bbc.com/russian/international/2011/10/111027_tunisia_elections_results.shtml; Ghannouchi declared <http://www.youtube.com/watch?v=Qu2TXVzQXQ4>; Martine Gozlan. Le future Premier-ministre appelle. – http://www.marianne.net/martinegozlan/Tunisie-Le-futurPremier-ministre-appelle-au-sixieme-califat-Inch-Allah_a24.html

⁴ Цит. по: *Lotfi Maktouf. Sauver la Tunisie*. Fayard. – Р., 2013. – Р. 103.

⁵ Ghannouchi declared...

⁶ Tunisie: Nomination au ministere de l'interieur // Echourouk, 23 juillet 2012, p. 8. – <http://www.tunisiefocus.com/politique/rafale-de-nomination-au-ministere-del'interieur 38246/>

Беджи Каид ас-Себси родился в 1926 г. в г. Сиди-БуСаид на севере Туниса в семье крупного государственного чиновника в администрации бея (правителя Туниса, находившегося в тот период под протекторатом Франции), обладавшего значительными земельными владениями. Получил высшее юридическое образование во Франции и по возвращении в Тунис был включен в 1952 г. в Тунисскую коллегию адвокатов. Будучи адвокатом, участвовал в целом ряде судебных процессов, где защищал активистов партии «Новый Дустур», руководимой Хабибом Бургибой. После завоевания Тунисом независимости в 1956 г. Б.К. ас-Себси занимал ряд ответственных постов в правительстве Хабиба Бургибы. В 1957–1965 гг. гене-

ральный директор Департамента сыскной полиции, в 1965–1969 гг. министр внутренних дел, в 1969–1970 гг. министр обороны, в 1981–1986 гг. министр иностранных дел, в 1987–1990 гг. посол Туниса в ФРГ, в 1990–1991 гг. спикер Палаты представителей (однопалатного парламента Туниса). В 1991–1994 гг. депутат парламента, с 1994 г. возобновил свою адвокатскую деятельность. После свержения режима Бен Али Беджи Каид ас-Себси после отставки премьер-министра Мухаммеда Ганнуши был назначен на пост премьер-министра, который занимал до новых парламентских и президентских выборов в октябре 2011 г. Объединив вокруг себя своих сторонников, в том числе бывших министров его правительства в июне 2012 г., ас-Себси инициировал создание партии «Призыв Туниса», которую возглавил, став ее председателем. См.: Создание партии «Призыв Туниса» (на араб. яз.). – nidaa-tounes.org/elections/wp-content/uploads/2014/10/pdf

⁷ Конституция Тунисской Республики (на араб. яз.). – <http://e.mail.ru/message/1472562447000000819> (электронная версия, предоставленная автору посольством Туниса в Москве).

⁸ Там же.

⁹ Les resultats des legislatifs. – <http://www.gnet.tn/tempsfort/tunisie-resultats-definitifs-des-legislatifs-et-liste-desdeputes/325.html>

¹⁰ M. Caid a obtenu. – http://www.lemonde.fr/tunisie/article/2014/12/12/les-deux-camps-revendent-le-victoire-tunisie_4544506_1466522.html

¹¹ Программа «Движения Нахда» представляла собой достаточно объемный документ на 32 страницах, предлагавший социально-экономическую стратегию партии по развитию Туниса на период до 2030 г. Состояла из введения и пяти глав: 1) особенности современной социально-экономической ситуации; 2) стратегический выбор и его направления; 3) приоритеты развития; 4) направления социально-экономической политики; 5) план экономического строительства на переходный период. В программе подтверждалось, что тунисское общество находится в сложной социально-экономической ситуации. В качестве основного направления экономического развития на ближайшую перспективу определялась экономика социального рынка, основанная на принципах, с одной стороны, экономической свободы, предпринимательской деятельности, права собственности и, с другой стороны, социальной справедливости и равных возможностей для всех граждан. Роль государства определялась в создании условий для взаимодействия и сотрудничества между частным сектором и кооперативным, в том числе посредством фондов вакфа и закята. Предполагалось открытие новых перспектив для национальной экономики, таких как источники исламского финансирования. В качестве одного из приоритетов развития ставилась борьба с коррупцией и формирование дееспособного и ответственного правительства. См.: Движение Нахда. Бюро исследований и планирования. X съезд Движения Нахда. Социально-экономическая программа (на араб. яз.). – <http://www.ennahda-economie2016pdf.pdf>

¹² Цит. по: Frederic Bobin. La Tunisie s'interroge sur la mue du parti islamiste Ennahda // Le Monde. 22.05.2016. – <http://www.lemonde.fr/afrique/article/2016/>

- 05/21/latunisiesceptique-sur-la-mue-du-parti-islamiste-ennahda_4923831_3212.html#4ibv9yC3zUQp9BFJ.99
- ¹³ Цит. по: *Laurent Ribadeau*. Congres d'Ennahda en Tunisie: La fin de l'islam politique? – <http://www.geopolis.francetvinfo.fr/congres-d-ennahda-en-tunisie-la-fin-delislampolitique-106825>
- ¹⁴ Работа Моники Маркса, опубликованная в 2015 г., посвящена возможной эволюции «Движения Нахда». Является одной из целой серии работ, осуществляемых Институтом Брукингса в США в рамках его проекта «Переосмысление политического ислама» (*Rethinking Political Islam*). Проект предполагает сравнительный анализ развития движений политического ислама в 12 ключевых странах арабо-мусульманского мира Египте, Тунисе, Марокко, Кувейте, Саудовской Аравии, Йемене, Сирии, Иордании, Ливии, Пакистане, Малайзии и Индонезии (прим. авт.).
- ¹⁵ Project on U.S. Relations with the Islamic World at BROOKINGS. Rethinking Political Islam Series. August 2015. Tunisia's Ennahda: Rethinking Islamism in the context of ISIS and the Egyptian coup. Working Paper. Monica Marks. – http://www.brookings.edu/~/media/Research/Files/Reports/2015/07/rethinking-political-islam/Tunisia_Marks-FINALE.pdf?la=en
- ¹⁶ Кузнецов В.А. Переосмысливая переосмысление // Российский совет по международным делам. Ближний восток. Аналитика. 09.10.2015. – http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=6677#top-content
- ¹⁷ Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Двуликий Янус умеренного исламизма. Послереволюционная политическая борьба в Тунисе и Египте. – М., 2013. – С. 13–14.
- ¹⁸ *Mezri Haddad*. La face cachee de la revolution tunisienne. Editions Apopsis. – Р., 2011. – Р. 407–408.
- ¹⁹ *Moncef Marzouki*. Op. cit. – Р. 78.
- ²⁰ Журнал «Аль-Мункыз». – Алжир, 1989. – № 22. – С. 6.
- ²¹ Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, гл. редакция восточной литературы. 1991. – С. 221.
- ²² *Hamdi Elhachmi M.* The Politicisation of Islam. A Case Study of Tunisia. Boulder (Col.)-Oxford (UK): Westview Press, 1998. Р. 72.
- ²³ *Рашид аль-Ганнуши*. Исламское движение и обновление. Издательство Дар аль-фикр. – Хартум, 1984. – С. 12 (на араб. яз.).

«Азия и Африка сегодня»,
М., 2017 г., № 3, с. 9–16.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

П. Поломошнов,

доцент кафедры философии и культурологии
Ростовского государственного
экономического университета,
кандидат философских наук

А. Поломошнов,

заведующий кафедрой философии
и истории Отечества Донского государственного
аграрного университета, профессор,
доктор философских наук

ИСЛАМСКАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВЕРСИИ РЕЛИГИОЗНОГО ГУМАНИЗМА

Аннотация. Статья посвящена компаративистскому анализу исламской и христианской антропологии. Целью сравнительного анализа исламской и христианской антропологии является не акцентуация их сходства или различия, а уточнение их индивидуального социокультурного своеобразия. Методология статьи основана на объективном научном отношении к исламу и христианству как к духовным, социокультурным феноменам и реконструкции специфики исламской и христианской антропологий в контексте их цивилизационной основы. Авторы рассматривают следующие структурные компоненты исламской и христианской антропологий: 1) концепция Бога, 2) природа человека, 3) отношения Бога и человека, или статус человека, 4) смысл жизни человека, служение Богу (регламентация поведения человека).

В статье доказывается, что обе антропологии гуманистичны и совместимы с общероссийской социокультурной идентичностью, они образуют ее разные компоненты. Это создает основу для конструктивного межконфессионального диалога и сотрудничества, направленного на утверждение в российском обществе подлинного гуманизма и адаптацию гуманизма традиционных религий к современной реальности.

Ключевые слова: человек, гуманизм, ислам, христианство, смысл жизни.

В современном научном и публицистическом дискурсе одно из важных мест занимает тема гуманизма. Фактический кризис классического гуманизма, истоки которого в античности и европейском Возрождении и Просвещении, ставит научную мысль перед проблемой осмыслиения его истоков, содержания и судьбы гуманистической идеологии в современном мире. Трансформируется ли гуманизм в новые формы, соответствующие современным социокультурным реалиям? Какова сущность этой трансформации? Современное общество, находящееся в глобальном, экономическом, политическом, социальном и духовном кризисе, остро нуждается в новых, прогрессивных гуманистических идеалах. Чем острее этот кризис, тем выше потребность в таких идеалах, как ориентирах, указывающих направление и цели социального развития.

В связи с этим невозможно обойти стороной вопрос о значении для формирования современного гуманизма традиционных мировых религий. Востребован ли сегодня нравственный, духовный потенциал ислама и христианства как средство преодоления духовного кризиса, глобального кризиса ценностей, поразившего современное западное общество, но в еще большей степени и российское общество?

Поскольку в России христианство и ислам являются ведущими религиозными конфессиями, то, очевидно, невозможно игнорировать значение их ценностей и идеалов при анализе кризиса духовности, а особенно путей преодоления кризиса духовности и гуманизма в современном российском обществе. В этом свете актуализируется проблема соотношения исламской и христианской антропологий как форм религиозного гуманизма.

Концептуально-методологические основания сравнительного анализа исламской и христианской антропологий

Сравнительный анализ гуманистического потенциала ислама и христианства предполагает уточнение концептуально-миро-воздренческих оснований такого сравнения. Теоретически возможны три основные мировоззренческие позиции, на основе которых сопоставляются ислам и христианство. Первая позиция –

ортодоскальный исламизм, который превращает сравнительный анализ в критику христианства с позиций ислама и обоснование превосходства исламского учения о человеке над христианским.

Вторая возможная позиция – ортодоскальное христианство, которое, напротив, превращает сравнение ислама и христианства в критику первого и превознесение второго. Так, например, священник Георгий Максимов, проведя поверхностное, очевидно некорректное и неполное сопоставление ислама и христианства, делает столь же резкий, сколько и ошибочный вывод: «Христианство – религия сильных людей, тогда как ислам – это религия для слабых и хилых. Христианство – для свободных, ислам – для рабов. Мы говорим здесь о самой важной для человека свободе – свободе от греха и собственных страстей, от которых не в силах освободить своих последователей мусульманская вера... Согласно христианскому учению, человек создан сильным и призван быть сильным. То, что на протяжении двух тысячелетий Церковь не снизила столь высокую планку своего нравственного идеала, свидетельствует о том, что он в ней – реально достижим» [5]. В смягченном виде первая и вторая позиции допускают, что их сторонники признают за другой религией определенные положительные моменты, но в целом отдают приоритет, безусловно, своей религии.

Третья возможная позиция характерна для атеистов, которые критически относятся к любой религии. Поэтому сравнение ислама и христианства превращается в критику обеих религий.

С какой же позиции возможно конструктивное сравнение исламской и христианской антропологий, позволяющее избежать очевидной мировоззренческой предвзятости и вытекающей отсюда некорректности? Нам кажется, что единственной конструктивной мировоззренческой позицией при проведении данного сравнения может быть не религиозная предвзятость (неважно, какого конфессионального оттенка) и не атеизм, а объективно научное отношение к исламу и христианству как к духовным, социокультурным феноменам, прошедшим тысячелетнюю проверку историей, как к духовным системам, играющим исключительно важную роль в жизни современного российского общества.

Уточняя концептуальные основания нашего сравнительного анализа, важно определиться с приоритетностью опорных источников. Очевидно, что наиболее разумна такая последовательность: 1) священные тексты (как главные источники); 2) богословские исследования и комментарии к священным текстам; 3) научные

исследования. Важно рассматривать данные источники в конкретном социокультурном контексте, в котором они функционируют.

Отметим, что священные книги ислама и христианства имеют древнюю историю и допускают различные толкования в самых разных контекстах. Причем историческое развитие породивших эти священные книги цивилизаций неизбежно сопровождалось адаптацией богословских интерпретаций оригинальных текстов к меняющейся социокультурной реальности. Поэтому, анализируя священные книги как основной первоисточник, невозможно и некорректно игнорировать конкретные исторические социокультурные коннотации, формирующиеся в конкретных исторических условиях.

Уточняя далее концептуальные основания сравнения исламской и христианской антропологий, необходимо выявить ключевые структурные элементы этих учений в качестве пунктов сравнительного анализа. На наш взгляд, ключевыми компонентами религиозной антропологии являются следующие: концепция Бога; природа человека; отношения Бога и человека, или статус человека; смысл жизни человека как служение Богу (регламентация поведения человека), свобода и божественная воля, грех и спасение души. В данной статье, в силу ограниченности объема, мы рассмотрим первые четыре пункта.

В контексте нашего подхода главной целью сравнительного анализа исламской и христианской антропологий является не акцентуация их сходства или различия, а уточнение их индивидуального социокультурного своеобразия. Тем самым создаются предпосылки для установления реальных границ и условий возможного межконфессионального диалога и консенсуса ислама и христианства по проблеме религиозного гуманизма в современном российском обществе.

Рассматривая христианскую антропологию, мы будем вести речь о ее православной версии. Прежде чем рассматривать сходство и различие исламской и христианской антропологий по конкретным выделенным нами критериям, отметим различия этих учений. Редкозубов А.Д. полагает, что «православие является религией ортодоксальной (в отличие от ислама – религии ортопрактической)» [10]. Действительно, в православии основное внимание уделяется правильной вере, а применительно к проблеме человека – правильному пониманию сущности человека. В исламе акцент смешен на правильное действие, поведение. «Говоря о коранической антропологии, следует иметь в виду, что речь идет не

о каком-то систематическом учении о человеке. Такого учения в Коране нет, и это естественно, поскольку мы имеем дело с книгой религиозно-законодательной, а не философской или богословской. Ее цель – ответить не на вопрос, что есть человек, а на вопрос, что должен и чего не должен делать человек, что есть для него добро и что есть зло, какова его цель в этой жизни» [3].

Концепция Бога и природа человека

Исходным пунктом любой религиозной антропологии является понимание Бога. Лишь исходя из него, определяется понимание человека и его отношений с Богом. Общим для ислама и православия является монотеизм. «Ислам, наряду с иудаизмом и христианством, религия теистическая, т.е. исходящая из понимания Абсолюта как бесконечного личностного начала, трансцендентного миру; сотворившего мир в свободном акте воли и затем свободно им распоряжающегося. Проще говоря, религия, исповедующая веру в единого Бога, творца и промыслителя» [3].

Но далее следуют принципиальные различия. В исламе Бог действительно один и един, а в православии он есть Троица, триединая сущность: Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух. «Ислам принципиально расходится с христианством в понимании природы Бога. Ислам не приемлет христианского понимания Бога как триединства, Троицы, считая это уступкой многобожию, и утверждает веру в единого и единственного Бога, Бога монолита (самад)» [3].

В исламе Бог принципиально не антропоморфен, он не подобен человеку или тварному существу. «Всевышний Аллах не похож ни на одно из Своих творений, и ничто из сотворенного Им не похоже на Него. Уподоблять Бога чему-либо есть неверие... Аллах один, и нет для Него сотоварищ. Ни в сущности (зат) Аллаха, ни в качествах (сыфатах), ни в действиях нет ничего и никого подобного Ему...» [13]. Казалось бы, имеющее важное значение в исламе описание атрибутов, свойств Аллаха противоречит этому принципу. «Самыми значительными именами (атрибутами) Аллаха считаются такие, как Всемогущий, Вездесущий и Всеведущий, Единый, Премудрый и Благой, Жизнедатель, Отвергающий нечестие, Дарующий познание истины, Сокрытый и Явленный, Проповедующий, Близкий, Первый и Последний» [2]. Однако, по разъяснениям исламских богословов, некоторые атрибуты Аллаха, по наименованию совпадающие со свойствами человека, принци-

пиально отличаются от этих человеческих свойств. «Такие качества людей, как жизнь, речь, видение, знание, вовсе не соответствуют одноименным качествам Всевышнего Аллаха» [13].

В православии ключевую роль играет догмат богочеловечества, т.е. фактически «человекоподобия Бога». «В христианстве в основе понимания Бога лежит представление о нем как о совершенной сверхличности. Фактически Бог христианства – это персонифицированный дух. В догмате о богочеловеческой сущности Христа, догмате о триединстве Бога утверждается принципиальный антропоморфизм Бога. Христианский Бог человекен по своей природе и являет себя человеку в прямом общении как личность»¹.

Наконец, третье отличие в понимании Бога в исламе и в христианстве связано с богопознанием. В исламе Бог, поскольку он неподобен чему-либо тварному, в том числе и человеку, является принципиально непознаваемым, точнее, не представляемым в какой-либо чувственной, образной форме. «Кто бы из людей ни попытался представить себе образ Всевышнего Аллаха, представленное им будет далеко от истины. Осознание того, что мы не сможем познать Аллаха целиком и полностью, и является познанием Еgo» [13]. В православии же, напротив, Бог не только человекен, но и познаем для человека. Более того, познание Бога, прямое мистическое общение с ним составляет одну из главных задач истинного христианина.

Из различий в понимании Бога между православием и исламом вытекает различие в понимании природы, т.е. сущности и происхождения человека. Единственным общим тезисом для обеих религий является тезис о сотворении человека Богом. Принципиальным положением христианства в понимании природы человека является то, что человек сотворен по образу и подобию Бога. «Образ Божий – это отражение Бога в человеке, следовательно, это не часть человеческой природы, а метафизическая категория, имеющая онтологическое основание в Боге. Это высочайший Божественный дар, проявляющийся в наличии у человека божественных свойств: личностный Бог обусловливает личностное начало в человеке, Бог является Творцом – и человек также обладает творческими способностями, Бог есть абсолютный разум – и чело-

¹ Подробнее см.: Поломошнов П.А. Проблема личности в исламе // Исламоведение. – 2015. – № 4. – С. 82.

век – существо разумное, Бог вечен – отражением вечности в человеке является бессмертие его души» [12].

Богоподобие человека в христианстве делает его религией персонификации. Поэтому здесь существует не абстрактный человек вообще, а каждый отдельный человек, личность, причем онтологически укорененная в Боге. «В каждом человеке Бог отражается неповторимым образом, и это уникальное проявление образа Божиего или Божественных дарований есть личность. Таким образом, православная антропология утверждает, что человек является личностью именно по причине своей богообразности. И именно по этой причине личность не является частью природы человека... Согласно антропологической концепции православия, человек как образ Божий есть, прежде всего, личность, имеющая онтологическое основание в Боге» [12].

В православном богословии тезис о личностной природе Бога и вытекающей отсюда личностной природе человека играет ключевую роль. «Личность есть несводимая к природе, свободная, открытая, творческая, уникальная, целостная в смысле как неделимости, так и нерушимой идентичности, непознаваемая аналитическими объективирующими методами онтологическая основа человека, определяющая образ бытия его индивидуализированной природы и актуализирующая себя в общении, обусловленном личностными отношениями» [14].

В отличие от христианства, в исламе проблема природы человека интерпретируется на основе противоположных принципов. Человек, будучи творением Аллаха, никоим образом не подобен ему и не носит в себе, даже в зародыше, качества, присущих Богу. Все человеческие качества, в том числе такие, которые отличают человека от других творений Аллаха (разум, воля и другие), не укоренены онтологически в Боге. Человек не причастен к природе Бога. «Согласно тому, насколько Всевышний Аллах наделил Свое творение, каждый человек обладает силой, волей, знаниями, речью, слухом и зрением. Однако истинными они являются только во Всевышнем Аллахе, а в Его творениях они относительны и преходящи, то есть не вечны» [13].

Человек как тварное существо не имеет вообще самостоятельной онтологической основы в свете концепции перманентного творения мира Аллахом. «Бог не просто поддерживает мир, свободно им распоряжается, но именно ежемгновенно творит его, творит вновь и вновь, так что в каждое последующее мгновение любая вещь, любое существо, каждый человек суть иная, иное,

иной. Тварный мир не обладает даже относительным онтологическим статусом. Не через промысел только, а через само permanentное творение он зависим от Бога. Между действием и его последствиями Бог устанавливает лишь связь привычки, обычности, но Он волен в любой момент нарушить эту связь, все изменить. Таким образом, тварный мир не обладает даже относительным онтологическим статусом. Равно как и действия человека не имеют никакой внутренней онтологической реальности» [3].

Личностное начало природы человека не имеет божественной онтологической основы. Поэтому проблематика личности не находится в центре внимания исламской антропологии. «Анализируя догматическую парадигму ислама, необходимо отметить, что здесь, в отличие от православия, нет глубокой концептуальной разработки понятия “личность”» [12]. Однако это не означает того, что проблема индивидуальности в исламе вообще не ставится. Высшая индивидуальность присуща только Аллаху. «“Я” есть дух, душа, простая ментальная установка, но по сути, бытийно, “я” не существует, поскольку истинное “я”, единственная подлинно реальная личность в бытии – только Аллах» [2].

Индивидуальность каждого отдельного человека, с одной стороны, постоянно творится Аллахом, поскольку существование не только человека, но и всего тварного мира является актом воли Аллаха, с другой стороны, формируется усилиями самого человека, направленными на соответствие предзаданным Богом стандартам поведения и предустановленной Богом человеку миссии. Не случайно описание образа совершенного человека (мусульманина) играет важную роль в антропологии ислама.

В современном исламском богословии наметились процессы усиления внимания к проблеме личности, в русле которых традиционное учение о человеке несколько модернизируется в направлении персонификации трактовки природы человека. К. Ермишина утверждает, что «основная проблема современной исламской антропологии – разработка понятия личности. В исламе отсутствует идея о творении человека по образу и подобию Бога, поэтому обоснование уникальности человеческого существа утверждается с иных позиций, чем в христианстве. Современные публицисты, выступающие с точки зрения ислама, считают, что основными, исконными антропологическими категориями, данными человеку при творении, являются сознание, воля и совесть. Они создают антропологию личности с опорой в основном на два понятия – воля и сознание, которые отличают человека от животного, делают

его способным к созданию культуры, преображению мира. Совесть, несмотря на признание ее в качестве общечеловеческого свойства, уходит скорее на второй план, потому что в исламе человек не моральное существо, как в китайской культуре, а в первую очередь разумное, волевое и созидающее (государство, правовые нормы, общину, технику, культуру и т.д.)» [2].

Многие современные исламские теологи подчеркивают значение личностного начала в природе человека. «Человек, в котором самость достигла своего относительного совершенства, занимает должное место в сердце Божественной творческой энергии и тем самым обладает гораздо большей степенью реальности, чем окружающие его вещи. Из всех творений Божьих он один способен сознательно участвовать в созидающей жизни Творца» [7, с. 115].

В современном исламском богословии актуализируются такие аспекты природы человека, которые обусловливают формирование и развитие его именно как личности: свобода выбора, способность с помощью разума самому контролировать свои эмоции, желания и волю и тем самым самому создавать себя. «Благодаря разуму и воле человек обретает свободу и становится самим собой, т.е. личностью. Достижение состояния личности является целью исламского воспитания, что возвышает человека до его реального, господствующего положения “наместника Бога на земле”» [2]. Однако такие трактовки существенно расходятся с традиционным, ортодоксальным исламом.

Статус личности в исламе и христианстве

Статус человека определяется в его отношении к Богу и положении по отношению к созданному Богом миру. Причем и то, и другое в обеих религиях принципиально предустановлено Богом. Однако содержание отношений Бога и человека в исламе и православии существенно различно. Статус человека в исламе определен ключевыми принципами: человек – раб Аллаха, человек – наместник Аллаха на земле. Понятие «раб» в арабской культуре имеет совершенно иное значение, чем в европейской. Здесь раб – это не закрепощенное и полностью лишенное свободной воли существо, рассматриваемое как «вещь», полностью подчиненное внешней воле хозяина, а человек, занимающий активную позицию поклонения Богу, а не пассивного подчинения и смирения.

«Поэтому “раб” оказывается понятием принципиально позитивным, а не негативным, предполагающим нагруженность каким-то содержанием, а не лишенность чего-то. Говоря попросту, с этой точки зрения невозможно быть “рабом Бога”, сидя сложа руки и просто подчиняясь Его воле. Таким образом, быть рабом Аллаха – это означает в арабской культуре осуществлять активное сознательное поклонение Аллаху, а вовсе не быть не свободным и угнетенным, лишенным собственной воли» [11, с. 64–65].

Статус человека как раба Аллаха дополняется и уточняется в тезисе о человеке как наместнике Аллаха в тварном мире, который сформулирован во второй Суре Корана: «И вот сказал Господь своим ангелам: “Я установлю на земле наместника”» (Коран, Сура «Корова», аят 30). Что означает статус наместника Аллаха? Прежде всего, это означает определенную избранность человека среди всех других творений. Эта избранность выражается в особых качествах, которыми Аллах наделил человека, в отличие от других творений, – разум, свобода воли. Статус наместника Бога на земле предполагает также власть человека над материальным миром и даже ангелами, естественно, лишь в тех пределах, в которых она дана Аллахом. «Выбор человека в качестве наместника (халифа) был определен наличием у него разума и свободы воли. Ангелы не были удостоены этого титула по той причине, что, несмотря на их идеальные качества, они были изначально сотворены Богом в качестве Его служителей, а не поклонялись Ему в соответствии со своим волеизъявлением» [1].

Статус наместника Аллаха на земле, однако, не отменяет двух принципиальных слабостей человека: нравственной и физической. Физическая слабость состоит в его тварной, физической природе и обусловленной этим зависимостью от физической природы, а нравственная слабость состоит в склонности к отпадению от истинной веры, к греху. «Именно как творение он зависим от Бога, зависим, прежде всего, в силу двойной слабости своей природы: онтологической (человек смертен) и нравственной (человек греховен)» [3]. Физическая слабость человека принципиально непреодолима, поскольку он является тварным существом, но поскольку он является еще и нравственным существом, то именно это и выделяет его из животного мира. «Если первая абсолютно неподконтрольна человеку, то вторая находится в его власти и выделяет его из среды животного мира» [1].

Статус наместника Аллаха предполагает, что человек способен преодолевать свою нравственную слабость. Именно эта

способность и составляет призвание человека. «Призвание человека – познание своей природной святости и благородства, которое состоит в возвышенном положении над миром животных, растений, минералов, в способности покорять и преобразовывать материальный мир. Человек способен к познанию своей природы, когда он осознает себя выше всех зависимостей, вожделений, низостей и коварств» [2].

Свой статус наместника Аллаха на земле человек получает как потенциальную возможность, реализация которой предполагает, прежде всего, верность Аллаху и победу над своей нравственной слабостью. Каждый человек, почитающий Бога, совершающий ему служение и выполняющий Его законы, является наместником Аллаха. Если же человек не соответствует этим критериям, то либо его высокий титул наместника оказывается приниженным, либо он лишается его вообще [1].

Отношения между Богом и человеком в исламе выстраиваются по схеме: со стороны человека требуются поклонение и покорность, а со стороны Аллаха – постоянное руководство и милосердие. «В самом же Коране отношения между Богом и человеком строятся на бесконечном милосердии и снисходительности к человеку со стороны Бога и добровольной покорности, послушания Богу со стороны человека» [3]. Причем помочь и милосердие Аллаха человек может заслужить покорностью.

Милосердие Аллаха направлено только на праведников, покоряющихся его воле, и правоверных мусульман. Тех же, кто отклоняется от истинной веры или впадает в грех, ждут суровые кары. Поэтому важное место в отношении человека к Аллаху занимает страх его кары. Кроме того, милосердие Аллаха носит с его стороны свободный характер: «Он прощает, кому захочет, и наказывает, кого захочет. Аллах прощающий и милостивый» (Коран, Сура 3 «Семейство Имрана», аят 124). Характерно, что в исламе отношения между Богом и людьми не интерпретируются в терминах «любви», как это делается в христианстве. Это, как нам кажется, является следствием принципиальной неатропоморфичности Аллаха.

Статус человека в православии определяется также двумя принципами: человек – высшее творение Бога и человек – сын Божий. Смысл первого тезиса определяет не только тварную природу человека, но и его место среди сотворенного мира. Создавший человека по своему образу и подобию, Бог наделил его богоподобными качествами – разумом и свободой воли, а также поставил

человека владыкой над природным миром и даже дал человеку в лице Адама право наречения имен всем животным. «Среди всей твари человек занимает высшее положение. Во-первых, высшее по своему онтологическому уровню, во-вторых, потому что он владыка и тварь. Весь космос отдается ему во владычество, он – царь, он вводится последним, как владыка вводится в свои уже созданные владения» [4].

Если в тезисе о человеке как высшем творении Бога мы видим определенную близость христианства с исламом, то в тезисе о богосыновстве состоит принципиальное отличие ислама от христианства. Однако богосыновство человека является не актуальным, изначально данным ему Богом, а лишь потенциальным статусом. Причем предварительным условием богосыновства человека является богосыновство Сына Божия – Иисуса Христа. Только благодаря Иисусу Христу, давшему образец богосыновства в богочеловеке, перед людьми открывается потенциальная возможность перехода человека от статуса раба Божия к статусу сына Божия. «В Новом Завете статус раба упраздняется актом усыновления, которое человек получает благодаря искупительной жертве сына Божия. Например, в Послании к Галатам: “Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа” (Гал. 4:4–7). Коран же принципиально отвергает идею сыновства Божия, усматривая в ней посягательство на абсолютное единство, трансцендентность Бога, Его радикальную недоступность» [3].

Первым, главным и единственным Сыном Божиим, тождественным с отцом по природе, является Иисус Христос, Бог Сын, дающий людям образец сыновнего отношения к Богу. Тем самым он открывает каждому христианину путь и возможность установления подобных сыновних отношений к Богу. «“Отцом” в мировых религиях верховное Начало именовали нередко. Но обычно Его представляли в виде деспотичного и властного повелителя. Такой взгляд, несущий на себе печать страха людей перед бытием и перед земными владыками, сказался даже на ветхозаветном мышлении. Когда иудей произносил слово “отец”, оно, как правило, ассоциировалось у него с понятием о суровом господине и покровителе всего народа. Только Иисус говорит об Отце, которого может обрести каждая человеческая душа, если захочет этого. Евангелие приносит людям дар богосыновства» [6]. Те, кто примет его, узнают, что с Создателем Вселенной можно говорить один на

один, как с «Аввой», как с любящим отцом, который ждет ответной любви.

Условиями обретения статуса сына Божия для отдельного христианина являются искреннее, свободное исполнение воли Бога, личная любовь, личное отношение к нему, прежде всего в лице богочеловека Иисуса Христа. «Отношения с Богом возможны тогда, когда волю Отчью, волю Божественную человек исполняет так же, как хороший сын исполняет волю своего отца. Когда простота доверия, крепкая связь духовная между Богом и человеком существует, тогда мы и можем надеяться на то, что войдем в Царство Небесное... Единение христиан в любви с Богом и друг с другом возможно именно потому, что у нас есть доступ к Сыну Божию, и только тогда, когда мы приближаемся ко Христу, когда мы любим Его и стремимся быть с Ним, – только тогда мы становимся сыновьями Отца нашего Небесного» [8].

Статус богосыновства в христианстве определяет специфику отношений между Богом и человеком. Со стороны Бога по отношению к человеку существуют бесконечная любовь и милосердие, которые распространяются не только на правоверных верующих, но и на всех грешников и даже неверующих или иноверцев. Но и от человека Бог ожидает ответной любви. Важную роль в христианской любви к Богу играет тождество любви к Богу и любви к человеку. Нельзя любить Бога, не любя человека, и нельзя любить человека, не любя Бога, не побеждая искушение эгоистического себялюбия. Истинная любовь к Богу, как и человеколюбие, не может быть ограничена ничем. Христос призывал любить не только близких, но и дальних, и даже врагов своих больше самого себя. Именно в такой любви актуализируется высшая любовь к Богу.

Христианская любовь к Богу носит глубоко личностный, эмоциональный характер, но при этом она не плотская, а духовная. «В Новом Завете любовь Бога к человеку («Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, а имел жизнь вечную» (Ин. 3:16)), и любовь человека к Богу («Возлюби Господа Бога своего всем сердцем твоим, всей душой твоей, всем разумением твоим» (Мф. 22:37)), и любовь человека к человеку («Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39)) суть наипервейшие, наиглавнейшие темы» [3]. Любовь Бога к человеку существует изначально, а задача человека состоит в том, чтобы, искренне возлюбив Бога, обрести

духовное богосыновство через приближение к совершенному образу богочеловека Иисуса Христа.

Таким образом, и в исламе, и в христианстве человек является наиболее совершенным творением Бога и в принципе призван к исполнению воли Бога, или предустановленной для него Богом миссии быть «наместником» Аллаха, или владыкой тварной природы и еще более важной миссии – следования божественным установлениям в своем поведении. Христианство открывает, в отличие от ислама, потенциальную возможность возвышения статуса человека до богосыновства, а через личное отношение к Богу – возможность достижения взаимной божественной любви.

Интерпретация статуса человека определяет содержание смысла жизни верующего или его божественную миссию, т.е. установленное для него Богом призвание. В интерпретации этой миссии в исламе и христианстве существуют как сходство, так и существенные различия. Главным смыслом жизни мусульманина является исполнение предустановленной Аллахом для человека миссии. «Миссия человека – не собственно внутреннее нравственное развитие. Она извне задана ему Аллахом – быть наместником Бога на Земле, исполнять его волю, поддерживать установленный Аллахом порядок и закон»¹. Главное условие реализации этой миссии – покорность воле Аллаха. Но покорность воле Аллаха – это не пассивное бездействие, а напротив, активное действие: борьба с собственной греховностью, пунктуальное исполнение предписаний и заповедей Аллаха, стремление к совершенству (образу идеального, совершенного мусульманина, представленному в пророках).

Внешне во многом сходна и жизненная миссия христианина, предполагающая покорность Богу, исполнение предустановленного им смысла жизни. И эта миссия также предполагает: преодоление греховности собственной природы, соблюдение заповедей Бога, самосовершенствование, приближение к христианскому идеалу богочеловека, представленному Христом. Различия между исламом и христианством обнаруживаются, во-первых, в содержании представленных трех элементов миссии, во-вторых, в их акцентах в структуре жизненной миссии верующего.

Если говорить о борьбе с греховной природой человека, проистекающей из его тварности и принципиального несовершен-

¹ Подробнее см.: Поломошнов П.А. Проблема личности в исламе // Исламоведение. – 2015. – № 4. – С. 83.

ства по сравнению с Богом Творцом, то в исламе смысл этой борьбы состоит в исправлении поступков актом воли, а в христианстве – в исправлении личности актом духа. Поэтому в исламе исправление греховности является всегда одномоментным актом победы над конкретным грехом в конкретной ситуации. Причем эта победа не гарантирует столь же постоянных побед в последующей жизни. Для христианина исправление греховности есть, прежде всего, радикальное искоренение греха в своей душе, которое дает основу праведной жизни и устойчивость перед искушениями. «Для человека, именно в силу его принципиального несовершенства или греховности, открывается перспектива нравственного роста, искупления, преодоления греховности и приближения к идеалу – Богу, слияния с ним в богочеловечестве, которое рассматривается как вершина и конец всемирной истории. Интерес христианства по проблеме личности направлен на внутреннее духовное самосовершенствование человека при помощи веры и при прямой поддержке Бога» [7, с. 83].

Стремление к совершенному образу в исламе предполагает принципиальную невозможность достижения образа, а в христианстве такая принципиальная возможность потенциально открыта каждому верующему. «Если в христианстве главная цель жизни – обожение, усыновление Богу, или, как в ослабленной версии католичества, “подражание Христу”, то для ислама это “не только не выполнимо, но и, безусловно, греховно”, т.е. “ширк”, крайнее нечестие, поскольку человеку дана только лишь “возможность жить по Закону Божию”» [2].

Ислам в решении задачи религиозного совершенствования человека идет от поступков к качествам души, а христианство от качеств души к поступкам. Таким образом, в исламе делается акцент на совершенстве поступков, а в христианстве на совершенстве души или нравственном совершенствовании. Отсюда и существенное различие в природе религиозной нравственности мусульманина и христианина. «Если нравственность христианства обращена внутрь личности, в ее духовный рост, то нравственность ислама обращена вовне – в исполнение человеком в его деятельности заданных Аллахом предписаний и миссии. Не случайно исламский идеал человека представляет собой простое описание набора внешних качеств идеального мусульманина, не углубляясь в его внутренний духовный мир и самосознание» [7, с. 83].

Заключение

Проведя сравнительный анализ некоторых ключевых аспектов исламской и христианской антропологий, мы можем сделать некоторые выводы.

Во-первых, необходимо отметить, что если разница этих религиозных антропологий отражает и формирует различия христианских и мусульманских цивилизаций, то сходство способствует конструктивному диалогу цивилизаций, хотя экуменистический синтез этих двух антропологий невозможен и деструктивен. Двум типам цивилизации отвечают две концепции религиозной антропологии, но между ними нет принципиального антагонизма, возможны мирное сосуществование и корректный диалог.

Во-вторых, гуманистичность этих антропологий различна, но это все формы специфического религиозного гуманизма. Было бы некорректным пытаться установить приоритет исламского или христианского гуманизма в сравнении их друг с другом. «Гуманизм и нравственность в исламе отнюдь не носят формальный характер. Они просто другие, чем в христианстве и европейской культуре. Исламский гуманизм не лучше и не хуже европейского, христианского. Он просто иной. Не нравственное совершенствование как путь возвращения к Богу на основе богооподобия, а “рабское” (в специфическом для арабской культуры смысле), фактически свободное и добровольное служение высшему божественному порядку путем активной мирской деятельности – вот акцент исламского гуманизма» [7, с. 85].

В-третьих, существует возможность, и она не раз реализовывалась в истории, искажения этих антропологий и формирования на этой основе антигуманистической их версии. Например, современный исламский экстремизм, как и различные формы христианского экстремизма и сектантства, основан на искажении принципиальных положений исламской антропологии и принципов исламского гуманизма. Именно на почве искажений гуманистических по сути антропологий ислама и христианства возникают острые конфликты между христианами и мусульманами, но за такими конфликтами всегда обнаруживаются конкретные социально-исторические причины.

В-четвертых, в российской поликультурной цивилизации исторически сложилась поликонфессиональность религий на единой цивилизационной, государственной, социально-политической и экономической основе. Обе антропологии гуманистичны

и совместимы с общероссийской социокультурной идентичностью, образуя ее разные компоненты. И задача сегодня состоит в том, чтобы не только сохранить межконфессиональный мир, но и реализовать конструктивное межконфессиональное сотрудничество, направленное на утверждение в российском обществе подлинного гуманизма и адаптацию гуманизма традиционных религий к современной реальности. Межрелигиозный мир в российском обществе, по определению А.В. Полосина, – «это большое здание, крышей которого должны быть богословские суждения каждой из сторон друг о друге и об условиях такого мира. Причем эти суждения должны быть настолько значимы и авторитетны для верующих соответствующей религии, чтобы иметь нормативный характер». И такой мир может быть основан не на несостоительной попытке объединения религий, а на «богословском, догматическом, вероучительном обосновании добрососедских и партнерских отношений разных религиозных общин». Иначе говоря, основа межрелигиозного мира – не комплименты представителей церквей различных конфессий, а «вероучительные принципы, догматы, каноны, которые моделируют и закрепляют добрососедские и партнерские в социальном и патриотическом служении отношения религиозных организаций разного вероисповедания в едином поликонфессиональном обществе и государстве» [9].

В-пятых, в условиях глобального социального, экономического и духовного кризиса российского общества нужно не адаптироваться к кризису, а противостоять ему, выработать духовную, религиозную позитивную альтернативу тенденциям и проявлениям бездуховности.

Литература

1. Айдын Али-Заде. Божественная и земная власть в исламе. – М.: Нур, 2013. – 222 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://alizadeh.narod.ru/books/power/contents.html>
2. Ермишина К. Религиозная антропология: Учебное пособие. – Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/religioznaya-antropologiya-uchebnoe-posobie-read-419694-1.html>
3. Журавский А.В. Представления о человеке в Коране и в Новом Завете [Электронный ресурс]. – URL: <http://mission-center.com/islams/zhur.htm>
4. Лоргус А. Православная антропология. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/307>

5. Максимов Г. Религия сильного человека: Христианство или ислам. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/1453.html>
 6. Мень А. Небесный Отец и богосыновство – Сын Человеческий. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-reading.club/chapter.php/38574/9/Men' – Syn Chelovecheskii.html>
 7. Михайлов Ю.А. Пора понимать Коран. – М.: Ладомир, 2008. – 240 с.
 8. Михайлова М. Символ веры. Беседа 5: Бог Отец и богосыновство. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.komiprav.ru/proekty/besedy-o-simvole-veryy/beseda-5-boga-otca-bog>
 9. Полосин А.В. Ислам и православие. Богословская основа добрососедства. [Электронный ресурс]. – URL: <http://islamdag.ru/analitika/5057>
 10. Редкозубов А.Д. Православный взгляд на основные аспекты мусульманского образа жизни. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mission-center.com/islams/-redkozub.htm>
 11. Смирнов А.В. Нравственная природа человека: Арабо-мусульманская традиция // Этическая мысль: Ежегодник. – М.: Институт философии РАН, 2000. – С. 46–70.
 12. Фарапонова М.А. Компаративистский анализ понимания личности в православии и исламе. [Электронный ресурс]. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/-files/arhiv_zhurnala/2014/19/philosophy/faraponova.pdf
 13. Фахрудин М. Всеышний Аллах – что мы обязаны знать о нем? [Электронный ресурс]. – URL: www.islam.ru/content/veroeshenie/43436
 14. Чурсанов С.А. Христианский образ человека: Основные линии православного вероучения. [Электронный ресурс]. – URL: <https://mospat.ru/church-and-time/64>
- «Исламоведение», ДГУ,
Махачкала, 2017 г., т. 8, № 1, с. 5–18.

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ «РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР» В 2017 г. № 1 (295) – 12 (306)

№ 1 (295)

А. Лубский, О. Посухова. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России (с. 5–18); *В. Зорин.* Мусульмане России: Реалии формирования гражданской идентичности (с. 18–29); *В. Чигрин.* Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтнический социум (с. 30–41); *С. Жемчураева.* К вопросу о месте религии в структуре идентичности чеченцев (с. 41–48); *И. Волков.* Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане как основа межцивилизационного сотруд-

ничества в Средней Азии (с. 48–63); *А. Самохин*. Отдельные аспекты геополитического измерения сирийского кризиса (2011–2016) (с. 64–70); *Р. Ланда*. Ливан и «арабская политическая весна» (с. 70–89); *В. Кириченко*. Шиитская община в политической жизни Кувейта (с. 90–95); *О. Бибикова*. Миграционный кризис 2016 г. и его последствия (с. 95–117); *И. Добаев*. Эволюция идеологических доктрин такфиритов-джихадистов (с. 118–129); *Р. Гайнутдин* (*Гайнутдинов*), *Д. Мухетдинов*. Взгляды ал-Газали на проблему правоверия (с. 130–150).

№ 2 (296)

А. Фирсов. Особенности поддержания политической стабильности в современной России (с. 5–16); *Ш. Сулейманова*. Политический дискурс ислама в XXI веке (с. 17–24); *А. Гасаналиев*, *З. Абачараева*. Проблема легитимного регулирования исламского банкинга на территории Российской Федерации (с. 25–34); *О. Сенюткина*. Мечети Поволжья в социальных процессах современной России (с. 34–42); *А. Ваисов*. Социально-экономическое положение населения Хорезмской области Узбекистана (с. 43–47); *Д. Мальцев*. Исторические мифы стран Средней Азии (с. 48–80); *К. Азимов*. Кто стоит за попыткой переворота в Турции? (с. 81–91); *А. Яковлев*. Власть и насилие в Саудовской Аравии: Эволюция целей и методов в начале XXI в. (с. 91–111); *А. Вавилов*. Мигрантский «потоп» в Европе (с. 112–127); *И. Добаев*. «ДАИШ»: Идеология, структура, политическая практика, каналы финансирования (с. 128–138); *А. Буттаева*. Актуально, комплексно и основательно о религиозно-политическом экстремизме в современной России. (Рецензия на монографию «Религиозно-политический экстремизм: Сущность, причины, формы проявления, пути преодоления») (с. 139–146); *К. Шермухамедов*. Осуждение религиозного фанатизма в исламе (с. 146–152).

№ 3 (297)

С. Новоселов. Россия в меняющемся миропорядке (с. 5–13); *М. Яхъяев*. Факторы воспроизведения экстремизма и терроризма в современной России: Комплексный анализ (с. 13–33); *Н. Гарунова*. К вопросу о культуре толерантного взаимодействия и проблеме

противодействия молодежному экстремизму и терроризму в Дагестане (с. 34–38); *В. Акаев*. Шейх Кунта-Хаджи Кишиев в духовной культуре чеченцев: Основные вехи жизни, суть учения и его современное значение (с. 39–54); *Д. Попов*. Таджикистан перед лицом угрозы международного терроризма (с. 54–83); *Сулейманов Р., Хикметов К.* Роль «курдского фактора» в попытке государственного переворота 15 июля 2016 года в Турции (с. 84–96); *Ю. Зинин*. Основные участники внутриполитического конфликта в Ливии (с. 96–117); *Е. Музыкина*. Место религиозной компоненты в ирано-саудовском конфликте (с. 117–127); *С. Орлова, Т. Седова*. «Арабская весна»: Надежды и разочарования (с. 127–136); *А. Манойло*. «Мягкая сила» террористов (с. 137–149); *У. Шарипов*. О переводах Корана – Священной Книги Ислама на русский язык (с. 150–166).

№ 4 (298)

С. Расторгуев. Внешнеполитические гибридные возможности и угрозы современной России: Вызов обществу, государству и элите (с. 5–20); *Р. Патеев*. Концептуальные проблемы современного исламоведения: Поиск парадигмы трансформации исламских сообществ (с. 20–35); *О. Цветкова*. Трансформация субнационального политического пространства Кавказского региона (с. 36–51); *С. Галбацев*. Вызовы и риски устойчивого развития в Республике Дагестан (этнополитический аспект) (с. 51–58); *Д. Попов*. Центральная Азия во внешней политике США. Противодействие российскому интеграционному проекту (с. 59–71); *А. Витол*. Вхождение Турции в «европейский концерт»: Европейское понимание и конфликт с исламом (с. 72–79); *К. Труевцев*. Распад Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье (с. 80–99); *Л. Ефимова*. Мусульманское образование в современной Индонезии (с. 99–116); *Б. Долгов*. Миграционный кризис в Европе и радикальный исламизм (с. 117–134); *А. Кныш*. Реформация, которая не состоялась, или Что бы сказал Муса Бигиев сегодня? (с. 135–142); *О. Клычев*. О порядке направления российских подданных на обучение в медресе Бухары (с. 143–154).

№ 5 (299)

В. Якунин. Россия и Запад: От диалога к противостоянию (с. 5–16); *И. Добаев.* Этапы радикализации исламистских неправительственных религиозно-политических организаций и пути повышения эффективности противодействия идеологии такфиритов-джихадистов в Российской Федерации (с. 17–32); *Ю. Александров.* Казахстан: Первый опыт модернизации (с. 33–39); *Д. Малышев.* Центральная Азия: Угроза радикального исламизма. Ситуация в Таджикистане (с. 39–54); *Д. Попов.* Центральная Азия во внешней политике США. Центральноазиатское лобби в Вашингтоне (с. 54–61); *О. Кобзева.* История исламской культуры и ее изучение в современном Узбекистане (с. 61–70); *И. Сафранчук.* Децентрализация Афганистана и «Новый северный альянс» (с. 71–80); *Л. Исаев.* Бесконечная война, или Снова о Йемене (с. 80–91); *О. Бибикова.* Миграционный кризис 2015 г. в Европе и его последствия (с. 92–110); *А. Ниязи.* Идеалы учения «ал-васатыйа» для устойчивого Развития (с. 111–131); *О. Сумарокова.* Теория о непереводимости Корана как инструмент манипуляции общественным сознанием: На историческом материале Российской империи (с. 131–139).

№ 6 (300)

А. Кочетков. Особенности формирования и развития политического класса современной России (с. 5–14); *С. Сиражудинова.* Неофиты в структуре радикального ислама (с. 14–25); *Г. Матишов.* Социально-политические и этнические процессы на Юге России (с. 26–32); *А. Ахунов.* Роль зарубежного фактора в становлении системы религиозного образования в постсоветском Татарстане: Проблемы и пути их преодоления (с. 33–43); *Н. Романченко.* Структура и современные тенденции развития террористических религиозно-политических организаций на Северном Кавказе в постсоветский период (с. 43–59); *М. Лихачёв.* Современное националистическое движение Казахстана (с. 59–82); *В. Белокреницкий.* Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире. (Пример Пакистана) (с. 83–107); *Г. Косач.* «Видение: 2030». Саудовские реформы (с. 107–124); *Э. Касаев.* Россия и ОПЕК: От слов к делу (с. 124–142); *Д. Брилева.* Антропологиче-

ский аспект инсайдерства и аутсайдерства в исламоведении (с. 143–156).

№ 7 (301)

Н. Седых. Предупредительно-профилактическая антитеррористическая деятельность в молодежной среде: Состояние и пути совершенствования (с. 5–19); *А. Ниязи.* Россия – Центральная Азия в экологических измерениях (с. 20–25); *Э. Асатрян.* Межгосударственные конфликты в Центрально-Азиатском регионе (с. 26–31); *Ш. Кашиф.* Диссеминация опыта институциональной организации исламского образования во внешнеполитическом контексте взаимодействия России, Турции и стран Центральной Азии (с. 31–53); *Р. Ланда.* Бургиба и бургибизм (с. 54–83); *О. Новикова.* Женщины в ИГ (с. 84–102); *К. Авазов.* Внешние и внутренние угрозы современности, безопасность и стабильность в обществе и их взаимосвязь (с. 102–114).

№ 8 (302)

С. Сиражудинова. Управление конфликтом: Протестная политика и гражданское общество в современном мире (с. 5–15); *С. Устинкин, Н. Морозова.* Межнациональные отношения в Нижегородской области (с. 16–24); *Г. Гилязов, Р. Нуруллина.* Профессиональная переподготовка и повышение квалификации имамов в Татарстане: Социальная практика, мнения, оценки и точки зрения (с. 25–33); *А. Адигев, Е. Щербина.* Дагестан и Карачаево-Черкесия: Проблемы регулирования этнического состава в органах власти в полигэтнических регионах (с. 34–40); *А. Цуркан.* Режим прекращения боевых действий в Сирии: Успехи и перспективы российско-американского сотрудничества (с. 41–59); *Е. Васецова.* Ливия: Пять лет без Каддафи (с. 59–69); *Т. Игнатова, А. Добаев.* Исламская экономика и эволюция системы «хавала» (с. 70–94); *А. Аллокулов.* Мулла Али Аль-Кари и источниковедческий анализ его произведения «Фараид Аль-Калаид Аля Ахадиси Шарх Аль-Акаид» (с. 95–102).

№ 9 (303)

И. Савченко, Л. Снегирева, С. Устинкин. Трансформации молодежного религиозного сознания: Тенденции и противоречия (с. 4–12); *И. Добаев, О. Черевков.* Трансформация радикального исламистского движения на Северном Кавказе: От «Имарата Кавказ» – к «Вилайяту Кавказ» (с. 13–31); *С. Притчин.* Узбекский транзит для Центральной Азии (с. 31–40); *С. Иванов.* Вооруженные конфликты в Сирии и Ираке. Перспективы их разрешения (с. 41–53); *У. Шарипов.* Йемен – фронтальное столкновение суннитского и шиитского населения и вмешательство внешних сил (с. 53–62); *Г. Кутырев.* Позиция Италии в сирийском кризисе: Между Западом и Россией (с. 62–86); *Л. Сюкяйнен.* Исламская концепция халифата: Исходные начала и современная интерпретация (с. 87–104).

№ 10 (304)

А. Самохин. О роли научного сообщества в условиях глобальной информационной войны (с. 5–11); *И. Зайцев.* Изучение и каталогизация собраний арабских, персидских и тюркских рукописей в Российской Федерации за истекшие 25 лет (1991–2016) (с. 12–41); *М. Лихачёв.* Современная политическая мысль суверенного Казахстана (с. 42–48); *З. Халилова.* Слушатели медресе советского Узбекистана (1945–1991 гг.): Социальная жизнь и повседневные практики (с. 49–64); *С. Клепиков.* К вопросу о стратегическом союзе между Российской Федерацией и исламской Республикой Иран (2017 г.) (с. 65–70); *А. Филоник.* Исламские финансы и вызовы современности (с. 71–86); *А. Юзеев.* Становление исламской теологии: Конфессиональный и региональный аспекты (с. 86–89); *О. Клычев.* «Дахъяк» – форма поддержки учащихся медресе и профучилищ в Бухарском эмирате (с. 89–100).

№ 11 (305)

К. Воденко. Ресурс межнационального согласия в молодежной среде российского общества (с. 5–16); *З. Сикевич.* Этническая идентичность русских и чеченцев в контексте исторической памяти (сравнительный анализ) (с. 17–27); *А. Ниязи.* Россия – Центральная

Азия: Показатели качества жизни и устойчивого развития. К вопросу об интеграции (с. 27–39); *Р. Сулейманов*. Страна огней меж двух огней: Как Азербайджан балансирует между Израилем и Ираном (с. 40–48); *Л. Симутенкова*. Региональные приоритеты внешней политики Республики Узбекистан: Библиографическая справка (с. 48–57); *Д. Ефременко*. На реках Вавилонских. Ближневосточный миропорядок в состоянии полураспада (с. 58–73); *О. Эрназаров*. Десять лет деятельности мусульманской школы Токио (1927–1937) (с. 74–84); *З. Султанахмедова*. Специфика исламского экстремизма (с. 85–108); *В. Шаронова*. Тюрко-татарское население в Маньчжурии в годы «белой эмиграции» (с. 108–119).

№ 12 (306)

Р. Мухаметзянова-Дуггал. Религия и власть в России в XX–XXI вв.: Три модели государственно-конфессиональных отношений (с. 5–11); *М. Решетников*. Что привлекает молодежь в террористические организации и группы? (с. 11–28); *М. Батчаева*. Мусульманские молодежные субкультуры в КЧР: Структура и функции (с. 29–35); *Е. Алексеенкова*. Сравнительный анализ деятельности созданных в Центральной Азии форматов «5+1» (с участием США, Южной Кореи, Японии и ЕС) (с. 36–59); *Е. Бирюков*. Взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана в сфере безопасности (с. 60–85); *Б. Долгов*. Социально-политическое развитие Туниса и стратегия «движения Нахда» (с. 85–101); *П. Поломошинов*, *А. Поломошинов*. Исламская и христианская антропология как альтернативные версии религиозного гуманизма (с. 102–119); Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2017 г. (с. 119–125).

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2017 – 12 (306)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 6/XII-2017 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,75 Уч.-изд. л. 7,5
Тираж 250 экз. Заказ № 171

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

